947.07

1825 — 1855.

Эпоха Николая I

Фельдъегери

947.07
Т 996

п 34 г.

НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА.

ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

МАРКИЗА ДЕ-КЮСТИНА.

Съ приложеніемъ дневника

А. О. СМИРНОВОЙ.

(1845 г.)

6 вкл. л. илл.

58805
49 г.
947.07
К996
Центральное книгохранилище
Московская Центральная Публичная Библиотека

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1910.

Отъ редакціи.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ путешественниковъ-иностранцевъ, оставившихъ свои воспоминанія о Николаевской Россіи, наибольшее впечатлѣніе и за границей, и у насъ произвелъ маркизъ де-Кюстинъ. Вдумчивый и тонкій наблюдатель, превосходный стилистъ, онъ захватывалъ читателя блескомъ литературнаго таланта, ѣдкостью остроумія, отточенностью афоризмовъ, искренностью тона. Несомнѣнно, во многихъ случаяхъ онъ сгущалъ краски, но это вызывалось его темпераментомъ, стремительнымъ и бурнымъ, сильнымъ и на рѣдкость цѣльнымъ. Обычно обвиненіе его въ ненависти къ Россіи. Ложность его ясна для каждаго внимательнаго и безпристрастнаго читателя. Въ характеристикѣ Кюстина столько скорби, самъ онъ пережилъ за время своего путешествія такой глубокій внутренній переломъ, что о *намѣренномъ* сгущеніи красокъ не можетъ быть и рѣчи. *Въ его мнимой ненависти больше любви и настоящаго, человѣчнаго уваженія, чѣмъ въ казенныхъ аналогіяхъ Гречей и другихъ официальныхъ или официозныхъ патріотовъ*. Въ этомъ отношеніи его воспоминанія напрашиваются сами собою на параллель съ знаменитыми письмами Чаадаева.

Кюстинъ мало затрогиваетъ внутреннюю жизнь Николаевскаго двора. Этотъ пробѣлъ отчасти восполняется записками А. О. Смирновой, которыя мы даемъ въ приложеніи.

Кюстинъ о Россіи въ 1839 г.

> Это (московиты)—народъ, рожденный для рабства и свирѣпо относящійся ко всякому проявленію свободы; они кротки, если угнетены, и не отказываются отъ ига..... Даже у турокъ нѣтъ такого униженія и столь отвратительнаго преклоненія предъ скипетромъ своихъ Оттомановъ.
>
> Іоаннъ Барклай (1582—1621 гг.).

Появившаяся въ 1843 г. книга маркиза Кюстина *La Russie en 1839* вызвала переполохъ въ петербургскихъ правящихъ сферахъ. Въ Петербургѣ знали, что авторъ ея составилъ себѣ имя въ французской литературѣ описаніемъ своихъ путешествій и что его отзывъ о Россіи, основанный на личныхъ наблюденіяхъ, не пройдетъ незамѣченнымъ въ Европѣ. Въ тѣ времена русскій абсолютизмъ еще находилъ нужнымъ считаться съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Офиціальная Россія съ императоромъ Николаемъ во главѣ во время пребыванія Кюстина въ имперіи приложила всѣ старанія къ тому, чтобы произвести на него выгодное впечатлѣніе, и ждала отъ него лестнаго отзыва о томъ, что ему было показано. Ей пришлось однако испытать горькое разочарованіе,—въ книгѣ Кюстина она прочла откровенную и суровую оцѣнку русскаго государственнаго и общественнаго быта, которая должна была еще болѣе подчеркнуть и обострить антагонизмъ между цивилизованнымъ міромъ и Россіей. Русское правительство поспѣшило ослабить по возможности дѣйствіе разоблаченій Кюстина на европейское общественное мнѣніе и уже въ 1844 г. опубликовало въ Парижѣ составленный его лейбъ-публицистомъ Николаемъ Гречемъ отвѣтъ на нихъ (*Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé «La Russie en 1839»*). Произведеніе офиціознаго пера, какъ и слѣдовало

ожидать, не имѣло ни малѣйшаго вліянія на пріемъ, оказанный въ Европѣ книгѣ Кюстина, которая выдержала нѣсколько изданій и была переведена на нѣсколько языковъ. Этотъ пріемъ и еще болѣе раздраженіе, вызванное книгой въ русскихъ придворныхъ сферахъ, свидѣтельствуютъ о ея важномъ публицистическомъ и историческомъ значеніи.

Маркизъ Астольфъ де Кюстинъ родился въ Нидервиллерѣ въ Лотарингіи (департ. Meurthe) 18 марта 1790 г. Его отецъ и дѣдъ (генералъ, командовавшій рейнской арміей въ 1792 г.) погибли на эшафотѣ во время террора*),и онъ былъ воспитанъ въ Лотарингіи своею матерью, урожденною де Сабранъ, женщиною, выказавшею замѣчательную стойкость характера и способность къ самопожертвованію въ теченіе этого тяжелаго періода своей жизни. Отчасти подъ вліяніемъ матери у молодого Кюстина рано появилось влеченіе къ путешествіямъ. Въ 1811—1822 гг. онъ объѣздилъ Швейцарію, Англію, Шотландію и Калабрію, позднѣе посѣтилъ Испанію и, наконецъ, Россію. Путевыя замѣтки и наблюденія послужили ему матеріаломъ для сочиненій, появившихся одно за другимъ: *Mémoires et voyages ou Lettres écrites à diverses époques pendant des courses en Suisse, en Calabre, en Angleterre et en Ecosse* (1830), *l'Espagne sous Ferdinand VII* (1838) и *la Russie en 1839*. Кюстинъ пробовалъ свои силы и въ другихъ родахъ литературы. Въ разное время имъ были написаны: новелла *Aloys ou le Moine du Saint-Bernard*, романы *Le Monde comme il est*, *Ethel*, *Romuald ou la Vocation*, трагедія *Béatrix Cenci*. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ составленіи «живописнаго обзора» (*tableau pittoresque*) Испаніи и Португаліи, выпущеннаго въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Péninsule*, и въ изданіи англійскихъ поэтовъ съ французскимъ переводомъ en regard въ *Bibliothèque anglo-française*. Умеръ Кюстинъ въ сентябрѣ 1857 г.

Его сочиненія даютъ обильный матеріалъ для характеристики его міросозерцанія. Онъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ и притомъ убѣжденный католикъ. Романъ *Romuald ou la Vocation*—не что иное, какъ богословскій трактатъ въ беллетристической формѣ, направленный противъ невѣрія. «Я,—говоритъ Кюстинъ,—христіанинъ потому, что судьба человѣка не завершается на землѣ; я—католикъ потому, что

---

*) Семейнымъ воспоминаніямъ за это время,—процессамъ отца и дѣда, аресту матери и ея освобожденію послѣ паденія Робеспьера,—посвящены 2-ое и 3-ье письма въ *La Russie en 1839*.

внѣ католической церкви христіанство искажается и гибнетъ»*). Сохраненіе чистаго христіанскаго вѣроученія и истинная религіозность возможны только въ той церкви, духовенство которой независимо, а независимость можетъ быть обезпечена духовенству только подчиненіемъ духовной власти, возвышающейся надъ отдѣльными народами и государствами; священникъ католической церкви свободенъ потому, что подчиненъ исключительно главѣ ея, папѣ, духовенство отколовшихся отъ католицизма національныхъ церквей поработилось свѣтской власти и въ силу этого лишилось моральнаго авторитета, свойственнаго христіанскому пастырю.

«Независимость церкви необходима для жизненности религіознаго начала, ибо развитіе благороднѣйшей способности народовъ, способности вѣровать, обусловливается достоинствомъ духовенства. Человѣкъ, обязанный сообщать людямъ божественныя откровенія, долженъ пользоваться свободою, невѣдомою священнику, возставшему противъ своего духовнаго главы. Поэтому униженіе служителей церкви является первымъ возмездіемъ за ересь; вотъ почему во всѣхъ схизматическихъ странахъ мы видимъ священниковъ, презираемыхъ народомъ, вопреки или, вѣрнѣе, благодаря покровительству, оказываемому имъ королями,—именно потому, что они стали въ зависимость отъ государя, даже въ области ихъ божественной миссіи».

«Народы, которымъ знакома свобода, никогда не станутъ чистосердечно повиноваться зависимому духовенству».

«Недалеко время, когда будетъ признано, что въ дѣлѣ религіи существенное значеніе имѣетъ не достиженіе свободы паствы, но обезпеченіе свободы пастыря».

«Когда міръ дойдетъ до этого, онъ сдѣлаетъ крупный шагъ впередъ».

«Толпа всегда будетъ подчиняться людямъ, которыхъ она признаетъ вождями: назовите ихъ священниками, докторами, поэтами, учеными, тиранами,—духъ народа будетъ въ ихъ рукахъ; религіозная свобода для массъ, слѣдовательно,—химера, но что важно для участи душъ, это—свобода человѣка, на котораго у нихъ возложено исполненіе священническихъ обязанностей; а свободенъ лишь одинъ священникъ въ мірѣ—католическій»**).

---

*) La Russie en 1839, t. I p. 10.

**) La Russie en 1839, t. VIII pp. 92—93.

Изъ этихъ тирадъ видно, что Кюстинъ умѣлъ сообщить аристократическую окраску даже своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. Рѣшительнымъ поборникомъ аристократическаго принципа является онъ и въ области политики. На выработку его политическаго міросозерцанія оказали несомнѣнное вліяніе бури революціоннаго времени, произведшія опустошенія въ его собственной семьѣ. Въ немъ укоренилось почти органическое отвращеніе въ демократіи, неизбѣжно выраждающейся на практикѣ, по его мнѣнію, въ господство демагоговъ, несовмѣстимое ни съ истинною свободой, ни съ цивилизаціей; по страницамъ даже его книги о Россіи разсѣяно немало болѣе или менѣе рѣзкихъ выпадовъ противъ демагоговъ, ведущихъ народныя массы къ анархіи, и ихъ союзниковъ-журналистовъ, подъ видомъ направленія общественнаго мнѣнія только фальсифицирующихъ его. Единственнымъ надежнымъ оплотомъ порядка въ обществѣ, устои котораго потрясены революціей и ея послѣдствіями, является аристократія; она одна въ состояніи обезпечить политической жизни состояніе устойчиваго равновѣсія, давая должный отпоръ эксцессамъ, съ одной стороны, деспотизма, съ другой—революціонной демагогіи. «Аристократія, какъ я понимаю ее,—говоритъ Кюстинъ,—отнюдь не вступая въ союзъ съ тиранніей ради порядка, въ чемъ ее упрекаютъ демагоги, невѣрно судящіе о ней, не можетъ существовать наряду съ произволомъ. Ея миссіей является защита, съ одной стороны, народа отъ деспота, съ другой—цивилизаціи отъ революціи, самаго страшнаго изъ тирановъ. Варварство принимаетъ различныя формы: вы поражаете его въ деспотизмѣ,—оно возрождается въ анархіи; но истинной свободѣ, подъ охраною истинной аристократіи, одинаково чужды и насиліе, и безпорядокъ»*). Кюстинъ понимаетъ однако, что феодальная аристократія отжила свой вѣкъ; онъ мечтаетъ объ аристократіи, возрожденной на новыхъ началахъ, на основѣ наслѣдственной магистратуры, объединяющей въ себѣ наиболѣе культурные и независимые элементы общества. Опорою этой новой аристократіи должна быть независимая церковь — католическая. Аристократія — правленіе независимыхъ умовъ, католицизмъ—религія свободныхъ священниковъ. Вопросъ о политической формѣ, въ которую должно облечься командующее положеніе въ государствѣ аристократическаго элемента, былъ рѣшенъ Кюстиномъ не

*) Ibid, pp. 104—105.

сразу. Долгое время онъ полагалъ, что такая роль аристократіи совмѣстима съ абсолютизмомъ смягченнаго типа, и только знакомство съ русскими порядками произвело переломъ въ его политическихъ взглядахъ. По собственному признанію, онъ поѣхалъ искать въ Россіи аргументовъ противъ представительнаго образа правленія въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній утвердился въ континентальной Европѣ, но русскіе рецепты поддержанія порядка оказались непріемлемыми для европейца даже кюстиновскаго склада: противникъ демократіи вернулся изъ Россіи убѣжденнымъ сторонникомъ народнаго представительства.

На значеніи поѣздки въ Россію въ этомъ отношеніи Кюстинъ останавливается въ предисловіи въ своей книгѣ о Россіи. Такъ какъ здѣсь же попутно онъ даетъ характеристику своихъ пріемовъ наблюденія и своего отношенія къ подмѣченнымъ имъ явленіямъ русской дѣйствительности, мы считаемъ нелишнимъ привести цѣликомъ соотвѣтственныя мѣста его avant-propos.

«Я пріѣзжаю въ незнакомую страну только съ тѣми предубѣжденіями, отъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ оградить себя,—съ предубѣжденіями, которыя намъ даетъ добросовѣстное изученіе ея исторіи. Я присматриваюсь къ вещамъ, наблюдаю факты и людей, безхитростно предоставляя повседневному опыту измѣнять мои мнѣнія. Немногія исключительныя идеи въ области политики мѣшаютъ этой непроизвольной работѣ, въ которой неизмѣннымъ руководствомъ мнѣ служитъ лишь одна религія; но и это руководство можетъ быть отвергнуто читателемъ, при чемъ однако изложеніе фактовъ и вытекающіе изъ него моральные выводы не навлекутъ на себя осужденія, какому я подвергнусь и хочу подвергнуться въ глазахъ невѣрующихъ».

«Меня смогутъ обвинить въ предразсудкахъ, но никогда мнѣ не будетъ поставлено въ укоръ умышленное сокрытіе истины».

«Я описываю на мѣстѣ то, что видѣлъ; разсказывая то, что я слышалъ, я записываю вечеромъ свои воспоминанія за день. Такимъ образомъ, бесѣды императора, воспроизведенныя дословно въ моихъ письмахъ, должны представлять нѣкоторый интересъ, именно интересъ точности. Я надѣюсь, что онѣ будутъ содѣйствовать ознакомленію съ этимъ государемъ, о которомъ высказываются столь различныя сужденія у насъ и въ прочихъ странахъ Европы».

«Не всѣ письма, которыя предлагаются мною читателю, были предназначены для публики,—нѣсколько первыхъ писемъ были вполнѣ конфиденціальны; я усталъ писать, но не путешествовать, и хотѣлъ на сей раъъ наблюдать безъ всякой системы и сохранять мои описанія для моихъ друзей; для читателя, по мѣрѣ ознакомленія съ моимъ трудомъ, выяснятся причины, побудившія меня все печатать».

«Главная изъ нихъ та, что я чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ мѣняются мои идеи, благодаря изученію совершенно неизвѣстнаго мнѣ общества. Мнѣ казалось, что, говоря правду о Россіи, я совершу нѣчто новое и смѣлое. До сихъ поръ страхъ и заинтересованность диктовали преувеличенныя похвалы, ненависть пускала въ свѣтъ клевету; я же не боюсь ни той, ни другой крайности».

«Я ѣхалъ въ Россію искать аргументовъ противъ представительнаго образа правленія и возвращаюсь оттуда приверженцемъ конституцій. Смѣшанный образъ правленія нельзя признать наиболѣе благопріятнымъ для дѣйствія, но народы въ старости менѣе активны; этотъ образъ правленія наиболѣе способствуетъ производительности и доставляетъ людямъ наибольшее благосостояніе и богатство; онъ въ особенности даетъ мысли наибольшую активность въ сферѣ практическихъ идей; наконецъ, онъ дѣлаетъ гражданина независимымъ не въ силу возвышенности чувствъ, но благодаря дѣйствію законовъ; все это, конечно, значительно уравновѣшиваетъ его очень невыгодныя стороны».

«По мѣрѣ того, какъ я знакомился съ ужаснымъ и страннымъ образомъ правленія, упорядоченнымъ,—чтобы не сказать: основаннымъ,—Петромъ I, я все болѣе понималъ важность миссіи, возложенной на меня случаемъ».

«Чрезвычайное любопытство, вызываемое моей работой у русскихъ, явно обезпокоенныхъ сдержанностью моихъ рѣчей, навело меня на мысль, что у меня больше могущества, чѣмъ я себѣ приписываю; я сталъ внимателенъ и остороженъ, потому что я вскорѣ замѣтилъ опасность, которой могла меня подвергнуть моя искренность. Не осмѣливаясь посылать письма по почтѣ, я ихъ всѣ сохранялъ у себя и крайне заботливо прялъ, какъ секретныя бумаги; такимъ образомъ, по моемъ возвращеніи во Францію, мое путешествіе оказалось описаннымъ, и описаніе цѣликомъ находилось въ моихъ рукахъ. Однако три года я колебался выпустить его въ свѣтъ; это время мнѣ понадобилось для того, чтобы въ тайникахъ своей совѣсти

согласить обязанности, налагаемыя на меня признательностью и служеніемъ истинѣ. Эта послѣдняя, наконецъ, одерживаетъ верхъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, она такого рода, что должна заинтересовать мою родину. Я не могу забыть, что я пишу прежде всего для Франціи, и считаю долгомъ раскрыть передъ нею интересные и важные для нея факты».

«Я считаю себя въ правѣ судить и даже строго, если того потребуетъ моя совѣсть, страну, гдѣ у меня есть друзья, анализировать, не оскорбляя личности, характеръ общественныхъ дѣятелей, приводить слова государственныхъ людей, начиная съ самой высокой особы въ государствѣ, говорить объ ихъ дѣйствіяхъ и развивать, вплоть до крайнихъ выводовъ, мысли, на какія можетъ меня навести изученіе наблюдаемаго, лишь бы мнѣнія, которыя я высказываю, своевравно слѣдуя теченію моихъ мыслей, имѣли для другихъ только ту самую цѣну, какой они заслуживаютъ въ моихъ глазахъ,—вотъ что, думается мнѣ, можно назвать честностью писателя».

«Но, покоряясь своему долгу, я уважалъ,—надѣюсь, по крайней мѣрѣ,—всѣ приличія, ибо я утверждаю, что есть приличный способъ высказыванія суровыхъ истинъ: этотъ способъ состоитъ въ томъ, чтобы говорить по убѣжденію, не поддаваясь внушеніямъ тщеславія».

«Сверхъ того, такъ какъ я многимъ восхищался въ Россіи, я долженъ былъ къ моимъ описаніямъ прибавить много похвалъ».

«Русскіе не будутъ удовлетворены; бываетъ ли когда удовлетворено самолюбіе? Однако никто болѣе меня не былъ пораженъ величіемъ ихъ націи и ея политическимъ значеніемъ. Великія судьбы этого народа, послѣдняго пришельца на старомъ міровомъ театрѣ, занимали меня во все время моего пребыванія среди него. Въ массѣ русскіе мнѣ показались великими, даже въ своихъ самыхъ отталкивающихъ порокахъ; въ отдѣльности они мнѣ показались привлекательными, у народа я нашелъ интересный характеръ; эти лестныя истины, мнѣ кажется, должны достаточно уравновѣсить другія, менѣе пріятныя. Но до сихъ поръ большая часть путешественниковъ относилась къ русскимъ, какъ къ избалованнымъ дѣтямъ».

«Если противорѣчія, которыхъ нельзя не замѣтить въ ихъ теперешнемъ обществѣ, если духъ ихъ правленія, совершенно противный моимъ взглядамъ и привычкамъ, вызвали мои упреки и какъ бы крики негодованія, то мои похвалы, также непроизвольныя, получаютъ тѣмъ большее значеніе».

«Но эти восточные люди, привыкшіе вдыхать и курить самый грубый ѳиміамъ, считающіе себя достойными довѣрія, когда они выхваляютъ другъ друга, будутъ чувствительны только къ порицанію. Всякое неодобреніе имъ представляется измѣной; всякую суровую истину они обзываютъ ложью; они не увидятъ, сколько кроется деликатнаго восхищенія въ моей явной критикѣ, сколько сожалѣнія и, въ извѣстныхъ случаяхъ, симпатіи — въ моихъ самыхъ суровыхъ замѣчаніяхъ».

«Если они не обратили меня въ свои религіи (а религій у нихъ нѣсколько, и политическая религія у нихъ — не наименѣе нетерпимая), если, наоборотъ, они измѣнили мои монархическія идеи въ смыслѣ противномъ деспотизму и благопріятномъ представительному образу правленія, они сочтутъ себя оскорбленными уже тѣмъ, что я не согласенъ съ ними. Я сожалѣю объ этомъ, но я предпочитаю сожалѣніе угрызенію совѣсти».

«Еслибы я не рѣшился отнестись равнодушно къ ихъ несправедливости, я не сталъ бы печатать эти письма. Впрочемъ, на словахъ они могутъ жаловаться на меня, но въ душѣ меня оправдаютъ; этого мнѣ довольно. Всякій добросовѣстный русскій признаетъ, что, несмотря на ошибки въ частностяхъ, допущенныя за неимѣніемъ времени для исправленія моихъ заблужденій, въ общемъ я изобразилъ Россію такой, какова она есть. Они учтутъ значеніе тѣхъ затрудненій, которыя мнѣ нужно было преодолѣть, и поздравятъ меня съ тѣмъ, что я удачно и быстро смогъ схватить выгодныя черты ихъ основного характера подъ политической маской, уродующей его въ продолженіе столькихъ вѣковъ».

«Событія, свидѣтелемъ которыхъ я былъ, пересказаны мной такъ, какъ они произошли на моихъ глазахъ; тѣ, о которыхъ мнѣ разсказали, переданы мною въ томъ видѣ, какъ мнѣ о нихъ сообщили; я нимало не пытался обманывать читателя, выставляя себя вмѣсто лицъ, къ которымъ я обращался за указаніями. Если я воздержался не только отъ приведенія ихъ именъ, но даже отъ какого бы то ни было обозначенія ихъ, моя скромность, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣнена; она служитъ лишней гарантіей степени довѣрія, заслуживаемаго просвѣщенными умами, къ которымъ я считалъ возможнымъ обращаться за свѣдѣніями объ извѣстныхъ фактахъ, которые мнѣ было невозможно наблюдать самому. Безполезно прибавлять, что я приводилъ лишь такіе, на которые характеръ и положе-

ніе сообщавшихъ ихъ людей накладывали, на мой взглядъ, несомнѣнный отпечатокъ подлинности»*).

Итакъ, Кюстинъ считалъ себя въ правѣ заявить читающей Европѣ, что задача, которую онъ поставилъ себѣ, — правдивое изображеніе Россіи, — была имъ выполнена добросовѣстно и успѣшно. Не грѣшитъ ли это заявленіе излишнею самонадѣянностью? Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, признать, что задача, представлявшая и еще представляющая для европейца значительныя трудности, оказалась ему по силамъ и была имъ разрѣшена удовлетворительно въ предѣлахъ возможнаго для наблюдателя въ его положеніи? Отъ рѣшенія этого вопроса, очевидно, зависитъ оцѣнка его труда, какъ историческаго матеріала.

Добросовѣстность Кюстина стоитъ, конечно, внѣ всякихъ сомнѣній. Не говоря уже о томъ, что его политическія симпатіи исключали возможность предвзято-враждебнаго отношенія къ странѣ, въ которой онъ надѣялся найти аргументы противъ ненавистной ему демократизаціи государственной жизни, — въ его книгѣ мы находимъ немало доказательствъ искренности его заявленія, что онъ «пріѣзжаетъ въ незнакомую страну только съ тѣми предубѣжденіями, какія даетъ добросовѣстное изученіе ея исторіи». О такомъ изученіи русской исторіи свидѣтельствуетъ знакомство Кюстина съ литературными пособіями, которыя въ его время, дѣйствительно, имѣли капитальное значеніе. Изъ его книги видно, что онъ прочелъ трудъ *Сегюра histoire de Russie et de Pierre le Grand* и *Исторію государства россійскаго* Карамзина во французскомъ переводѣ (*Histoire de l'empire de Russie par. M. de Karamsin, traduite par Jauffret et terminée par M. de Divoff, conseiller d'Etat actuel et chambellan de l'empereur de Russie*. Paris 1826). Многочисленныя цитаты изъ Карамзина показываютъ, что Кюстинъ основательно проштудировалъ его многотомный трудъ, къ которому онъ, сверхъ того, сумѣлъ отнестись критически, отмѣтивъ тенденціозность нѣсколькихъ утвержденій русскаго историографа. Уже въ бытность въ Россіи Кюстинъ ознакомился съ официальными документами, относящимися къ отсылкѣ въ Данію при Екатеринѣ II Брауншвейгской фамиліи, содержавшейся въ Холмогорахъ. Эти документы, хранившіеся въ архивѣ «русской императорской академіи», считались, по его словамъ, секретными, и онъ не рѣшается назвать лицо, доставившее ему

---

*) La Russie en 1839, t. I pp. 15—19.

ихъ копію во французскомъ переводѣ, изъ опасенія навлечь на это лицо обвиненіе въ тяжкомъ, съ русской точки зрѣнія, преступленіи — *inconvenance*. Для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ Россіи онъ пытался воспользоваться книжкой Толстого *Coup d'oeil sur la législation russe* въ качествѣ литературнаго пособія, но эта неуклюжая апологія деспотизма доставила ему не столько фактическія данныя, сколько матеріалъ для характеристики официознаго освѣщенія ихъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Москвѣ Кюстинъ извлекъ изъ *Описанія Москвы* (*Description de Moscou*), составленнаго французомъ Ле Куэнтъ де Лаво и вышедшаго въ Москвѣ вторымъ изданіемъ въ 1836 г.

Гораздо большее значеніе въ качествѣ источника ознакомленія съ современною Россіей имѣли устныя сообщенія лицъ, съ которыми Кюстинъ завязалъ сношенія во время своей поѣздки. Благодаря рекомендаціямъ и положенію, быстро завоеванному имъ въ придворныхъ сферахъ, очень внимательно отнесшихся къ нему, какъ къ гостю, обласканному императоромъ, у него создался въ Россіи обширный кругъ знакомыхъ, среди которыхъ было немало лицъ хорошо освѣдомленныхъ. Не всѣ сообщенія этихъ лицъ заслуживали довѣрія уже потому, что далеко невсегда въ ихъ интересахъ было сообщеніе правды о Россіи иностранцу. Кюстинъ въ своей книгѣ часто жалуется на неискренность русскихъ, которые или старались замалчивать правду, или намѣренно вводили его въ заблужденіе, сообщая свѣдѣнія, оказывавшіяся по провѣркѣ ложными. Тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ ему его критическое отношеніе къ свѣдѣніямъ, шедшимъ изъ туземныхъ источниковъ, его умѣнье разбираться въ нихъ, осторожная и, въ большинствѣ случаевъ, мѣткая оцѣнка ихъ качествъ. Дѣйствительно, большая часть того, что онъ сообщаетъ о Россіи со словъ лицъ, къ которымъ онъ счелъ возможнымъ отнестись съ довѣріемъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ.

Кюстину вообще нельзя отказать въ тонко развитой наблюдательности. Онъ умѣлъ подмѣчать характерныя стороны явленій и по нѣсколькимъ штрихамъ, остановившимъ на себѣ его вниманіе, опредѣлять внутреннее значеніе наблюдаемыхъ фактовъ. Но все же нельзя не замѣтить въ немъ черту, часто невыгодно отражающуюся на повѣствованіяхъ французскихъ путешественниковъ,—наклонность къ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніямъ. «Дѣйствительно, я мало видѣлъ, но я многое угадалъ», гордо заявляетъ онъ воображаемому оппоненту изъ русскихъ, упрекающему его въ слишкомъ поверхностномъ

ознакомленіи съ Россіей*). Въ этихъ словахъ звучитъ увѣренность въ зоркости своего взгляда, вѣра въ непогрѣшимость интуиціи, какъ пріема наблюденія, невсегда оправдывавшаяся на дѣлѣ: въ нѣкоторыхъ обобщеніяхъ Кюстина бросается въ глаза несоотвѣтствіе между выводомъ и фактомъ, на которомъ онъ строится. Другою чертой, до извѣстной степени вредившею порой его наблюденіямъ, была его излишняя впечатлительность,—иногда подъ вліяніемъ настроенія, въ какомъ онъ находился въ данную минуту, факты получали въ его изложеніи одностороннее освѣщеніе. Эти черты не ускользнули отъ вниманія самого наблюдателя, и мѣстами онъ считаетъ нужнымъ оговаривать ихъ проявленія въ своихъ сообщеніяхъ. Въ общемъ же, повторяемъ, въ лицѣ Кюстина мы имѣемъ дѣло съ проницательнымъ и вдумчивымъ наблюдателемъ, и не его вина, если ему невсегда удавалось разгадывать смыслъ русской дѣйствительности; психологія русскаго рабства, напр., недостаточно ясна для него, но мы и не въ правѣ ожидать отъ европейца проникновенія въ психику народа, совершенно равнодушнаго къ свободѣ.

Въ одномъ изъ писемъ, составившихъ *La Russie en 1839*, Кюстинъ говоритъ о своемъ трудѣ: «Я веду васъ по лабиринту противорѣчій, т. е. я показываю вамъ вещи такъ, какъ онѣ представляются мнѣ съ перваго и второго взгляда; вамъ я предоставляю резюмировать, согласовать мои замѣтки для того, чтобы вывести изъ моихъ личныхъ мнѣній общее сужденіе. Я буду удовлетворенъ, если, сравнивая массу приговоровъ, вы будете въ состояніи формулировать основательное, безпристрастное и зрѣлое сужденіе. Я этого не сдѣлалъ, потому что мнѣ пріятнѣе путешествовать, чѣмъ трудиться: писатель не свободенъ, путешественникъ свободенъ; я разсказываю свое путешествіе и предоставляю вамъ окончательную обработку книги»**). Если послѣдовать этому совѣту Кюстина, содержаніе его книги можно будетъ, дѣйствительно, свести къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ, но они по необходимости будутъ имѣть отвлеченный характеръ и не отразятъ въ себѣ главнаго достоинства его путевыхъ замѣтокъ, которымъ онъ самъ, несомнѣнно, дорожилъ, публикуя ихъ въ формѣ писемъ, набросанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитого,—колорита непосредственности. Сужденія Кюстина тѣсно свя-

---

*) La Russie en 1839, t. VIII p. 132.
**) La Russie en 1839, t. VII p. 17.

заны съ фактами, по поводу которыхъ они высказываются, и именно въ этой связи получаютъ для насъ особый интересъ, показывая, какъ воспринимались явленія русской жизни сознаніемъ европейца. Поэтому, пересказывая его книгу, мы не станемъ систематизировать ея содержаніе, а будемъ слѣдовать порядку, въ какомъ онъ самъ излагаетъ свои наблюденія.

Въ книгу Кюстина*) вошли тридцать шесть писемъ, написанныхъ лицамъ, которыхъ онъ не называетъ изъ опасенія навлечь на нихъ непріятности,—до такой степени осторожнымъ сдѣлало его пребываніе въ странѣ вынужденнаго молчанія. Исключеніе составляетъ одно письмо (23-е) къ графинѣ О'Доннелль, умершей до выхода въ свѣтъ книги, въ 1841 г. Въ послѣднемъ, 8-мъ томѣ среди писемъ помѣщенъ одинъ отрывокъ путевыхъ замѣтокъ, изложенный въ формѣ разсказа и озаглавленный *Récit*. Часть матеріаловъ, которыми пользовался Кюстинъ, выдѣлена въ *appendices*, приложенные къ 5-му и 8-му томамъ.

I.

Кюстинъ провелъ въ Россіи два съ небольшимъ мѣсяца, но самъ онъ считаетъ, что его путешествіе продолжалось четыре мѣсяца. Своимъ исходнымъ пунктомъ онъ признаетъ Эмсъ, откуда онъ выѣхалъ въ Берлинъ и Любекъ по пути въ Петербургъ.

Въ Эмсѣ началось его ознакомленіе съ Россіей въ лицѣ цесаревича Александра, пріѣхавшаго для лѣченія въ сопровожденіи многочисленной свиты. Самъ цесаревичъ произвелъ на Кюстина пріятное впечатлѣніе, тогда какъ поведеніе его спутниковъ характеризовало русскіе придворные нравы съ очень невыгодной стороны. Въ ихъ манерахъ Кюстинъ подмѣтилъ чередованіе рабской угодливости въ присутствіи цесаревича и заносчивости въ тѣ моменты, когда тотъ уходилъ отъ нихъ. Еще болѣе поразили французскаго путешественника неизящный видъ экипажей цесаревича, безпорядокъ его багажа и плохое платье прислуги.

Выѣхавъ изъ Эмса 8 іюня нов. ст. 1839 г., Кюстинъ послѣ долгой остановки въ Берлинѣ прибылъ въ самомъ началѣ

---

*) Мы пользовались ея брюссельскимъ изданіемъ 1843 г. въ восьми томахъ in—8°.

іюля въ Любекъ. Здѣсь хозяинъ гостиницы, въ которой онъ остановился, сообщилъ ему свои любопытныя наблюденія надъ русскими, проѣзжающими черезъ Любекъ. «Когда они пріѣзжаютъ сюда по пути въ Европу,—говорилъ онъ,—они имѣютъ видъ веселый, свободный, довольный: это—лошади, вырвавшіяся на волю, птицы, выпущенныя изъ клѣтки; мужчины, женщины, молодежь, старики—всѣ счастливы, какъ школьники въ вакаціонное время. На возвратномъ пути у тѣхъ же людей лица вытянутыя, мрачныя, безпокойныя; ихъ рѣчи коротки, слова отрывисты, лобъ нахмуренъ: изъ этого я заключилъ, что страна, которую покидаютъ съ такою радостью и въ которую возвращаются съ такою грустью,—плохая страна». Въ Травемюнде, гавани Любека, Кюстинъ сѣлъ на пароходъ *Николай I*, совершавшій рейсы между Любекомъ и Кронштадтомъ, и 8 іюля уже плылъ по Балтійскому морю.

Сильное впечатлѣніе произвела на него сѣверная «бѣлая» ночь въ пустынномъ морѣ, въ виду плоскихъ береговъ, теряющихся въ дымкѣ тумана, и онъ не преминулъ, по своему обыкновенію, подыскать для своихъ переживаній нѣсколько риторическую форму. «Сѣверное солнце — алебастровая лампа, постоянно вращающаяся и подвѣшенная между небомъ и землей. Эта лампа, горящая безпрерывно въ теченіе недѣль, мѣсяцевъ, распространяетъ свой тусклый, меланхолическій свѣтъ подъ небосводомъ, который едва бѣлѣетъ отъ него. Природа въ этомъ блѣдномъ, повсюду ровномъ освѣщеніи сходна съ мечтою сѣдовласаго поэта. Это—Оссіанъ, уже не вспоминающій о любви и внимающій только голосу гробницъ». Приближаясь къ «полуночнымъ» странамъ, впечатлительный французъ испытывалъ или думалъ, что испытываетъ, странное, нѣсколько жуткое чувство: ему чудилось, что онъ карабкается вверхъ по земному шару, какъ по куполу, поднимается на самую его верхушку, откуда взору человѣка открываются замерзшія моря, кристальныя поля, и гдѣ считаешь себя перенесеннымъ въ жилище блаженныхъ, въ среду ангеловъ, неизмѣняющихся обитателей неизмѣннаго неба. Такое переживаніе Кюстину представлялось вполнѣ умѣстнымъ вблизи Ботническаго залива, который вѣдь своею сѣверною частью касается Торнео.

Отдавая посильную дань романтической риторикѣ во вкусѣ своего времени, онъ не былъ однако недоступенъ и болѣе реальнымъ впечатлѣніямъ. На пароходѣ онъ очутился въ обществѣ возвращавшихся на родину русскихъ аристократовъ, съ которыми быстро сошелся. Непринужденныя, изящныя

манеры этихъ людей напомнили ему французскій салонный тонъ того времени, когда демократизація общественныхъ нравовъ еще не давала себя чувствовать въ гостиныхъ; онъ почувствовалъ себя охваченнымъ атмосферой, какъ нельзя болѣе отвѣчавшей его аристократическимъ вкусамъ. Завязались долгіе разговоры, въ которыхъ собесѣдники умѣли всего касаться слегка; Кюстинъ разсказывалъ парижскія новости, русскія княгини знакомили его съ Россіей, исполняя русскіе танцы и пѣсни. Самымъ интереснымъ членомъ этого кружка оказался русскій князь К***, бывшій дипломатъ, обрюзгшій старикъ благородной наружности, съ головою Людовика XVI. Онъ поразилъ Кюстина либерализмомъ своихъ рѣчей и смѣлыми сужденіями о Россіи, въ которыхъ онъ умѣлъ становиться на чисто европейскую точку зрѣнія,—правда, ему не пришлось высказаться о крѣпостномъ правѣ. Впослѣдствіи, присмотрѣвшись къ Россіи, Кюстинъ по многимъ пунктамъ сошелся съ княземъ, отголоски рѣчей котораго нетрудно уловить въ разныхъ мѣстахъ его книги. На пароходѣ эти рѣчи дали Кюстину пищу для размышленій о будущности Россіи, вызвавшихъ опасенія за участь Европы, — размышленій, отразившихъ въ себѣ какъ его политическіе взгляды, такъ и господствовавшее тогда преувеличенное мнѣніе о русскомъ могуществѣ.

«Эта страна, которую наши современные мыслители долго ни во что не ставили, настолько они считали ее отсталой, имѣетъ такую же или еще болѣе великую будущность, чѣмъ англійскія колоніи, утвердившіяся на американской почвѣ и слишкомъ расхваленныя философами, системы которыхъ породили нашу теперешнюю демократію со всѣми ея злоупотребленіями».

«Если военный духъ, господствующій въ Россіи, не произвелъ ничего похожаго на нашу религію чести, то нельзя сказать, что у этой націи меньше силъ, потому что ея солдаты менѣе блестящи, чѣмъ наши. Честь—божество человѣка; но въ практической жизни долгъ стóитъ чести и даже цѣннѣе ея; онъ менѣе блистателенъ, но болѣе стоекъ и мощенъ. Отсюда не выйдутъ герои Тассо и Аріоста; но люди, достойные вдохновить новаго Гомера, новаго Данте, могутъ вновь явиться на развалинахъ второго Иліона, атакованнаго новымъ Ахилломъ, человѣкомъ, который, какъ воинъ, одинъ стоилъ всѣхъ героевъ Иліады».

«Мое мнѣніе таково, что владычество надъ міромъ отнынѣ составляетъ удѣлъ народовъ не буйныхъ, но терпѣливыхъ.

Фото-тинто гравюра Т-ва „Образованіе“.

Тропининъ.

Императоръ Николай I-й.

Съ оригинала, принадлежащаго Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Московская Центральная
Публичная библиотека

Европа, при ея современномъ просвѣщеніи, можетъ покориться только реальной силѣ, а реальная сила націй—повиновеніе власти, повелѣвающей ими, какъ сила арміи—дисциплина. Отнынѣ ложь будетъ вредить наиболѣе тѣмъ, кто станетъ прибѣгать къ ней; правда снова становится средствомъ вліянія,—такую юность и силу дало ей забвеніе ея».

«Когда наша космополитическая демократія, принеся свои послѣдніе плоды, сдѣлаетъ войну ненавистною цѣлымъ народамъ, когда націи, наиболѣе якобы цивилизованныя, окончательно обезсилятъ себя политическими неурядицами, когда путемъ постепеннаго паденія онѣ дойдутъ до спячки и навлекутъ на себя презрѣніе извнѣ, тогда всякій союзъ съ этими погрузившимися въ эгоизмъ обществами будетъ признанъ невозможнымъ, шлюзы Сѣвера вновь откроются противъ насъ, и мы подвергнемся послѣднему нашествію, но уже не невѣжественныхъ варваровъ, а властелиновъ коварныхъ, просвѣщенныхъ, даже болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ мы, ибо наши собственные эксцессы научатъ ихъ, какъ можно и должно управлять нами».

«Не понапрасну Провидѣніе скапливаетъ столько бездѣйствующихъ силъ на Востокѣ Европы. Когда-нибудь проснется спящій великанъ, и сила положитъ конецъ царству слова. Тогда напрасно равенство въ смятеніи будетъ звать на помощь свободѣ старую аристократію; оружіе, взятое слишкомъ поздно, окажется безсильнымъ въ рукахъ, слишкомъ долго бывшихъ въ бездѣйствіи. Общество погибнетъ отъ того, что повѣрило словамъ, лишеннымъ смысла или противорѣчивымъ; тогда обманчивое эхо общественнаго мнѣнія, журналы, желая во что бы то ни стало сохранить читателей, будутъ содѣйствовать перевороту, хотя бы для того, чтобы имѣть что разсказывать лишній мѣсяцъ. Они убьютъ общество, чтобы питаться его трупомъ».

«...Желаніе ознакомиться съ Россіей и восхищеніе, вызываемое во мнѣ духомъ порядка, который долженъ проникать администрацію этого громаднаго государства, не мѣшаютъ мнѣ судить безпристрастно политику его правительства. Господство Россіи, еслибы даже оно ограничивалось дипломатическими домогательствами, не переходя въ завоеваніе, я призналъ бы самымъ страшнымъ бѣдствіемъ для міра. Неправильно судятъ о роли, которую стало бы играть это государство въ Европѣ; по существу оно явилось бы представителемъ порядка, но въ силу характера своихъ дѣятелей вводило бы тиранію

Московская Центральная Публичная библиотека

подъ предлогомъ прекращенія анархіи, какъ будто бы произволъ можетъ прекратить какое бы то ни было зло. Этой націи чуждъ моральный элементъ; со своими военными нравами и воспоминаніями о набѣгахъ она еще находится въ періодѣ завоевательныхъ войнъ, самыхъ звѣрскихъ изъ всѣхъ, между тѣмъ какъ войны Франціи и другихъ націй Запада будутъ отнынѣ войнами ради пропаганды».

Къ этой темѣ Кюстинъ не разъ возвращался впослѣдствіи, и даже болѣе близкое знакомство съ Россіей не могло окончательно разсѣять его опасенія за судьбу Европы. Вѣрно разгадавъ аггрессивную тенденцію русскаго деспотизма, онъ вообще былъ склоненъ преувеличивать ея опасность для Европы, хотя у него и замѣчается колебаніе въ оцѣнкѣ этой опасности. Факты убѣждали его въ томъ, что захватныя вожделѣнія русскихъ правящихъ сферъ не раздѣлялись массою населенія и что воинствующее варварство ге ipsa было обречено на безсиліе. Русскій деспотизмъ, носившійся съ мечтою о русской супрематіи въ Европѣ, въ интересахъ самосохраненія поддерживалъ въ странѣ гнетъ, душившій живыя силы націи и пагубно отражавшійся даже на ея военныхъ рессурсахъ. Это—было понято уже многими современниками Кюстина, предвидѣвшими крушеніе иллюзій насчетъ шансовъ автократической Россіи въ столкновеніяхъ ея съ цивилизованными націями. Кюстину однако было трудно отказаться отъ своей концепціи телеологическаго характера, тѣмъ болѣе, что только при помощи ея онъ могъ уяснить себѣ психологію русскаго народа, который мирился съ рабствомъ будто бы потому, что видѣлъ въ немъ необходимое условіе и залогъ грядущаго роста русскаго могущества. Какъ видимъ, англичане XVI в., ограничившіеся простымъ констатированіемъ того факта, что русскіе рождены для рабства, были гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ философски настроенный французъ XIX в.

На пароходѣ Кюстину впервые бросилась въ глаза черта, присущая, какъ онъ убѣдился позже, болѣе или менѣе всѣмъ образованнымъ русскимъ: его спутниковъ постоянно занимала мысль о томъ, что́ скажетъ европеецъ о нихъ и ихъ отечествѣ. «По крайней мѣрѣ вы не назовете насъ, подобно вашимъ соотечественникамъ, *сѣверными варварами*». Вотъ то, что говорятъ мнѣ всякій разъ, когда замѣтятъ, что меня забавляетъ или трогаетъ интересный разсказъ, національная мелодія, прекрасное проявленіе патріотизма, благородное и поэтическое чувство, приписанное русскому. Я отвѣчаю на выраженіе

этого опасенія пустыми комплиментами, но думаю про себя, что сѣверные варвары были бы мнѣ пріятнѣе южныхъ обезьянъ».

Русскихъ аристократовъ побуждало интересоваться мнѣніемъ Кюстина о Россіи только тщеславіе, которое онъ счелъ «ребяческимъ», но вскорѣ оказалось, что мотивы такого интереса могли быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ менѣе безобидными. Во время морского переѣзда съ нимъ постарался сблизиться нѣкій «русскій ученый» (une espèce de savant russe), грамматикъ, переводчикъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ сочиненій, преподаватель какого то коллежа (Николай Гречъ?). «Онъ только-что объѣхалъ Европу и возвращался въ Россію, исполненный, по его словамъ, стремленія пропагандировать тамъ все, что есть хорошаго въ современныхъ идеяхъ западныхъ народовъ. Свобода его рѣчей мнѣ показалась подозрительной; это не роскошь, какую могъ дозволять себѣ независимый князь К***, это—либерализмъ заученный, разсчитанный на то, чтобы заставлять высказываться другихъ. Я подумалъ, что всегда должны встрѣчаться подобные «ученые» поблизости къ Россіи,—въ гостиницахъ Любека, на пароходахъ и даже въ Гаврѣ, который, благодаря навигаціи по Сѣверному и Балтійскому морямъ, становится границей Московіи. Этотъ человѣкъ выпыталъ отъ меня очень мало. Онъ особенно хотѣлъ знать, буду ли я описывать мое путешествіе, и любезно предоставлялъ къ моимъ услугамъ свои знанія. Я его совсѣмъ не разспрашивалъ; моя сдержанность не преминула вызвать у него нѣкоторое недумленіе, смѣшанное съ чувствомъ удовлетворенія, и я покинулъ его вполнѣ убѣжденнымъ въ томъ, что я путешествую исключительно для развлеченія и на этотъ разъ не намѣреваюсь издать описаніе моей поѣздки, которая будетъ такой быстрой, что не позволитъ мнѣ собрать достаточное количество подробностей, чтобы заинтересовать публику».

«Мнѣ показалось, что эти увѣренія, высказанныя мною во всякихъ формахъ, прямо и косвенно, успокоили его. Но его безпокойство, которое я сумѣлъ утишить, разбудило мое. Если я захочу описать это путешествіе, я долженъ ожидать, что внушу подозрѣніе правительству, хитрѣйшему и располагающему наилучшими въ мірѣ шпіонами. Это во всякомъ случаѣ непріятно; я буду прятать письма, буду молчать, но не стану притворяться; наиболѣе обманчивая маска—все же открытое лицо».

Когда пароходъ приблизился къ отрову Даго, князь К***

обратилъ вниманіе своихъ спу́тниковъ на башню, возвышавшуюся на островѣ, и разсказалъ исторію ея строителя, барона Унгернъ Штернберга. Въ царствованіе императора Павла баронъ основалъ разбойничій притонъ на островѣ и грабилъ проходившія мимо суда. Выстроенная имъ башня была маякомъ, свѣтъ котораго въ бурную погоду привлекалъ къ острову корабли, разбивавшіеся у берега о подводные камни, а баронъ во главѣ набранной имъ шайки головорѣзовъ захватывалъ грузъ и избивалъ потерпѣвшихъ крушеніе. Много такихъ подвиговъ сошло съ рукъ барону безнаказанно, но, наконецъ, онъ былъ изобличенъ гувернеромъ своего сына, случайнымъ свидѣтелемъ умерщвленія капитана ограбленнаго голландскаго судна. Павелъ I приговорилъ барона къ безсрочной каторгѣ. «Это событіе,—заключилъ князь свой разсказъ,—хотя и представляется намъ романическимъ, повторялось довольно часто въ средніе вѣка; я не разсказалъ бы вамъ его, еслибы оно не произошло, такъ сказать, въ наше время, — въ этомъ заключается его интересъ. Во всемъ Россія отстала на четыре вѣка».

Вблизи Кронштадта въ Финскомъ заливѣ стало замѣчаться нѣкоторое оживленіе: показались русскіе военные корабли, собранные, какъ оказалось, ради маневровъ воспитанниковъ морского корпуса. Впечатлѣніе, произведенное на Кюстина видомъ этихъ кораблей, правда, внушительнымъ, было далеко не отрадное. Финскій заливъ,—разсуждалъ онъ,—скованный льдомъ въ продолженіе большей части года, совершенно непригоденъ для военнаго флота, который, оставаясь въ немъ, лишенъ возможности обслуживать реальныя потребности государственной обороны. Пока Россія не перейдетъ свои естественныя границы, ея флотъ будетъ только игрушкою императоровъ. На живописномъ морскомъ нарѣчіи англичанъ военное судно называется «воиномъ» (un homme de guerre), русскіе военные корабли—деревянные царедворцы (hommes de cour), инвалиды во флотѣ. Самая цѣль сосредоточенія маневрировавшей эскадры показалась ему ребяческой, хотя и не лишенной трагизма: корабли отбывали парадъ. «Пристрастіе къ парадамъ въ Россіи доходитъ до маніи... Мнѣ это не смѣшно: ребячество въ большихъ размѣрахъ—нѣчто ужасное; это—уродство, возможное только при тиранніи, которая въ немъ проявляется, быть можетъ, наиболѣе страшнымъ образомъ... Вездѣ, кромѣ странъ, гдѣ утвердился неограниченный образъ правленія, великія усилія дѣлаются людьми для достиженія ве-

лькихъ цѣлей; лишь у слѣпо повинующихся народовъ возможны громадныя жертвы по приказу властелина ради пустяковъ».

10 іюля (28 іюня), на разсвѣтѣ *Николай I* бросилъ якорь на кронштадтскомъ рейдѣ.

II.

Съ ранняго утра началось наглядное ознакомленіе французскаго писателя съ русскою «государственностью». Къ пароходу стали приставать шлюпки, привозившія таможенныхъ чиновниковъ, начался томительный опросъ пассажировъ и осмотръ багажа. При видѣ людей, педантически выполнявшихъ массу совершенно излишнихъ формальностей, Кюстину сдѣлалось жутко. Они производили на него впечатлѣніе автоматовъ, движимыхъ не своею волей, и было что то противоестественное въ этихъ человѣческихъ существахъ, доведенныхъ до состоянія простой машины. «Въ странахъ, изобилующихъ машинами, дерево и металлъ кажутся одареннымн душою, въ странахъ съ деспотическимъ правленіемъ люди кажутся деревянными; является вопросъ, что имъ дѣлать съ ненужною имъ мыслью, и нехорошо становится на душѣ, когда подумаешь о силѣ, которую понадобилось проявить по отношенію къ разумнымъ созданіямъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ вещи; въ Россіи я жалѣю людей, какъ въ Англіи я боялся машинъ. Тамъ только слова не хватаетъ созданіямъ человѣка, слова не надо созданіямъ государства».

Долго пришлось ждать визита высшаго таможеннаго начальства. «Россія—страна ненужныхъ формальностей», ворчали по-французски русскіе спутники Кюстина. Наконецъ, явился и этотъ «директоръ таможенныхъ директоровъ»,—мужчина съ свѣтскими претензіями, во фракѣ, съ сильнѣйшимъ запахомъ мускуса,—и начался новый досмотръ, давшій Кюстину пищу для размышленія о безтолковости русскихъ порядковъ, уживающейся съ крайней мелочностью. Всѣ чиновники ревностно продѣлываютъ одинъ и тѣ же формальности, и благодаря этому иностранецъ, въѣзжая въ Россію, подвергается массѣ излишнихъ стѣсненій. «Это—какъ бы грабежъ: если путешественникъ ушелъ изъ рукъ первой шайки, то нельзя еще сказать, что онъ не встрѣтитъ второй, третьей, и всѣ эти отряды, разставленные на его пути, наперебой тормошатъ его».

Гребцы таможенныхъ шлюпокъ оказались въ своемъ родѣ не менѣе поучительными живыми символами русской «госу-

дарственности», чѣмъ чиновники. Убогій видъ ихъ произвелъ на Кюстина такое сильное впечатлѣніе, что онъ съ содроганіемъ отворачивался отъ нихъ. «Эти матросы въ рубищахъ позорятъ свою страну... При видѣ ихъ и при мысли о томъ, что для этихъ несчастныхъ называется существованіемъ, я спрашивалъ себя, что человѣкъ сдѣлалъ Богу,—за что же шестьдесятъ милліоновъ его ближнихъ осуждены на житье въ Россіи».

Небольшой пароходъ, грязный и неуклюжій, забралъ пассажировъ *Николая I*, для котораго Финскій заливъ за Кронштадтомъ оказывался слишкомъ мелководнымъ, и доставилъ ихъ съ ручнымъ багажомъ въ Петербургъ, гдѣ немедленно таможенныя мытарства возобновились въ полной силѣ для прибывшихъ иностранцевъ,—русскіе аристократы были быстро отпущены послѣ бѣглаго досмотра. Новый чиновничій трибуналъ подвергъ Кюстина вторичному допросу. «Зачѣмъ вы пріѣхали въ Россію?—Посмотрѣть страну.—Это не можетъ быть мотивомъ путешествія (не великолѣпна ли смиренность этого возраженія?).—У меня другого нѣтъ.—Кого вы разсчитываете видѣть въ Петербургѣ?—Всѣхъ, кто захочетъ познакомиться со мною.—Какъ долго вы разсчитываете пробыть въ Россіи?—Не знаю.—Скажите приблизительно.—Нѣсколько мѣсяцевъ.—Имѣете ли официальное дипломатическое порученіе?—Нѣтъ.—Тайное?—Нѣтъ.—Какую-либо научную цѣль?—Нѣтъ.—Послало ли васъ ваше правительство наблюдать соціальное и политическое состояніе этой страны?—Нѣтъ.—Торговое общество?—Нѣтъ.—Значитъ, вы путешествуете свободно и только изъ любознательности?—Да.—Почему вы направились въ Россію?—Не знаю» и т. д.. За допросомъ послѣдовалъ обыскъ, чрезвычайно тягостный для пріѣзжихъ; у Кюстина были отобраны,—временно, какъ объяснили ему таможенные чиновники,—всѣ книги, пистолеты и даже дорожные часы.

Дрожки (le drowska въ транскрипціи Кюстина) доставили путешественника въ гостиницу Кулона, француза, основавшагося въ Петербургѣ. Впечатлѣніе, произведенное на Кюстина русскою столицей во время этого переѣзда, было не особенно благопріятное. Съ перваго взгляда его поразило несоотвѣтствіе между стилемъ построекъ, неуклюжихъ копій античныхъ образцовъ, и характеромъ мѣстности, въ которой расположенъ Петербургъ,—плоской, болотистой равнины, постоянно угрожаемой наводненіемъ. На этой эстетической несообразности онъ остановился подробно въ одномъ изъ позд-

нѣйшихъ писемъ. Прославленная статуя Петра I на гранитной скалѣ рѣшительно не понравилась ему: «эта человѣческая фигура на конѣ,—говоритъ онъ,—ни антична, ни современна; это—римлянинъ времени Людовика XV».

Было утро, 10-й часъ, и движеніе на петербургскихъ улицахъ, еще довольно пустынныхъ, носило своеобразный характеръ. По нимъ сновали въ разныхъ направленіяхъ курьеры, проходили военные караулы, мчались фельдъегери,—къ исполненію приказовъ всевозможнаго начальства сводился весь смыслъ уличной жизни. Опять автоматы, шахматныя фигурки, движущіяся по волѣ одного человѣка, который ведетъ игру съ невидимымъ противникомъ—человѣчествомъ! «Здѣсь движутся, дышатъ только съ позволенія или по приказу поэтому все мрачно и имѣетъ принужденный видъ; молчаніе царитъ въ жизни и парализуетъ ее... Русское правленіе, это—дисциплина военнаго стана, замѣнившая порядокъ гражданской общины, это—осадное положеніе, ставшее нормальнымъ состояніемъ общества».

Кюстина такъ утомили таможенныя передряги и необычайная жара,—термометръ Реомюра показывалъ до 30°,—что тотчасъ по прибытіи въ гостиницу онъ, не раздѣваясь, бросился на кожаный диванъ въ своей комнатѣ и заснулъ. Но черезъ три минуты, не болѣе, сонъ его былъ прерванъ неожиданнымъ ощущеніемъ: открывъ глаза, онъ увидѣлъ на себѣ бурый, движущійся покровъ,—это были клопы. Вызванный хозяинъ гостиницы, «выродившійся» французъ, со смѣхомъ объяснилъ Кюстину, что къ клопамъ надо привыкать въ Петербургѣ, что ихъ разводятъ повсюду русскіе слуги, имѣющіе обыкновеніе валяться и спать на диванахъ. Впослѣдствіи Кюстинъ узналъ, что паразиты всякаго рода составляютъ необходимую принадлежность каждаго русскаго жилья, даже самаго элегантнаго,—даже Зимняго дворца, куда они были занесены въ такомъ множествѣ рабочими, возобновлявшими его послѣ пожара, что нѣкоторыя комнаты пришлось совсѣмъ закрыть.

Кюстинъ привезъ въ Россію слугу-итальянца, который на первыхъ же порахъ оказался мало полезнымъ по незнанію мѣстнаго языка. Къ счастью, скоро удалось нанять на время пребыванія въ Петербургѣ человѣка, говорившаго по-нѣмецки, и въ сопровожденіи его Кюстинъ приступилъ къ экскурсіямъ, знакомясь съ городомъ.

«Если люди молчатъ въ Россіи, говорятъ камни и говорятъ плачевнымъ голосомъ». Эта мысль была навѣяна Кюстину

видомъ Михайловскаго замка, воскресившимъ въ его памяти трагедію, которою началось царствованіе Александра I. Не менѣе мрачныя воспоминанія пробудили стѣны Зимняго дворца, реставрированнаго послѣ пожара, разрушившаго его за годъ передъ тѣмъ. Кюстинъ зналъ, сколькихъ человѣческихъ жертвъ стоило его возобновленіе, потребовавшее невѣроятныхъ усилій, чтобы поспѣть къ сроку, назначенному Николаемъ I. Работы шли крайне ускореннымъ темпомъ; до шести тысячъ рабочихъ трудились постоянно въ залахъ дворца, которыя, ради скорѣйшей просушки, натапливались до 30° зимою, когда стужа доходила до 25°. Смертность среди рабочихъ при такихъ условіяхъ была ужасающая. «Версальскіе милліоны кормили столько же семей французскихъ рабочихъ, сколько славянскихъ рабовъ убила двѣнадцатимѣсячная работа въ Зимнемъ дворцѣ; но, благодаря этимъ жертвамъ, слово императора совершило чудеса, и на-дняхъ освященіе отстроеннаго дворца будетъ соединено съ свадебнымъ торжествомъ. Теперь вы услышите въ Парижѣ и въ Россіи рѣчи многихъ русскихъ, которые станутъ восторгаться чудеснымъ дѣйствіемъ императорскаго слова; и, гордясь результатами, ни одинъ не будетъ сожалѣть о средствахъ... Царское слово обладаетъ творческой силой, говорятъ они. Всѣ русскіе гордятся тѣмъ, что могутъ сказать намъ: «Вы видите, у васъ три года разсуждаютъ о средствахъ на отстройку театральной залы, а нашъ императоръ въ годъ возобновляетъ величайшій въ мірѣ дворецъ»; и это ребяческое торжество они не считаютъ купленнымъ слишкомъ дорогой цѣною смерти нѣсколькихъ жалкихъ тысячъ рабочихъ, принесенныхъ въ жертву нетерпѣнію, доставляющему славу націи. Однако, я, французъ, вижу въ этомъ лишь безчеловѣчный педантизмъ... Все же изумляетъ меня не то, что человѣкъ, выросшій въ идолопоклонствѣ предъ своей особой, человѣкъ, котораго признаютъ всемогущимъ шестьдесятъ милліоновъ людей или почти людей, предпринимаетъ и совершаетъ такія дѣла, а то, что среди голосовъ, разсказывающихъ про эти дѣла во славу того единственнаго человѣка, ни одинъ не выдѣлится изъ хора, протестуя, въ интересахъ человѣчества, противъ такихъ чудесъ. Можно сказать о русскихъ, что они всѣ, отъ мала до велика, опьянены рабствомъ».

Въ первый же день пребыванія въ Петербургѣ Кюстинъ посѣтилъ Петропавловскую крѣпость. Его болѣе всего интересовали тюрьмы, наполненныя, по слухамъ, арестантами,

по ему не позволили взглянуть на нихъ, а провели его въ соборъ, въ которомъ погребаются члены императорской фамиліи.

«Въ этой мрачной крѣпости,—резюмируетъ Кюстинъ свои впечатлѣнія,—мертвые представляются мнѣ болѣе свободными, чѣмъ живые. Пока я былъ въ чертѣ ея, мнѣ казалось, что мнѣ трудно дышать. Еслибы мысль, побудившая заключить въ одной гробницѣ этихъ несчастныхъ плѣнниковъ, заговорщиковъ и государей, противъ которыхъ составляются заговоры, была мысль философская, я отнесся бы къ ней съ уваженіемъ; но я вижу здѣсь лишь проявленія увѣренной въ себѣ власти,—грубую самоувѣренность. Обладающій такою сверхъестественною силой можетъ возвыситься надъ мелкими проявленіями человѣчности, полезными обыкновеннымъ правительствамъ... Мы, люди Запада, революціонные роялисты, видимъ въ государственномъ арестантѣ въ Петербургѣ только невинную жертву; русскіе же въ немъ видятъ осужденнаго преступника. Вотъ до чего доводитъ политическое идолопоклонство».

«Въ каждомъ звукѣ мнѣ слышалась жалоба; камни стонали подъ моими ногами, и мое сердце разрывалось, отзываясь на самыя лютыя страданія, какимъ только человѣкъ могъ подвергнуть человѣка. Ахъ! мнѣ жаль арестантовъ этой крѣпости! Если судить о жизни русскихъ, заключенныхъ подъ землей, по жизни русскихъ, гуляющихъ по ней, можно содрогнуться».

«Въ другихъ странахъ я видалъ тюремные замки, но это названіе не имѣло того значенія, какое оно имѣетъ въ Петербургѣ. Дрожь пробѣгала по тѣлу при мысли о томъ, что самая добросовѣстная вѣрность, самая безпорочная честность никого не спасаютъ отъ подземныхъ темницъ петербургской цитадели; и мое сердце переполнилось, когда я вышелъ за рвы, защищающіе эти печальныя стѣны и отдѣляющіе ихъ отъ міра».

«И кто не пожалѣлъ бы этотъ народъ? Русскіе,—я говорю о высшихъ классахъ,—живутъ теперь предразсудками и невѣжествомъ, которыхъ у нихъ ужъ нѣтъ. Притворная безропотность, по-моему,—послѣдняя степень униженія, до какой можетъ пасть порабощенная нація; возмущеніе, отчаяніе были бы, конечно, болѣе ужасны, но менѣе низки; слабость, настолько лишенная достоинства, что можетъ отказаться даже

отъ жалобы, этого утѣшенія скотины, страхъ, подавленный избыткомъ страха, это—нравственный феноменъ, который нельзя наблюдать, не проливая кровавыхъ слезъ».

Впечатлѣніе, произведенное на Кюстина съ первыхъ шаговъ въ Петербургѣ его внѣшностью, еще болѣе окрѣпло и опредѣлилось въ теченіе прогулокъ по городу. Петербургъ грандіозенъ, въ его размѣрахъ и характерѣ построекъ сказывается широкій размахъ властной воли, создавшей его, но его архитектура, въ общемъ,—эстетическій non-sens, свидѣтельствующій о полномъ отсутствіи вкуса у строителей,—такъ можно резюмировать это впечатлѣніе. Въ качествѣ иллюстраціи своихъ мыслей о петербургской архитектурѣ Кюстинъ очень удачно выбралъ центральную мѣстность, въ которой сосредоточены наиболѣе видные образцы ея.

«Благодаря пустотѣ, господствующей здѣсь вездѣ, всѣ памятники кажутся слишкомъ маленькими для своихъ мѣстъ; они теряются въ безпредѣльности. Александровская колонна считается болѣе высокой, чѣмъ колонна Вандомской площади, вслѣдствіе размѣровъ ея пьедестала; стержень сдѣланъ изъ цѣльнаго куска гранита и притомъ самаго большого, какой только былъ обработанъ руками человѣка. И что же? Эта громадная колонна, воздвигнутая между Зимнимъ дворцомъ и полукругомъ строеній, который замыкаетъ одинъ край площади, производитъ впечатлѣніе кола;а дома, окаймляющіе площадь, кажутся такими плоскими и низкими, что имѣютъ видъ частокола. Представьте себѣ площадь, на которой сто тысячъ человѣкъ могутъ маневрировать, не наполняя ея и не сообщая ей вида населеннаго мѣста: тамъ ничто не можетъ казаться большимъ. Эта площадь или, вѣрнѣе, русское Марсово поле, замыкается Зимнимъ дворцомъ, фасадъ котораго только-что перестроенъ по планамъ прежняго дворца императрицы Елизаветы. По край-ней мѣрѣ на немъ глаза отдохнутъ отъ холодныхъ и жалкихъ имитацій памятниковъ Аѳинъ и Рима; онъ во вкусѣ регентства,—это вырожденный стиль Людовика XIV, но въ очень большомъ масштабѣ. Противоположная Зимнему дворцу сторона площади образуетъ полукружіе и замыкается строеніями, въ которыхъ помѣщаются нѣсколько министерствъ; большая часть этихъ зданій построена въ античномъ греческомъ стилѣ. Странный вкусъ, — храмы, воздвигнутые для чиновниковъ! Вдоль той же площади находятся зданія адмиралтейства; они живописны, и колонки, позолоченные шпицы, часовни производятъ хорошее впечатлѣніе. Въ этомъ мѣстѣ аллея деревьевъ

украшаетъ площадь и дѣлаетъ ее менѣе монотонной. На одномъ концѣ этого громаднаго поля, противоположномъ Александровской колоннѣ, возвышается соборъ св. Исаакія со своимъ колоссальнымъ перистилемъ и мѣднымъ куполомъ, на половину еще скрытымъ лѣсами; дальше видны дворецъ Сената и другія зданія, всѣ въ видѣ языческихъ храмовъ, хотя они служатъ жилищемъ военному министру; затѣмъ на углу этой длинной площади у Невы мы видимъ или по крайней мѣрѣ стараемся увидать статую Петра Великаго на ея гранитной скалѣ, которая исчезаетъ въ безпредѣльности, какъ камень на песчаномъ берегу. Статуя героя была слишкомъ прославлена, благодаря гордости женщины, которая велѣла ее соорудить; эта статуя много ниже своей репутаціи. Всѣми этими зданіями, которыя я вамъ перепменовалъ, можно было бы застроить цѣлый городъ, а между тѣмъ они не заполняютъ большую петербургскую площадь: это—поле, но не съ колосьями, а съ колоннами. Напрасно русскіе стараются имитировать болѣе или менѣе удачно все, что лучшаго произвело искусство во всѣ времена и во всѣхъ странахъ,—они забываютъ, что природа сильнѣе. Они никогда съ ней достаточно не считаются, и она мститъ, подавляя ихъ. Chef d'oeuvre'ы были созданы только людьми, которые прислушивались къ природѣ и чувствовали ее. Природа—мысль Бога, искусство—связь человѣческой мысли съ силою, которая создала міръ и сохраняетъ его. Художникъ повторяетъ на землѣ то, что слышитъ на небѣ: онъ только переводчикъ божества; тѣ, которые творятъ самостоятельно, производятъ уродовъ».

«У древнихъ архитекторы скучивали монументы на крутыхъ и тѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ живописность ландшафта усиливала эффектъ созданій человѣка. Русскіе, думая, что возрождаютъ древность, на самомъ же дѣлѣ только неуклюже подражая ей, наоборотъ, разсѣиваютъ свои якобы греческія и римскія зданія по безграничнымъ равнинамъ, гдѣ они едва замѣтны. Свойственной подобной странѣ архитектурой была не колоннада Парѳенона, не куполъ Пантеона, а пекинская башня. Въ странѣ, которой природа отказала въ неровностяхъ почвы, человѣкъ долженъ воздвигать горы; со своимъ пристрастіемъ къ языческому стилю русскіе строятъ фронтоны и колоннады на самой землѣ, не думая о томъ, что такія невысокія зданія еле замѣтны на плоской и голой почвѣ. Поэтому постоянно вспоминаются степи Азіи въ этихъ городахъ, гдѣ хотѣли воспроизвести римскій форумъ. Что бы они ни дѣлали, Московія будетъ всегда

болѣе сродни Азіи, чѣмъ Европѣ. Духъ Востока паритъ надъ Россіей, которая отрекается отъ себя, идя вслѣдъ за Западомъ».

«Полукругъ зданій противъ императорскаго дворца со стороны площади производитъ впечатлѣніе неудачнаго античнаго амфитеатра; нужно смотрѣть на него издали; вблизи же видна только декорація, которую подновляютъ каждый годъ, чтобы исправить поврежденія, причиненныя зимою. Древніе строили изъ неразрушимаго матеріала подъ охраняющимъ небомъ; здѣсь, гдѣ климатъ все разрушаетъ, строятъ дворцы изъ дерева, дома изъ досокъ и храмы изъ гипса; поэтому русскіе рабочіе всю свою жизнь перестраиваютъ лѣтомъ то, что зима разрушила; ничто не можетъ устоять здѣсь противъ вліянія климата; зданія, даже тѣ, которыя кажутся самыми древними, вновь отстроены вчера; камень здѣсь держится столько же времени, сколько цементъ и известь въ другомъ мѣстѣ. Стержень Александровской колонны, этотъ исполинскій кусокъ гранита, уже потрескался отъ холода; въ Петербургѣ нужно употреблять бронзу, чтобы охранять гранитъ. И, несмотря на столько предостереженій, въ этомъ городѣ безъ устали подражаютъ памятникамъ южныхъ странъ. Полярныя пустыни заселяютъ статуями, барельефами, якобы историческими, не думая о томъ, что этой странѣ памятники еще меньше къ лицу, чѣмъ воспоминанія. Русскіе берутся за все, но можно подумать, что даже не кончивъ, они говорятъ себѣ: «Когда мы все это бросимъ?» Петербургъ—какъ бы лѣса; лѣса упадутъ, когда монументъ будетъ готовъ. Этимъ образцовымъ произведеніемъ—не архитектуры, а политики,—будетъ новая Византія, о которой русскіе въ глубинѣ души мечтаютъ, какъ о будущей столицѣ Россіи и всего міра».

«Напротивъ дворца громадная аркада прорѣзаетъ полукругъ строеній античнаго образца; она служитъ выходомъ съ площади и ведетъ на Морскую (Morskoë) улицу; надъ этимъ громаднымъ сводомъ торжественно возвышается колесница, запряженная шестью бронзовыми лошадьми въ рядъ и управляемая какою то аллегорической или исторической фигурой. Не думаю, чтобы въ другой странѣ можно было видѣть что-нибудь столь же безвкусное, какъ эти колоссальныя ворота, открывающіяся подъ домомъ, съ примыкающими къ нимъ съ боковъ жилищами, мѣщанское сосѣдство которыхъ не мѣшаетъ считать ихъ тріумфальной аркой, благодаря монументальнымъ претензіямъ русскихъ архитекторовъ. Я подошелъ бы нехотя

посмотрѣть вблизи этихъ позолоченныхъ лошадей, статую и колесницу; но если даже онѣ хорошо сдѣланы, въ чемъ я сомнѣваюсь, онѣ такъ плохо поставлены, что я не могъ бы ими любоваться. Въ памятникахъ прежде всего гармонія цѣлаго побуждаетъ любопытнаго изучать подробности. Тонкость исполненія ничего не значитъ безъ красоты замысла; впрочемъ, въ произведеніяхъ русскаго искусства одинаково отсутствуютъ и та, и другая. До сихъ поръ это искусство сводится къ терпѣнію; оно заключается въ подражаніи съ грѣхомъ пополамъ, для перенесенія къ себѣ безъ разбора и вкуса, всему, что изобрѣтено въ другихъ странахъ. При желаніи воспроизводить античную архитектуру слѣдуетъ дозволять себѣ только копировать ее, и то въ сходномъ мѣстоположеніи. Все здѣсь очень жалко, хотя и колоссально, такъ какъ въ архитектурѣ величіе создается не размѣрами стѣнъ, а строгостью стиля. Меня крайне удивляетъ здѣсь пристрастіе къ воздушнымъ сооруженіямъ. При такомъ суровомъ климатѣ къ чему портики, аркады, колоннады, перистили Аѳинъ и Рима?»

«Скульптура подъ открытымъ небомъ производитъ на меня здѣсь впечатлѣніе экзотическихъ растеній, которыя нужно убирать каждую осень; эта ложная роскошь менѣе всего подходитъ къ привычкамъ и духу народа, къ его почвѣ и климату. Въ странѣ, гдѣ бываетъ иногда 80 градусовъ разницы между зимней и лѣтней температурой, нужно было бы отказаться отъ архитектуры теплаго климата. Но русскіе привыкли даже съ природой обращаться, какъ съ рабомъ, и ни во что не ставитъ время. Упрямые подражатели, они принимаютъ свое тщеславіе за геній и думаютъ, что призваны воспроизвести у себя сразу и въ большемъ размѣрѣ памятники всего міра. Этотъ городъ съ гранитными набережными—чудо, но и ледяной дворецъ, въ которомъ императрица Екатерина (sic) дала праздникъ, былъ тоже чудомъ; онъ былъ такъ же долговѣченъ, какъ хлопья снѣга, эти розы Сибири».

«Все, что я до сихъ поръ усмотрѣлъ въ созданіяхъ русскихъ правителей,—не любовь къ искусству, а самолюбіе человѣка».

На фонѣ казенной архитектуры счастливо выдѣляются только церкви, на которыхъ, по мнѣнію Кюстина (съ этимъ мнѣніемъ, конечно, можно согласиться лишь съ большими оговорками), лежитъ печать національнаго творчества. «Къ счастью для живописца и поэта русскіе глубоко религіозны: ихъ церкви, по крайней мѣрѣ, принадлежатъ имъ; неизмѣнная форма домовъ молитвы составляетъ часть культа, и суевѣріе

охраняетъ эти религіозныя твердыни отъ маніи математическихъ фигуръ изъ плитъ, прямоугольниковъ, плоскостей и прямыхъ линій, словомъ, отъ архитектуры скорѣе военной, чѣмъ классической, придающей каждому городу въ этой странѣ видъ лагеря, который долженъ существовать нѣсколько недѣль во время большихъ маневровъ».

Несмотря однако на бьющую въ глаза нецѣлесообразность и безвкусицу господствующаго архитектурнаго стиля, Кюстинъ признаетъ, что городскому ensemble'ю нельзя отказать въ своеобразной прелести и что даже петербургская природа не лишена извѣстной обаятельности въ смыслѣ настроенія, которое она вызываетъ. «Il (Pétersbourg) est beau malgré le mauvais style de l'architecture»,—таково résumé, предпосланное имъ слѣдующей, набросанной широкими штрихами картинѣ.

«Представьте себѣ тучи, рои дрожекъ, стелющихся по землѣ. Вы помните, что я говорилъ вамъ объ этомъ экипажѣ-мухѣ*). Онъ такъ малъ, что совершенно исчезаетъ подъ человѣкомъ; представьте себѣ этотъ экипажъ, катящійся между длинными, прямыми рядами очень низкихъ домовъ, надъ которыми виднѣются шпицы множества церквей и нѣсколькихъ прославленныхъ памятниковъ,—это сочетаніе некрасиво, но, по крайней мѣрѣ, поразительно. Эти золоченые или раскрашенные шпицы нарушаютъ монотонную линію городскихъ крышъ; они пронизываютъ воздухъ такими острыми стрѣлками, что глазъ съ трудомъ можетъ различить остріе, позолота котораго гаснетъ въ туманѣ полярнаго неба. Шпицъ цидатели, корня и колыбели Петербурга, и шпицъ адмиралтейства, покрытый золотомъ голландскихъ червонцевъ, поднесенныхъ царю Петру республикой Соединенныхъ Провинцій, наиболѣе замѣчательны. Эти монументальныя стрѣлы на подобіе азіатскихъ уборовъ, украшающія, говорятъ, зданія въ Москвѣ, на мой взглядъ,—высоты и смѣлости дѣйствительно необыкновенной. Нельзя понять, какъ онѣ держатся въ воздухѣ; это—украшеніе чисто русское. Представьте себѣ громадное скопленіе куполовъ,

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь о русскихъ дрожкахъ тогдашней формы, представлявшихъ изъ себя простую доску на четырехъ колесахъ, на которую сѣдокъ садился верхомъ. Этотъ своеобразный экипажъ въ просторѣчіи назывался «гитарой».

окруженныхъ четырьмя башенками, составляющихъ у современныхъ грековъ необходимую принадлежность церкви; вообразите себѣ множество главъ посеребренныхъ, позолоченныхъ, лазурныхъ, усѣянныхъ звѣздами, и крыши домовъ, выкрашенныя въ изумрудно-зеленую или лазурную краску, площади, украшенныя бронзовыми статуями въ честь главныхъ историческихъ дѣятелей Россіи и императоровъ; окаймите эту картину громадной рѣкой, въ спокойные дни служащей зеркаломъ для окружающихъ предметовъ, которые въ бурные дни выдѣляются надъ ней, не отражаясь; присоедините къ этому Троицкій мостъ на судахъ, перекинутый въ самомъ широкомъ мѣстѣ Невы, между Марсовымъ полемъ, гдѣ статуя Суворова теряется въ пространствѣ, и крѣпостью, гдѣ спятъ въ своихъ лишенныхъ украшеній гробницахъ Петръ Великій и его родъ; припомните, наконецъ, что всегда полноводная Нева течетъ вровень съ землей и едва щадитъ посреди города островъ, окаймленный зданіями съ греческими колоннами, на гранитныхъ фундаментахъ, построенными по образцу языческихъ храмовъ,—если вы схватите этотъ ensemble, вы поймете, почему Петербургъ—необыкновенно живописный городъ, несмотря на дурной вкусъ своей заемной архитектуры, несмотря на болотную окраску окружающихъ его равнинъ, несмотря на полное отсутствіе неровностей почвы и блѣдность хорошихъ лѣтнихъ дней подъ тусклымъ небомъ Сѣвера».

«Небольшое волненіе рѣки у устья, гдѣ очень часто море останавливаетъ ее и даже заставляетъ течь назадъ, придаетъ еще больше странности этой картинѣ...»

«Нѣтъ ничего печальнѣе петербургскаго неба въ полдень; но если подъ этой широтой дневной свѣтъ не ярокъ, зато утро и вечеръ великолѣпны,—тогда въ воздухѣ и по зеркалу безбрежныхъ водъ, сливающихся съ небомъ, разбрасываются снопы свѣта, огненные брызги и клубы, какихъ я еще нигдѣ не видалъ.»

«Сумерки, захватывающія здѣсь три четверти жизни, богаты восхитительными явленіями; лѣтомъ солнце, на мгновеніе закатывающееся около полуночи, долго плыветъ на горизонтѣ на уровнѣ Невы и низкихъ береговъ, окаймляющихъ ее; отъ него исходитъ въ пространство зарево, которое могло бы придать красоту самой бѣдной природѣ; при видѣ этого испытывается не энтузіазмъ, вызываемый колоритомъ пейзажей знойнаго пояса, а прелесть мечты, непреодолимая власть сна, полнаго воспоминаній и надеждъ. Прогулка по островамъ

въ этотъ часъ—настоящая идиллія. Конечно, въ этихъ мѣстахъ многаго не хватаетъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ прекрасныя картины, хорошо скомпонованныя, но природа имѣетъ больше власти надъ воображеніемъ человѣка, чѣмъ искусство; ея неприкрашенный видъ во всѣхъ поясахъ удовлетворяетъ потребность въ восторгѣ, которую онъ носитъ въ душѣ; и могъ ли бы онъ найти лучшій объектъ этого чувства? Хотя Богъ довелъ землю въ полярныхъ областяхъ до послѣдней степени плоскости и обнаженности, несмотря на это убожество, зрѣлище творенія будетъ всегда для человѣка самымъ краснорѣчивымъ истолкователемъ замысловъ Творца. Развѣ плѣшивыя головы не имѣютъ своей красоты? Что касается меня, я нахожу ландшафты петербургскихъ окрестностей болѣе, чѣмъ красивыми,—на нихъ лежитъ отпечатокъ возвышенной печали, который, по глубинѣ впечатлѣнія, стоитъ богатства и разнообразія самыхъ прославленныхъ пейзажей на землѣ. Это—не пышное произведеніе искусства, не плодъ счастливаго замысла, это—глубокая пустыня, ужасная и прекрасная, какъ смерть. Отъ края до края своихъ равнинъ, отъ берега до берега своихъ морей, Россія внимаетъ голосу Бога, котораго ничто не заглушаетъ и который говоритъ человѣку, гордящемуся жалкимъ великолѣпіемъ своихъ убогихъ городовъ: «Какъ ни старайся, мое всемогущество останется непзмѣнно!» Часто лицо, лишенное красоты, имѣетъ больше выраженія и врѣзается въ память болѣе неизгладимо, чѣмъ правильныя черты, которыя не выражаютъ ни страсти, ни чувства. Таково дѣйствіе сосредоточенія нашихъ мыслей на безсмертіи, что жителя земли наиболѣе интересуетъ то, что говоритъ ему не о землѣ »

При всемъ томъ, «Петра творенье», столица громадной имперіи, затерянная среди дикихъ финскихъ болотъ, произвела на Кюстина впечатлѣніе чего то до такой степени искусственнаго, что онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о ея недолговѣчности. Еще до прибытія въ Петербургъ, при видѣ побережья Финскаго залива вблизи Кронштадта, ему вспомнилась фраза, сказанная однимъ изъ фаворитовъ Екатерины II по поводу ея жалобъ на вредное дѣйствіе петербургскаго климата на здоровье: «Не Господь Богъ виноватъ, madame, въ томъ, что люди во что бы то ни стало захотѣли основать столицу великой имперіи въ странѣ, которой отъ природы суждено быть родиной медвѣдей и волковъ!» Это же чувство съ новой силой пробудилось въ Кюстинѣ во время прогулки по петербургскимъ островамъ, тогдашней дачной мѣстности. Элегантный лѣтній

Фото-тинто гравюра Т-ва „Образованіе“.

Въѣздъ Императора Николая I-го въ Москву.

Съ акварели, наход. въ. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

Portfolio

поселокъ петербургской знати, этотъ клочокъ земли, отвоеванный культурою съ величайшими усиліями у невскаго болота, поразилъ его своимъ контрастомъ съ убожествомъ туземной природы, растительностью, представленной только жидкими березовыми и сосновыми рощицами, пустырями, подступающими къ самымъ границамъ дачныхъ участковъ. Въ такой природной обстановкѣ дачное великолѣпіе, въ которое вложено столько упорнаго и неблагодарнаго труда, по необходимости эфемерно: не пройдетъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ лѣто смѣнится суровой петербургской осенью, въ нѣсколько дней облетятъ листья съ деревьевъ, увянутъ тепличныя растенія, украшавшія дачи, — спектакль кончится, и вновь восторжествуетъ естественная жизнь чахлой природы.

«То, что происходитъ на островахъ ежегодно, произойдетъ нѣкогда съ цѣлымъ городомъ. Если эта столица, не имѣющая корней въ исторіи, будетъ хотя бы на одинъ день забыта главою государства, если новая политика направитъ мысль властелина въ иную сторону,—гранитъ, скрытый подъ водою, разсыплется, затопленныя низины возвратятся въ естественное состояніе, и хозяева пустыни вновь вступятъ во владѣніе своимъ логовомъ... Нигдѣ я не былъ въ большей степени проникнутъ мыслью о непрочности дѣлъ человѣческихъ; часто въ Парижѣ, въ Лондонѣ я говорилъ себѣ: придетъ время, когда это шумное мѣсто будетъ болѣе безмолвнымъ, чѣмъ Аѳины, Римъ, Сиракузы или Карѳагенъ, но никому не дано предугадать часъ и непосредственную причину его разрушенія, тогда какъ исчезновеніе Петербурга можно предвидѣть: оно можетъ случиться завтра, посреди торжествующихъ кликовъ его побѣдоноснаго народа. Паденіе другихъ столицъ слѣдуетъ за изгнаніемъ ихъ обитателей; эта—погибнетъ въ тотъ самый моментъ, когда русскіе увидятъ распространеніе своего могущества. Я такъ же вѣрю въ долговѣчность Петербурга, какъ въ долговѣчность политической системы, какъ въ постоянство человѣка. Этого нельзя сказать ни о какомъ иномъ городѣ.»

III.

Въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ писемъ (14-омъ) Кюстинъ пытается подвести итоги своимъ наблюденіямъ надъ уличною жизнью Петербурга, останавливаясь преимуществен-

но на тѣхъ ея явленіяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразились особенности русскаго національнаго духа. Самыя широкія обобщенія слиты въ этомъ очеркѣ въ одно цѣлое съ очень частными наблюденіями,—сочетаніе, настолько характерное вообще для манеры письма Кюстина, мало заботившагося о гармоніи частей въ своихъ путевыхъ наброскахъ, что умѣстно будетъ привести здѣсь цѣликомъ соотвѣтственный отрывокъ.

«Я вамъ описалъ городъ безъ характера, скорѣе пышный, чѣмъ внушительный, болѣе обширный, чѣмъ прекрасный, наполненный зданіями безъ стиля, безъ вкуса, безъ историческаго значенія. Но, чтобы быть обстоятельнымъ, то-есть правдивымъ, нужно въ то же время показать вамъ, въ этой претенціозной и смѣшной рамѣ, людей, обладающихъ природной граціей, которые, съ своимъ восточнымъ духомъ, сумѣли приспособить къ себѣ городъ, построенный для несуществующаго нигдѣ народа: ибо Петербургъ былъ созданъ богатыми людьми, умъ которыхъ развился на сравненіи, безъ глубокаго изученія, разныхъ странъ Европы. Этотъ легіонъ болѣе или менѣе утонченныхъ путешественниковъ, скорѣе опытныхъ, чѣмъ знающихъ, былъ искусственною націей, отборнымъ кругомъ смѣтливыхъ и ловкихъ людей, навербованныхъ среди всѣхъ націй свѣта; то не былъ русскій народъ,—этотъ насмѣшливъ, какъ рабъ, который утѣшается въ неволѣ, издѣваясь втихомолку надъ ней, суевѣренъ, хвастливъ, храбръ и лѣнивъ, какъ солдатъ, поэтиченъ, музыкаленъ и мечтателенъ, какъ пастухъ,—привычки кочующихъ племенъ долго будутъ господствующими у славянъ,—все это не мирится ни со стилемъ зданій, ни съ планомъ Петербурга, здѣсь ясно разногласіе между архитектурой и жителемъ. Европейскіе инженеры указали московитамъ, какъ они должны строить и украшать столицу, достойную восхищенія Европы, и тѣ съ военной покорностью подчинились властному приказу. Петръ Великій построилъ Петербургъ скорѣе для отпора шведамъ, чѣмъ для русскихъ, но народный характеръ проявился, несмотря на уваженіе къ прихотямъ повелителя и на недовѣріе къ самому себѣ, и этому невольному непослушанію Россія обязана своимъ оригинальнымъ отпечаткомъ; ничто не могло изгладить первобытнаго характера жителей; это торжество врожденныхъ способностей надъ плохо направленнымъ воспитаніемъ представляетъ интересное зрѣлище для каждаго путешественника, способнаго его оцѣнить...»

«Подивитесь силѣ природныхъ дарованій народовъ: въ продолженіе болѣе ста лѣтъ благовоспитанные русскіе, аристократы, ученые, вельможи, записывавши идеи—копировали образцы всѣхъ европейскихъ обществъ,—и что же? эти стремленія государей и царедворцевъ не помѣшали народу остаться оригинальнымъ.»

«Эта умная раса одарена такою утонченностью, такимъ деликатнымъ тактомъ, что не можетъ слиться съ тевтонскими народами. Буржуазная Германія до сихъ поръ болѣе чужда Россіи, чѣмъ Испанія съ ея народомъ *арабской* крови. Вялость, неповоротливость, грубость, робость, неловкость антипатичны славянскому духу. Славяне лучше перенесли бы мщеніе и тиранію; даже германскія добродѣтели ненавистны русскимъ; поэтому послѣдніе въ нѣсколько лѣтъ, несмотря на свои религіозныя и политическія звѣрства, болѣе выиграли во мнѣніи Варшавы, чѣмъ пруссаки, несмотря на рѣдкія и солидныя достоинства, которыми отличается нѣмецкая раса; я не говорю, что это хорошо, я только отмѣчаю, какъ фактъ: не всѣ братья любятъ другъ друга, но всѣ они понимаютъ другъ друга.»

«Что касается замѣчаемаго мною сходства въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между русскими и испанцами, оно объясняется сношеніями, которыя могли первоначально существовать между арабскими племенами и ордами, выходившими изъ Азіи въ Московію. Мавританская архитектура приближается къ византійской—типу истинно московской архитектуры. Духъ азіатскихъ народовъ, кочевавшихъ въ Африкѣ, не могъ быть несходнымъ съ духомъ другихъ народовъ Востока, только что основавшихся въ Европѣ; исторія объясняется прогрессирующимъ вліяніемъ расъ, оно опредѣляетъ судьбу общества, какъ характеръ опредѣляетъ судьбу личности.»

«Еслибы не было разницы въ религіи и въ правахъ народовъ, я подумалъ бы, что нахожусь на одной изъ самыхъ возвышенныхъ и самыхъ безплодныхъ равнинъ Кастиліи...»

«По правдѣ сказать, здѣсь африканская жара; двадцать лѣтъ въ Россіи не было такого жаркаго лѣта. Несмотря на тропическую жару, русскіе уже заготовляютъ дрова. Суда, нагруженныя березовыми дровами, единственнымъ топливомъ, которое употребляютъ здѣсь, гдѣ дубъ считается роскошью, загромождаютъ многочисленные широкіе каналы, прорѣзывающіе въ разныхъ направленіяхъ этотъ городъ, построенный по образцу Амстердама, ибо черезъ главныя улицы Петербурга

протекаетъ рукавъ Невы; эта вода зимой исчезаетъ подъ снѣгомъ, а лѣтомъ—подъ множествомъ барокъ, которыя тѣснятся около пристаней, чтобы выгрузить на берегъ свою кладь...»

«Топливо становится рѣдкимъ въ Россіи. Дрова такъ же дороги въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ. Есть дома, отопленіе которыхъ зимой стоитъ отъ девяти до десяти тысячъ франковъ. Видя, какъ рѣдѣютъ лѣса, съ безпокойствомъ спрашиваешь себя, какими дровами будетъ топить слѣдующее поколѣніе.»

«Простите мнѣ шутку: я часто думаю, что со стороны народовъ, которые пользуются хорошимъ климатомъ, было бы благоразумно снабжать русскихъ тѣмъ, что ихъ хорошо грѣло бы. Они меньше жалѣли бы о солнцѣ.»

«Телѣжки, назначенныя для вывоза городскихъ нечистотъ, малы и неудобны; съ такимъ снарядомъ одинъ человѣкъ и одна лошадь не могутъ много наработать въ день. Вообще русскіе выказываютъ свою смѣтливость болѣе въ пріемахъ пользованія плохою утварью, чѣмъ въ заботахъ объ улучшеніи той, какая у нихъ есть. Мало одаренные изобрѣтательностью, они обыкновенно не обладаютъ механическими приспособленіями для достиженія желаемыхъ цѣлей. Этотъ народъ, у котораго столько граціи и ловкости, лишенъ творческаго генія. Повторяю еще разъ,—русскіе, это —римляне Сѣвера. Тѣ и другіе заимствовали свои знанія и искусства у иностранцевъ. У нихъ есть умъ, но умъ подражательный, слѣдовательно болѣе ироническій, чѣмъ плодотворный; этотъ умъ всему подражаетъ, но ничего не изобрѣтаетъ.»

«Насмѣшливость—господствующая черта характера тирановъ и рабовъ. Всякая угнетенная нація имѣетъ умъ, склонный къ осмѣянію, къ сатирѣ, къ карикатурѣ; она мститъ за свое бездѣйствіе и униженіе сарказмами. Остается опредѣлить и формулировать отношеніе, существующее между націями и государственнымъ устройствомъ, которое онѣ даютъ себѣ и которое терпятъ. По моему мнѣнію, каждая нація, доросшая до государственнаго быта, имѣетъ то правленіе, какое она только и можетъ имѣть. Я не хочу вамъ навязывать или даже излагать эту систему. Эту работу я предоставляю болѣе достойнымъ и ученымъ, чѣмъ я; моя теперешняя задача скромнѣе и состоитъ въ описаніи всего, что меня поражаетъ на улицахъ и набережныхъ Петербурга.»

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Нева вся покрыта барками съ сѣномъ. Эти деревенскія сооруженія выше многихъ домовъ; они

кажутся мнѣ живописными и носятъ отпечатокъ остроумія, какъ все, чѣмъ славяне обязаны только самимъ себѣ. Эти барки, населенныя людьми, которые ихъ ведутъ, устланы коврами изъ соломы въ родѣ циновокъ, придающими, несмотря на свою грубость, движущимся зданіямъ видъ восточныхъ бесѣдокъ или китайскихъ джонокъ; только въ Петербургѣ я видѣлъ стѣны изъ сѣна, завѣшенныя рогожами, и семейства, выходящія изъ-подъ этого сѣна, подобно животнымъ, выбѣгающимъ изъ своихъ берлогъ.»

«Малярное ремесло получаетъ большое значеніе въ городѣ, гдѣ дома внутри составляютъ добычу массы паразитовъ, а снаружи постоянно терпятъ поврежденія зимой. Въ Россіи нужно каждый годъ поновлять зданіе, которое желательно предохранить отъ быстраго разрушенія.»

«Способъ, которымъ русскіе маляры исполняютъ свое дѣло, очень любопытенъ. Въ продолженіе только трехъ мѣсяцевъ они могутъ работать внѣ дома. Понятно, число работниковъ должно быть значительно: они встрѣчаются на каждомъ углу улицы. Эти люди, сидя съ опасностью для своей жизни на дощечкѣ, слабо прикрѣпленной къ большой колеблющейся веревкѣ, качаются, какъ насѣкомыя, у зданій, которыя они бѣлятъ. Нѣчто подобное есть у насъ,—рабочіе также повисаютъ на петляхъ веревки, чтобы подниматься и опускаться вдоль домовъ. Но во Франціи маляровъ всегда немного, и они менѣе отважны, чѣмъ русскіе. Вездѣ человѣкъ оцѣниваетъ свою жизнь во столько, сколько она стоитъ.»

«Если вы представите себѣ сотни пауковъ, висящихъ на нитяхъ разорванной буреи паутины, которую они торопятся починить съ удивительной ловкостью и проворствомъ, то вы будете имѣть представленіе о работѣ маляровъ на улицахъ Петербурга во время короткаго сѣвернаго лѣта. Дома не имѣютъ болѣе трехъ этажей; они бѣлы, но ихъ наружность обманчива, потому что можно подумать, что они чисты. Но такъ какъ я знаю положеніе дѣлъ внутри домовъ, то прохожу съ почтительнымъ отвращеніемъ мимо этихъ блестящихъ фасадовъ. Въ провинціи красятъ города, чрезъ которые долженъ проѣхать императоръ: оказываютъ ли этимъ честь государю или хотятъ ему намекнуть на бѣдность страны?»

«Вообще у русскихъ непріятный запахъ, который слышенъ даже издалека. Свѣтскіе люди пахнутъ мускусомъ, а простолюдины—кислой капустой въ соединеніи съ испареніями лука и старой, засаленной, вонючей кожи. Эти запахи неизмѣнны.»

«Вы можете заключить изъ этого, что тридцать тысячъ подданныхъ императора, являющихся 1 января къ нему во дворецъ съ поздравленіями, и шесть или семь тысячъ, которыя будутъ толпиться завтра въ Петергофскомъ дворцѣ на праздникѣ въ честь императрицы, должны оставлять на своемъ пути ужасный запахъ.»

«Въ простонародьѣ изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ до сихъ поръ на улицахъ, ни одна мнѣ не показалась красивой,—большая часть изъ нихъ меня поразила замѣчательнымъ безобразіемъ и отталкивающей неопрятностью. Удивляешься, думая о томъ, что вѣдь это жены и матери людей съ такими тонкими и правильными чертами лица, съ греческими профилями, съ изящнымъ и стройнымъ станомъ, попадающихся даже среди низшихъ классовъ народа. Нѣтъ ничего прекраснѣе русскихъ старпковъ и ужаснѣе русскихъ старухъ. Я мало видѣлъ горожанокъ. Одна изъ особенностей Петербурга состоитъ въ томъ, что относительная численность женщинъ меньше, чѣмъ въ столицахъ другихъ странъ; меня увѣряютъ, что онѣ составляютъ, самое большее, треть всего населенія города.»

«Благодаря этой малочисленности онѣ въ слишкомъ большомъ почетѣ: имъ оказываютъ столько вниманія, что онѣ не рискуютъ послѣ извѣстнаго часа появляться въ одиночку на улицахъ мало-населенныхъ кварталовъ. Въ столицѣ вполнѣ военной страны и у народа, предающагося пьянству, эта осторожность, мнѣ кажется, имѣетъ основаніе. Вообще русскія женщины рѣже появляются публично, чѣмъ француженки; не нужно далеко ходить, чтобы вернуться къ временамъ, когда онѣ проводили время взаперти, какъ азіатскія женщины. Эта замкнутость, отголоски которой все еще сохраняются, напоминаетъ, какъ и другіе русскіе обычаи, о происхожденіи этого народа. Она способствуетъ унынію на торжествахъ и улицахъ Петербурга. Самое прекрасное въ этомъ городѣ—парады; и я былъ вполнѣ правъ, говоря, что каждый русскій городъ, начиная со столицы, представляетъ изъ себя лагерь болѣе прочный и мирный, чѣмъ бивуакъ.»

«Въ Петербургѣ насчитывается немного кафе; нѣтъ совсѣмъ разрѣшенныхъ публичныхъ баловъ внутри города; мѣста для прогулокъ не посѣщаются, и по нимъ ходятъ съ серьезнымъ видомъ, не располагающимъ къ веселью.»

Отдавая должное стойкости національнаго духа, Кюстинъ не могъ однако не замѣтить, что онъ сказывается и въ очень

непривлекательныхъ сторонахъ городского быта. Грязь петербургскихъ окраинъ съ ихъ лачугами и пустырями, которые завалены скопившимися въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ грудами всевозможныхъ отбросовъ и нечистотъ, ясно свидѣтельствуетъ о безпочвенности претензій правителей, тѣшащихся мыслью о томъ, что имъ удалось цивилизовать страну. «Калмыцкая орда, расположившаяся въ баракахъ около кучки античныхъ храмовъ, греческій городъ, импровизованный для татаръ, какъ театральная декорація, великолѣпная, но безвкусная, долженствующая служить рамой для дѣйствительной и страшной драмы,—вотъ что замѣчается съ перваго взгляда въ Петербургѣ.»

Совершая свои «courses sentimentales» по Петербургу, Кюстинъ наблюдаетъ очень характерныя сцены этой драмы. Низшіе агенты администраціи,—министерскіе курьеры, фельдъегеря,—избиваютъ извозчиковъ на улицахъ, среди бѣла дня, въ присутствіи гуляющей публики. Вотъ какой то курьеръ, или, можетъ быть, генеральскій камердинеръ стаскиваетъ съ козелъ молодого извозчика и разбиваетъ ему лицо въ кровь; жертва не оказываетъ ни малѣйшаго сопротивленія, а другой извозчикъ держитъ подъ уздцы лошадь представителя власти, пока совершается расправа. «Замѣтьте, что эта гнусность продѣлывалась въ полномъ порядкѣ въ присутствіи молчаливой толпы, которая не только не помышляла вступиться за виновнаго (извозчика, котораго таковымъ признало «начальство») или оправдывать его, но даже не осмѣливалась остановиться, чтобы присутствовать при расправѣ. Нація, управляемая по-христіански, протестовавла бы противъ общественной дисциплины, разрушающей всякую индивидуальную свободу. Но здѣсь вліяніе священника на народъ и вельможъ исчерпывается тѣмъ, что онъ добивается отъ нихъ совершенія крестнаго знаменія и колѣнопреклоненій. Вотъ полицейскій избиваетъ до полусмерти грузчика дровъ на баркѣ,—и опять европеецъ не можетъ прійти въ себя отъ изумленія при видѣ совершенно равнодушнаго отношенія уличной толпы къ этому факту. «Среди бѣла дня, на улицѣ бить на смерть человѣка до суда надъ нимъ, — это кажется очень естественнымъ петербургской публикѣ и петербургскимъ сбирамъ. Буржуа, дворяне, солдаты и горожане, бѣдняки и богачи, великіе и малые, элегантные и неотесанные, мужланы и денди—всѣ русскіе одинаково позволяютъ творить спокойно такія дѣла на глазахъ у себя, не задумываясь надъ законностью акта. Въ другихъ

странахъ всѣ защищаютъ гражданина отъ злоупотребленій представителя власти; здѣсь должностное лицо ограждается отъ справедливой жалобы потерпѣвшаго частнаго лица. Крѣпостной рабъ не заявляетъ жалобъ.»

Общественные и политическіе нравы постоянно приковывали къ себѣ вниманіе Кюстина во время его пребыванія въ Петербургѣ, и изъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ его петербургскихъ письмахъ, видно, что его мысль напряженно работала надъ загадкою, какою является для европейца жизнь такого государственнаго организма, какъ Россія.

Въ центрѣ необыкновенной картины, развертывавшейся передъ французскимъ путешественникомъ, естественно помѣстилось характернѣйшее явленіе русской государственной жизни — власть русскаго императора. Прогулка по островамъ послужила ему поводомъ для размышленій о природѣ этой власти, создавшей столицу въ глуши и «могущей однимъ словомъ вернуть пустынѣ все, что она взяла у нея», и онъ почувствовалъ почти мистическій ужасъ передъ такимъ необычайнымъ политическомъ феноменомъ.

«Здѣсь жизнь, въ настоящемъ смыслѣ, принадлежитъ лишь главѣ государства: судьба, сила, воля цѣлаго народа заключены въ одной головѣ. Русскій императоръ есть воплощеніе общественной власти: ниже его царитъ то равенство, о какомъ мечтаютъ современные галло-американскіе демократы, фурьеристы и др. Но русскимъ извѣстна причина грозы, которой не знаютъ прочіе люди, — гнѣвъ императора. Республиканская или монархическая тиранія вызываетъ ненависть къ абсолютному равенству. Я ничего такъ не боюсь, какъ неумолимой логики въ приложеніи къ политикѣ. Если Франція обладаетъ матеріальнымъ благосостояніемъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, то это, быть можетъ, оттого, что видимая нелѣпость, господствующая въ ея дѣлахъ, есть высокая практическая мудрость; фактъ, ставшій на мѣсто умозрѣнія, властвуетъ надъ ѣами.»

«Въ Россіи начало власти функціонируетъ всегда съ математическою строгостью, и результатъ этой крайней послѣдовательности есть крайнее угнетеніе. При видѣ этого суроваго послѣдствія неуклонной политики негодуешь и спрашиваешь себя, отчего такъ мало человѣчности въ дѣлахъ человѣческихъ. Но трепетать — не значитъ пренебрегать: не презираютъ того, чего боятся.»

«Созерцая Петербургъ и размышляя объ ужасной жизни обитателей этого гранитнаго лагеря, можно сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ, можно стенать, богохульствовать, но нельзя скучать. Тутъ есть непостижимая тайна, но въ то же время и колоссальное величіе. Деспотизмъ, организованный такъ, какъ онъ организованъ здѣсь, становится неисчерпаемымъ предметомъ наблюденій и размышленій. Колоссальная имперія, сразу возстающая предо мною на востокѣ Европы, той Европы, гдѣ общества страдаютъ отъ паденія всякаго признаннаго авторитета, производитъ на меня впечатлѣніе какого то воскресенія. Мнѣ чудится, что предо мною одна изъ ветхозавѣтныхъ націй, и я останавливаюсь съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, у ногъ допотопнаго исполина.»

«Съ первыхъ шаговъ въ странѣ русскихъ замѣчается, что такое общество, какое они устроили для себя, можетъ служить только ихъ потребностямъ; нужно быть русскимъ, чтобы жить въ Россіи, а между тѣмъ съ виду все здѣсь дѣлается такъ же, какъ и въ другихъ странахъ. Разница только въ основѣ явленій.»

Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у Кюстина слѣдующую характеристику матеріальной основы мощи русской власти, повторенную впослѣдствіи Герценомъ и резюмирующуюся въ извѣстной фразѣ объ имперіи Чингисъ-хана во всеоружіи современной техники. О русскомъ народѣ Кюстинъ говоритъ:

«Нѣтъ теперь на землѣ ни одного человѣка, который обладалъ бы и пользовался бы такою властью,—ни въ Турціи, ни даже въ Китаѣ. Представьте себѣ искусство нашихъ правительствъ, искушенныхъ вѣковымъ его примѣненіемъ, на службѣ у общества еще юнаго и жестокаго, западныя административныя уловки, пособляющія всѣмъ современнымъ опытомъ восточному деспотизму, европейскую дисциплину, поддерживающую азіатскую тираннію, полицейскій строй, приспособленный къ тому, чтобы скрывать варварство,—утверждать, а не подавлять его, звѣрство и лютость дисциплинированныя, тактику европейскихъ арміи, служащую укрѣпленію восточной политики, вообразите себѣ полудикій народъ, которому дали военное устройство (qu'on a enrégimenté), не цивилизуя его,—и вы поймете моральное и соціальное состояніе русскаго народа.»

«Пользоваться административными усовершенствованіями европейскихъ націй, чтобы править шестьюдесятью милліонами людей по-восточному,—вотъ, со времени Петра I, проблема, разрѣшаемая людьми, управляющими Россіей.»

Кюстинъ не разъ останавливается на тѣсной связи русской формы правленія съ психологіей народа. Политическое рабство свидѣтельствуетъ о глубокой коррупціи, проникающей весь народный организмъ. Отличительная черта характера русскаго крестьянина—коварство, вполнѣ естественное въ его положеніи, но подъ внѣшней покорностью раба скрывается дикая свирѣпость, время отъ времени проявляющаяся въ ужасныхъ расправахъ съ помѣщиками. Послѣднихъ крѣпостное право деморализуетъ не менѣе, чѣмъ подвластныхъ имъ крестьянъ, и Кюстинъ яркими красками изображаетъ безнравственность быта рабовладѣльческаго класса. Въ Россіи, говоритъ онъ, несвободный человѣкъ—не что иное, какъ денежный знакъ, при томъ такой, цѣнность котораго мѣняется въ зависимости отъ условій рынка. «Я здѣсь все время невольно провожу въ вычисленіяхъ, сколько семействъ идетъ на оплату шляпки, шали; въ домѣ, въ который я вхожу, розанъ, гортензія, въ моихъ глазахъ,—не то, чѣмъ они были бы въ иной странѣ; все представляется мнѣ окрашеннымъ кровью; только оборотную сторону медали я вижу. Число душъ, обреченныхъ на страданія до самой смерти ради оплаты аршина матеріи, пошедшей на мебель, на костюмъ привлекательной придворной дамы, занимаетъ меня болѣе, чѣмъ ея нарядъ и ея красота. Я чувствую, что, поглощенный этими грустными разсчетами, я становлюсь несправедливымъ; попадаются особы, очаровательныя лица которыхъ напоминаютъ мнѣ, хотя я и протестую про себя, карикатуры на Бонапарта, распространившіяся въ 1813 году во Франціи и въ Европѣ. На нѣкоторомъ разстояніи изображеніе колоссальной фигуры императора было схоже, но разсматривая его вблизи, вы замѣчали, что всякую черту лица составляютъ изувѣченные трупы.»

Высшіе классы общества несутъ на себѣ значительную долю отвѣтственности за всеобщее угнетеніе. Русскіе дворяне—тѣ же рабы; цѣпляясь за свои сословныя привилегіи, они раболѣпствуютъ передъ властью, охраняющей ихъ, и ничего не дѣлаютъ для завоеванія свободы. Благодаря ихъ пассивности, въ Россіи создается положеніе, которое со временемъ можетъ разрѣшиться взрывомъ, гибельнымъ для существующей формы правленія.

«Куда народъ позоветъ нѣкогда знатныхъ къ отвѣту за ихъ безмолвіе? Какую вспышку мщенія готовитъ самодержавію самоотреченіе такой аристократіи? Что дѣлаетъ русское дворянство? Оно обожаетъ императора и рядомъ участвуетъ въ

злоупотребленіяхъ власти ради того, чтобы самому продолжать угнетать народъ, который оно будетъ бичевать, пока чтимый имъ богъ оставляетъ бичъ въ его рукахъ. Въ этомъ ли заключалась роль, назначенная ему Провидѣніемъ въ экономіи обширной имперіи? Оно въ ней занимаетъ почетные посты,—что оно сдѣлало, чтобы заслужить ихъ? Чрезмѣрная и постоянно возрастающая власть повелителя—слишкомъ справедливое возмездіе слабости знатныхъ. Въ исторіи Россіи никто, кромѣ императора, не исполнялъ своего дѣла; дворянство, духовенство,—всѣ классы общества измѣнили самимъ себѣ. Угнетенный народъ всегда заслуживаетъ свою кару; тиранія — дѣло рукъ націй. Или цивилизованный міръ вновь подпадетъ до истеченія пятидесяти лѣтъ варварскому игу, или Россія переживетъ революцію болѣе ужасную, чѣмъ та революція, послѣдствія которой еще ощущаются западной Европой». Къ мысли о грядущей русской революціи Кюстинъ возвращался и въ позднѣйшихъ письмахъ, и мы еще будемъ имѣть случай остановиться на его любопытныхъ соображеніяхъ объ условіяхъ, подготовляющихъ ее.

«Цивилизація», которою такъ кичится высшій слой русскаго общества, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается призрачной; она—не болѣе, какъ внѣшній лоскъ, едва прикрывающій варварство, лежащее въ основаніи общественныхъ отношеній и нравовъ. Русскимъ цивилизація была навязана насильно Петромъ I, когда они еще не были подготовлены къ усвоенію ея,—поэтому она не могла пустить въ Россіи прочныхъ корней, не слилась органически съ жизнью народа и получила совершенно извращенный характеръ. Она—не продуктъ творческой работы народнаго духа, которая была насильственно подавлена прежде, чѣмъ успѣла проявиться въ сколько-нибудь осязательныхъ результатахъ, и заглохла подъ скороспѣлыми нововведеніями, не согласованными ни съ національными особенностями, ни съ уровнемъ духовной культуры русскихъ; она—явленіе наносное и, въ качествѣ такового, безсодержательна и безплодна. Истинная цивилизація чужда русскимъ, которые не идутъ дальше поверхностнаго усвоенія того, что выработано въ области культуры европейскими націями; ихъ образованность сводится къ неосмысленному, рабскому подражанію иноземнымъ образцамъ, только питающему претензіи, вовсе не оправдываемыя дѣйствительностью. «Я не ставлю русскимъ въ укоръ того, что они таковы, каковы они

суть; я порицаю ихъ за стремленіе казаться такими же, какъ мы. Они еще некультурны; это состояніе по крайней мѣрѣ открываетъ просторъ надеждамъ, но я замѣчаю у нихъ постоянное желаніе передразнивать другія націи, и они ихъ передразниваютъ по-обезьяньи, насмѣхаясь надъ тѣмъ, что копируютъ. И я говорю себѣ: вотъ люди, вышедшіе изъ дикаго состоянія и потерянные для цивилизаціи, и вспоминается мнѣ страшное слово Вольтера или Дидро, забытое во Франціи: «русскіе сгнили, не дозрѣвъ». Таковы послѣдствія непоправимой, можетъ быть, ошибки Петра I, который, не считаясь съ исторіей своего народа, поторопился пріобщить его къ европейской цивилизаціи и тѣмъ создалъ надолго, если не навсегда, условія, крайне неблагопріятныя для дѣйствительнаго усвоенія ея. Какъ видимъ, Кюстинъ въ своихъ сужденіяхъ о русской цивилизаціи и реформаторской дѣятельности Петра развиваетъ мысль, высказанную Руссо мимоходомъ въ *Contrat social* *).

Некультурность русскихъ сказывается и въ обстановкѣ ихъ быта; уровень матеріальной культуры у нихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ духовному убожеству. Они любятъ пышность, показное великолѣпіе, но легко мирятся съ отсутствіемъ самаго элементарнаго комфорта. Ихъ дома грязны, кишатъ паразитами; у нихъ нѣтъ кроватей, и даже русскіе аристократы довольствуются для спанья простыми скамьями; кровать, если имѣется въ домѣ, составляетъ не предметъ необходимости, но принадлежность парадной обстановки, и ею не пользуются.

«Въ Петербургѣ все имѣетъ видъ пышный, грандіозный, великолѣпный, но если вы станете судить по внѣшности о томъ, что есть на самомъ дѣлѣ, вы испытаете странное разочарованіе; обыкновенно первымъ дѣйствіемъ цивилизаціи бы-

*) «Русскіе никогда не будутъ дѣйствительно цивилизованы, потому что они были цивилизованы слишкомъ рано. У Петра былъ геній подражательный; онъ не имѣлъ истиннаго генія, того, который творитъ и дѣлаетъ все изъ ничего. Нѣкоторыя его дѣла были хороши, но въ большинствѣ они были неумѣстны. Онъ видѣлъ, что его народъ—варварскій, но не видѣлъ, что онъ не созрѣлъ для цивилизаціи; онъ захотѣлъ цивилизовать его, тогда какъ слѣдовало только воспитать его для войнъ. Онъ хотѣлъ сразу создать нѣмцевъ, англичанъ, тогда какъ слѣдовало прежде всего создать русскихъ: онъ помѣшалъ своимъ подданнымъ стать когда-либо тѣмъ, чѣмъ они могли бы быть, убѣждая ихъ въ томъ, что они уже то, чѣмъ они не были. Такъ учитель-французъ готовитъ своего воспитанника къ тому, чтобы онъ на минуту блеснулъ въ дѣтствѣ, а потомъ навсегда остался ничтожествомъ». *Du Contrat social*, livre II chap. VIII.

ваетъ облегченіе матеріальной жизни; здѣсь все затруднено; апатія и коварство—вотъ тайный смыслъ жизни большинства.»

«Хотите точно знать, что нужно видѣть въ этомъ большомъ городѣ? Если Шницлеръ*) васъ не удовлетворяетъ, вы не найдете иного путеводителя; ни одинъ книгопродавецъ не имѣетъ полнаго указателя достопримѣчательностей Петербурга; людямъ же свѣдущимъ, которыхъ вы станете разспрашивать, нѣтъ разсчета просвѣщать васъ, или же они не считаютъ нужнымъ отвѣчать вамъ; императоръ, мѣсто, гдѣ онъ живетъ, проектъ, явно занимающій его,—вотъ единственный предметъ, способный всецѣло сосредоточить на себѣ мысли русскаго, который мыслитъ. Въ жизни довольствуются этимъ придворнымъ катехизисомъ. Всѣ жаждутъ угождать властелину, способствуя скрытію нѣкоторой доли правды отъ путешественниковъ. Никто не подумаетъ помочь любопытнымъ; ихъ любятъ обманывать посредствомъ фальшивыхъ документовъ; чтобы успѣшно путешествовать по Россіи, надобно обладать талантомъ великаго критика. При деспотизмѣ любопытство—синонимъ нескромности; имперія, это—царствующій императоръ; разъ онъ здоровъ, вамъ не о чемъ болѣе заботиться, и у вашего сердца и ума есть хлѣбъ насущный. Если только вы знаете, гдѣ пребываетъ и какъ живетъ этотъ смыслъ всякихъ думъ, этотъ двигатель всѣхъ желаній, всѣхъ дѣйствій, вамъ, иностранцу или русскому подданному, нечего больше требовать отъ Россіи, даже указанія дороги, ибо на русскомъ планѣ города Петербурга вы найдете только названія главныхъ улицъ.»

IV.

«Въ Россіи дворъ—все», говорилъ себѣ Кюстинъ, приступая къ изученію ея; неудивительно, что его ближайшей задачей по пріѣздѣ въ Петербургъ явилось полученіе доступа въ эту среду, властно дававшую тонъ жизни цѣлой страны. При посредствѣ французскаго посланника дѣло устроилось быстро. Уже 14 (2) іюля Кюстинъ присутствовалъ при вѣнчаніи царской дочери Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ въ церкви Зимняго дворца, въ тотъ же день вечеромъ былъ пред-

---

*) Шницлеръ—авторъ наилучшаго статистическаго труда о Россіи. Прим. К. Его книга *La Russie, la Pologne et la Finlande* вышла въ Парижѣ въ 1835 г.

ставленъ на балу Николаю I, — и придворная жизнь захватила его почти на двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ различныя празднества, — балы, пріемы во дворцѣ, смотры, — слѣдовали непрерывно одно за другимъ.

Мы не будемъ останавливаться на программахъ и обстановкѣ этихъ празднествъ, — плоды режиссерскаго творчества церемоніймеіістеровъ всегда болѣе или менѣе банальны и могутъ представлять интересъ лишь для спеціалистовъ по этой части. Въ глазахъ самого Кюстина, достаточно, впрочемъ, оцѣнившаго импозантный блескъ русскаго двора, декораціи и mise en scène имѣли, видимо, второстепенное значеніе въ сравненіи съ игрой и психологіей актеровъ, исполнявшихъ пьесу.

Тотъ, для кого она ставилась, оказался и ея несомнѣннымъ протагонистомъ. Императоръ вполнѣ обладалъ тѣмъ, что называется physique de l'emploi: его красивое лицо скорѣе германскаго, чѣмъ славянскаго типа, высокій ростъ и стройный станъ, немного, правда, обезображенный туго стянутымъ выше поясницы кушакомъ, надъ которымъ желудокъ некрасиво выдавался въ видѣ остраго выступа, произвели на Кюстина выгодное впечатлѣніе. Исполненіе роли было на уровнѣ физическихъ данныхъ.

«Видно, что ни на одно мгновеніе императоръ не можетъ забыть, кто онъ, ни постояннаго вниманія, которое онъ возбуждаетъ; онъ постоянно *позируетъ**), вслѣдствіе чего никогда не бываетъ естественнымъ,—даже тогда, когда онъ искрененъ; его лицо имѣетъ три выраженія, въ числѣ которыхъ нѣтъ выраженія простой доброты. Самое обычное выраженіе, мнѣ кажется, — строгость. Другое, болѣе рѣдкое, идетъ, быть можетъ, еще болѣе къ этому прекрасному лицу, — это торжественность; третье выраженіе — вѣжливость, и въ немъ проскальзываютъ граціозные оттѣнки, которые смягчаютъ холодное удивленіе, произведенное въ началѣ двумя другими выраженіями. Но, несмотря на эту грацію, что то вредитъ нравственному вліянію этого человѣка, — именно то, что каждое изъ выраженій, смѣняющихся на лицѣ, появляется или совершенно пропадаетъ, при чемъ не остается ни одной черты того, которое исчезло, чтобы смягчить новое выраженіе. Это — смѣна декорацій à vue безъ всякаго подготовительнаго перехода; можно подумать, что снимается и надѣвается по желанію маска.

---

*) Курсивъ К.

Не придавайте слову «маска» того значенія, какого оно не имѣетъ у меня; я его употребляю согласно съ этимологіей. По-гречески «гипокритъ» значитъ актеръ; гипокритъ былъ человѣкъ, который надѣвалъ маску, чтобы играть комедію. Я хочу, значитъ, сказать, что императоръ всегда играетъ роль и исполняетъ ее, какъ великій актеръ.»

«Слова «гипокритъ» или «актеръ» неблагозвучны, въ особенности въ устахъ человѣка, который хочетъ быть безпристрастнымъ и почтительнымъ. Но мнѣ думается, что для понятливыхъ читателей, къ которымъ я исключительно обращаюсь, слова ничего не значатъ сами по себѣ и что важность словъ зависитъ отъ смысла, какой хотятъ имъ придать. Нельзя сказать, что физіономіи этого государя чужда искренность, — въ ней нѣтъ только естественности; такимъ образомъ величайшее изъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ Россія, — отсутствіе свободы, изображается даже на лицѣ ея государя: у него много масокъ, но нѣтъ лица. Вы ищете человѣка и всегда находите только императора.»

«Я думаю, что это замѣчаніе можно перетолковать въ похвалу ему: онъ добросовѣстно исполняетъ свое дѣло. Обладая ростомъ, превосходящимъ настолько ростъ обыкновенныхъ людей, насколько его тронъ выше другихъ сѣдалищъ, онъ обвинилъ бы себя въ слабости, еслибы былъ хоть одну минуту совершенно простъ и показалъ, что онъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ, какъ простой смертный. Не раздѣляя, повидимому, ни одной изъ нашихъ привязанностей, онъ бываетъ постоянно начальникомъ, судьей, генераломъ, адмираломъ, наконецъ, государемъ: ничѣмъ больше и ничѣмъ меньше. Къ концу своей жизни онъ почувствуетъ крайнюю усталость; но онъ будетъ высоко стоять въ глазахъ своего народа и, можетъ быть, міра, потому что толпа любитъ усилія, которыя ее удивляютъ; она гордится, видя, сколько труда кладется на то, чтобы ее ослѣпить.»

Лишь исключительно сильный организмъ можетъ безнаказанно переносить à la longue эти усилія и ту лихорадочную дѣятельность, которую развиваетъ императоръ Николай, проводящій жизнь въ путешествіяхъ, смотрахъ, маневрахъ, придворныхъ торжествахъ. Императрицѣ, видимо, не по силамъ режимъ, ставшій благодаря привычкамъ и вкусамъ ея мужа обязательнымъ для жены русскаго царя. Кюстину бросается въ глаза ея изнуренный, почти страдальческій видъ. «Для императрицы и ревностныхъ царедворцевъ рано утромъ начинается

зрѣлище смотровъ и парадовъ, за которыми всегда слѣдуютъ пріемы; императрица заходитъ въ свои покои на четверть часа, потомъ два часа катается въ экипажѣ; послѣ того она принимаетъ ванну и опять выѣзжаетъ верхомъ; вторично вернувшись домой, она снова принимаетъ; наконецъ, она посѣщаетъ благотворительныя учрежденія, которыми управляетъ она или кто-либо изъ ея приближенныхъ; оттуда она уѣзжаетъ, чтобы сопровождать императора въ лагерь, — таковой всегда есть гдѣ-нибудь; по возвращеніи они танцуютъ, и такъ проходятъ ея дни, года, такъ ея силы уходятъ вмѣстѣ съ жизнью.»

Николай I и императрица отнеслись къ Кюстину съ величайшею любезностью и видимо старались заручиться его расположеніемъ, видя въ немъ человѣка, способнаго повліять на европейское общественное мнѣніе въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ. Императрица при первой же встрѣчѣ съ нимъ на балу послѣ свадьбы герцога Лейхтенбергскаго очень недвусмысленно дала ему понять, что царская любезность вовсе не была безкорыстна. «Вамъ непремѣнно нужно, по-моему, — сказала она, — все подробно осмотрѣть здѣсь, чтобы вынести изъ Россіи впечатлѣніе, которое могло бы исправить мнѣніе о ней глупцовъ и злыхъ людей». Кюстинъ отвѣтилъ банальною любезностью. «Вамъ не слѣдуетъ останавливаться на внѣшности, — добавила императрица, — вы должны судить о вещахъ по существу, потому что вы обладаете всѣмъ, что нужно для этого». Когда Кюстинъ захотѣлъ осмотрѣть новый царскій коттеджъ въ Петергофѣ въ отсутствіе хозяевъ, императрица, случайно узнавъ объ этомъ, приняла его въ коттеджѣ, какъ желаннаго гостя.

Тактика Николая I была иная. Въ разговорахъ съ Кюстиномъ, онъ сумѣлъ взять тонъ, сразу подкупившій въ его пользу его впечатлительнаго собесѣдника: онъ высказывался обо всемъ съ видимою откровенностью, которая должна была свидѣтельствовать объ его уваженіи и довѣріи къ французскому литератору.

Такой характеръ носила уже первая бесѣда императора съ Кюстиномъ въ день свадьбы герцога Лейхтенбергскаго. Кюстинъ выразилъ удивленіе по поводу того, что у царя, при его кипучей дѣятельности, находится время даже для участія въ придворныхъ празднествахъ.

— Къ счастью, — отвѣтилъ Николай, — административная машина очень проста въ моей странѣ: ибо при разстояніяхъ, которыя все дѣлаютъ затруднительнымъ, если бы форма пра-

Пріемъ у губернатора.

Съ литографіи 50-хъ годовъ.

вленія была сложноіі, головы одного человѣка не хватало бы... Я говорю съ вами такъ, зная, что вы можете меня понимать: мы продолжаемъ дѣло Петра Великаго.

— Онъ не умеръ, государь, его геній и его воля еще правятъ Россіей.

— Эту волю очень трудно приводить въ исполненіе. Общая покорность заставляетъ васъ предполагать однообразіе у насъ,—разувѣрьтесь: нѣтъ страны, гдѣ различія расъ, нравовъ, религій и духовнаго склада были бы такъ велики, какъ въ Россіи. Разница остается въ основѣ, однообразіе — на поверхности, и единство — только кажущееся...

Императоръ заключилъ разговоръ приглашеніемъ Кюстина на открытіе памятника въ Бородинѣ и въ Москву, гдѣ онъ хотѣлъ показать работы по сооруженію новаго дворца въ Кремлѣ. «Моя цѣль, — пояснилъ онъ, — привести архитектуру этихъ старыхъ построекъ въ большее соотвѣтствіе съ современными потребностями; слишкомъ маленькій дворецъ становился неудобнымъ для меня».

Черезъ нѣсколько дней императоръ на балу у герцогини Ольденбургской опять разговорился съ Кюстиномъ. На этотъ разъ бесѣда коснулась событія 14 декабря, и Николай I разсказалъ о своемъ выступленіи на Сенатской площади, доставившемъ ему торжество надъ инсургентами. Кюстинъ воспроизводитъ лишь содержаніе этого разсказа, оговариваясь, что волненіе не дозволило ему удержать въ памяти подлинныя слова императора. Разсказъ, повидимому, былъ короткій: помолившись въ дворцовой церкви, Николай почувствовалъ вдохновеніе, явился на площадь, крикнулъ мятежнымъ солдатамъ: на колѣни! — и всѣ повиновались; приготовившись къ смерти, онъ былъ твердъ и не усматривалъ въ своемъ поведеніи никакой особой заслуги.

Попутно Кюстинъ приводитъ слышанный имъ, вѣроятно, въ Петербургѣ извѣстный разсказъ о томъ, какъ заговорщики возмутили солдатъ, убѣдивъ ихъ вступиться за нарушенное будто бы право Константина, и какъ солдаты требовали конституціи, въ увѣренности, что конституція — имя жены послѣдняго. «Правда, — добавляетъ Кюстинъ, — Константинъ отрекся отъ престола только по слабости: онъ боялся, что его отравятъ. Знаетъ Богъ, и знаютъ, быть можетъ, нѣкоторые люди, избавило ли его отреченіе отъ опасности, которой онъ надѣялся избѣжать».

Отъ возстанія 14 декабря собесѣдники перешли къ темѣ

болѣе общаго характера. Кюстинъ признался, что однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ его поѣздки было желаніе наблюдать вблизи государя, умѣющаго такъ покорять себѣ людей.

— Русскіе добры, — отвѣтилъ Николай, — но нужно стать достойнымъ управлять такимъ народомъ.

— Вы, ваше величество, лучше, чѣмъ какой-либо изъ вашихъ предшественниковъ, поняли, что нужно Россіи.

— Абсолютизмъ существуетъ въ Россіи, онъ — сущность моего правленія, но онъ согласуется съ національнымъ духомъ.

— Государь, вы останавливаете Россію на пути подражанія и возвращаете ей самобытность.

— Я люблю родину и думаю, что понялъ ее; увѣряю васъ, когда меня очень утомляютъ всѣ современныя невзгоды, я стараюсь забыть Европу, удаляясь вглубь Россіи.

— Чтобы вновь окунуться въ вашъ источникъ?

— Именно! Я сердцемъ болѣе русскій, чѣмъ кто-либо. Я скажу вамъ то, чего я не сказалъ бы другому; но я знаю, что вы поймете меня.

Императоръ пристально поглядѣлъ на своего собесѣдника и продолжалъ.

— Я понимаю республику, это — образъ правленія прямой и искренній или могущій, по крайней мѣрѣ, быть такимъ; я понимаю абсолютную монархію, потому что я стою во главѣ подобнаго порядка вещей, но я не понимаю представительной монархіи. Это — правленіе лжи, обмана и коррупціи, и я скорѣе удалился бы въ самый Китай, чѣмъ когда-либо допустилъ бы его.

Кюстинъ поспѣшилъ выложить свои мысли о конституціонномъ режимѣ, въ которыя его русскій опытъ еще не внесъ поправокъ, и заключилъ тираду афоризмомъ: это — правленіе адвокатовъ.

— Правду вы говорите, — сказалъ императоръ, пожимая Кюстину руку, — я былъ конституціоннымъ государемъ (въ Польшѣ), и міру извѣстно, чего мнѣ стоило нежеланіе подчиняться требованіямъ этого подлаго (infame)*) образа правленія. Покупать голоса, совращать совѣсти, обольщать однихъ, чтобы обманывать другихъ, — всѣми этими средствами я пренебрегалъ, какъ унижающими равно тѣхъ, кто повинуется, и того, кто повелѣваетъ, и дорого заплатилъ за мою прямоту; но, слава Богу, я покончилъ навсегда съ этой ненавистной по-

*) «Я цитирую буквально», замѣчаетъ К. въ скобкахъ.

литической машиной. Я не буду болѣе конституціоннымъ королемъ. Говорить то, что я думаю, — у меня потребность слишкомъ большая для того, чтобы я согласился царствовать надъ какимъ-либо народомъ при помощи хитрости и интриги.

Въ этотъ же вечеръ императоръ вновь пригласилъ Кюстина въ Москву и посовѣтовалъ ускорить отъѣздъ изъ Петербурга, въ виду того, что тотъ хотѣлъ посѣтить еще Нижній: «разстоянія,—сказалъ императоръ,—это язва Россіи».

— Не жалуйтесь на это, государь,—возразилъ Кюстинъ,— это рамы, которыя надо наполнить; въ другихъ странахъ земли не хватаетъ людямъ, у васъ въ ней никогда не будетъ недостатка.

— Времени мнѣ не хватаетъ.

— Будущее принадлежитъ вамъ.

— Мало знаютъ меня тѣ, кто ставитъ мнѣ въ укоръ честолюбивыя стремленія: я далекъ отъ желанія расширять нашу территорію и хотѣлъ бы стянуть къ себѣ населеніе всей Россіи. Только надъ нищетой и варварствомъ желаю я одерживать побѣды (sic); улучшить участь русскихъ было бы важнѣе, чѣмъ увеличить мои владѣнія. Еслибы вы знали, какой хорошій народъ русскіе, и т. д.

Кюстинъ сразу поддался обаянію Николая I. Самъ человѣкъ правдивый, онъ увѣровалъ въ искренность императора и былъ въ восхищеніи отъ его прямоты и силы духа, сквозившей въ его рѣчахъ; онъ былъ «ослѣпленъ»,—такъ опредѣляетъ онъ самъ впечатлѣніе, произведенное на него его собесѣдникомъ.

Это впечатлѣніе легло въ основаніе того представленія о духовномъ обликѣ императора, которое сложилось у Кюстина на первыхъ порахъ. Искренность и правдивость онъ призналъ господствующими чертами характера Николая. Позиція, которую этотъ государь занялъ по отношенію къ Европѣ, служитъ, по мнѣнію Кюстина, аргументомъ въ пользу совмѣстимости христіанскаго правдолюбія съ здравой политикой. Николай—убѣжденный и прямолинейный борецъ (champion) за монархическую власть въ Европѣ. Онъ не варіируетъ, подобно Англіи, свою внѣшнюю политику сообразно съ временными и мѣстными интересами, но всегда и всюду, безъ различія, отстаиваетъ принципы, согласующіеся съ его системой; онъ— монархистъ абсолютный.

Во внутренней политикѣ не менѣе, чѣмъ во внѣшней, Николай является врагомъ всякой фальши. Поэтому онъ стремится порвать съ тѣмъ въ корнѣ ложнымъ направленіемъ, которому слѣдовали всѣ его предшественники, начиная съ

Петра «прозваннаго Великимъ»,—ликвидировать оставленное имп печальное наслѣдіе въ видѣ скороспѣлой и поверхностной цивилизаціи и приступить къ созданію цивилизаціи новой, согласованной съ національнымъ духомъ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ поспѣшныхъ заключеній интуитивнаго характера, къ какимъ Кюстинъ вообще былъ нѣсколько склоненъ,—наблюденія, сообщаемыя имъ въ связи съ этимъ заключеніемъ, во всякомъ случаѣ, нельзя признать имѣющими значеніе доказательствъ. Николай создалъ особый архитектурный типъ, солидный и массивный,—онъ не тѣшится воъведеніемъ наспѣхъ колоннадъ изъ штукатуреннаго кирпича, вездѣ замѣняетъ видимость реальностью, вездѣ при немъ камень вытѣсняетъ алебастръ. Не ясно ли, что это возвратъ къ національнымъ началамъ? «Въ этомъ мірѣ ближе всего къ божеству природа. Природа призываетъ русскихъ къ великому, а между тѣмъ, съ начала ихъ мнимой цивилизаціи, ихъ занимали мелочами; императоръ Николай лучше своихъ предшественниковъ постигъ ихъ призваніе, и въ его царствованіе все стало крупнѣе благодаря возврату къ истинѣ.» «Реформа», проводимая Николаемъ, распространяется даже на языкъ приближенныхъ къ нему людей: онъ требуетъ, чтобы при дворѣ говорили по-русски. Однако многія придворныя дамы, особенно изъ петербургскихъ уроженокъ, по-русски не знаютъ и учиться не желаютъ; такія дамы затвердили нѣсколько русскихъ фразъ и обмѣниваются ими, когда императоръ проходитъ черезъ комнату во дворцѣ, гдѣ онѣ сидятъ. Конечно, ликвидація антинаціональной цивилизаціи, насаждавшейся въ Россіи со времени Петра I,—дѣло нелегкое, но Николай I обладаетъ твердымъ и энергичнымъ характеромъ.

Кюстинъ недолго оставался подъ властью перваго впечатлѣнія, и его преклоненіе передъ личностью императора довольно скоро уступило мѣсто другому чувству, но для этого понадобилось, чтобы онъ ознакомился съ сущностью николаевскаго режима не со словъ его творца. Пока же, въ атмосферѣ придворныхъ торжествъ, онъ не былъ въ состояніи сдѣлать необходимые выводы даже изъ тѣхъ размышленій, которыя были навѣяны праздникомъ въ Петергофѣ 11 іюля.

Въ петергофскій дворецъ были допущены въ этотъ день, наряду съ дворомъ, купцы и крестьяне. Они провели тамъ весь вечеръ, смѣшиваясь съ толпою царедворцевъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, людей съ бородами и въ національныхъ «персидскихъ» кафтанахъ, императоръ удостоилъ нѣсколькихъ бла-

госклонныхъ словъ. Эта демонстрація близости царя къ народу нашла однако у Кюстина оцѣнку, на какую едва ли разсчитывалъ Николай I.

«Когда императоръ открываетъ свободный съ виду доступъ во дворецъ привилегированнымъ крестьянамъ и буржуа, которыхъ онъ дважды въ году удостаиваетъ чести явиться къ нему на поклонъ, онъ не говоритъ земледѣльцу, купцу: «ты такой же человѣкъ, какъ я», но говоритъ барину: «ты—рабъ, какъ они, а я, вашъ богъ, парю надъ всѣми вами». Таково, помимо всякихъ политическихъ фикцій, моральное значеніе празднества, и это портитъ мнѣ его зрѣлище. Кромѣ того, я замѣтилъ, что оно гораздо болѣе нравится властелину и крѣпостнымъ, чѣмъ царедворцамъ по профессіи».

«Исканіе подобія популярности въ равенствѣ другихъ—жестокая игра, потѣха деспота, которая могла ослѣплять людей иного вѣка, но не обманетъ народы, доросшіе до опытности и размышленія. Не императоръ Николай прибѣгнулъ къ такому обману; но такъ какъ не онъ изобрѣлъ это политическое ребячество, то отмѣна послѣдняго была бы дѣломъ достойнымъ его. Правда, ничто не отмѣняется въ Россіи безъ опасности; народы, лишенные гарантій, находятъ опору лишь въ привычкахъ. Упорная привязанность народа къ обычаю, охраняемому при помощи мятежа и яда, есть одна изъ основъ государственнаго строя, и періодическая гибель государей доказываетъ русскимъ, что эта *конституція* (курсивъ К.) заставляетъ уважать себя. Равновѣсіе подобной машины—для меня глубокая и тяжелая тайна».

«... Изъ кого же состоитъ толпа, окрещенная народомъ, почтительную развязность которой въ присутствіи ея государей Европа считаетъ себя обязанной наивно выхвалять? Не заблуждайтесь, это—рабы рабовъ. Вельможи посылаютъ къ императрицѣ на праздникъ выбранныхъ крестьянъ, про которыхъ говорятъ, что они прибыли случайно; эти отборные крѣпостные рабы удостаиваются чести представлять во дворцѣ несуществующій внѣ его народъ; они составляютъ толпу вмѣстѣ съ челядью двора, къ которому въ этотъ день допускаются также именитые купцы, наиболѣе извѣстные своею преданностью, ибо необходимо нѣсколько бородачей, чтобы удовлетворить истинныхъ, старыхъ русскихъ. Вотъ, на самомъ дѣлѣ, каковъ народъ, превосходный духъ котораго ставятъ въ примѣръ другимъ народамъ русскіе государи со времени императрицы Елизаветы!..»

«Независимость, подобная независимости петергофскихъ *музыковъ* (курсивъ К.), никого не тревожитъ. Вотъ свобода, равенство, какія нужны здѣсь! Ихъ можно выхвалять безъ риска; но присовѣтуйте Россіи постепенную отмѣну крѣпостного права,—вы увидите, что съ вами сдѣлаютъ, что о васъ скажутъ въ этой странѣ».

«Вчера я слышалъ, какъ всѣ царедворцы, проходя близъ меня, хвалили вѣжливость своихъ крѣпостныхъ. «Подите, устройте такое празднество во Франціи», говорили они. Мнѣ очень хотѣлось отвѣтить: «подождите сравнивать наши два народа, пока у васъ не будетъ своего».

Представители народа въ царскомъ дворцѣ—только одна изъ безчисленныхъ фальсификацій, загромождающихъ русскую жизнь, и негодованіе Кюстина при видѣ ея находитъ себѣ выраженіе въ саркастическомъ обобщеніи—«boutade», какъ онъ самъ опредѣляетъ его. «Россія—царство каталоговъ: посмотришь на коллекцію этикетокъ,—все великолѣпно; но не думайте искать чего-либо кромѣ заголовковъ!.. Здѣсь я нашелъ жизнь только у императора и естественность только при дворѣ».

«Купцы,—продолжаетъ онъ въ болѣе спокойномъ тонѣ,—изъ которыхъ могъ бы сформироваться средній классъ, такъ малочисленны, что не въ силахъ имѣть значеніе въ государствѣ; къ тому же почти всѣ они иностранцы. Писателей насчитывается одинъ или два въ каждомъ поколѣніи, художниковъ—также; малочисленность доставляетъ имъ почетъ, но если ихъ рѣдкость выгодна для ихъ личнаго благосостоянія, она вредитъ ихъ вліянію въ обществѣ. Адвокатовъ нѣтъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ правосудія; гдѣ же найти тотъ средній классъ, который создаетъ силу государствъ и безъ котораго народъ—не что иное, какъ стадо, ведомое нѣсколькими умѣло дрессированными пщейками?»

«Я не упомянулъ разрядъ людей, которыхъ не должно причислять ни къ высшимъ, ни къ низшимъ классамъ, это—сыновья священниковъ. Почти всѣ они становятся второстепенными чиновниками, и этотъ служилый людъ есть язва Россіи: онъ образуетъ нѣчто въ родѣ корпораціи мелкаго дворянства, относящейся очень враждебно къ крупнымъ барамъ, дворянства, духъ котораго враждебенъ аристократіи въ политическомъ значеніи этого слова и которое въ то же время очень обременительно для крѣпостныхъ крестьянъ; эти люди, неудобные для государства, плоды схизмы, дозволяющей свя-

щенику имѣть жену, начнутъ будущую русскую революцію».

«Корпорація этого второстепеннаго дворянства рекрутируется также изъ администраторовъ, художниковъ, служащихъ всякаго рода, прибывшихъ изъ-за границы, и ихъ дѣтей, ставшихъ дворянами. Усматриваете ли вы во всемъ этомъ дѣйствительно русскій народный элементъ, достойный и способный оправдать, оцѣнить сближеніе государя съ народомъ?»

«Повторяю еще разъ, все обманчиво въ Россіи, и милостивая фамильярность Николая Павловича, принимающаго во дворцѣ своихъ крѣпостныхъ и крѣпостныхъ своихъ царедворцевъ,—только лишняя насмѣшка.

«Смертная казнь не примѣняется въ этой странѣ, за исключеніемъ случаевъ государственной измѣны; однако бываютъ преступники, которыхъ желательно убить. Вотъ какъ поступаютъ, чтобы согласовать мягкость законодательства съ традиціонною жестокостью нравовъ: когда преступнику назначается болѣе ста ударовъ кнута, палачъ, зная смыслъ этого приговора, изъ человѣколюбія убиваетъ паціента на третьемъ ударѣ, поражая его въ такое мѣсто, ударъ по которому смертеленъ. Но смертная казнь отмѣнена!.. Лгать закону не хуже ли, чѣмъ провозглашать самую дерзкую тираннію?»

Фальшь, всюду царящая въ Россіи,—тема, къ которой Кюстинъ возвращается нѣсколько разъ по различнымъ поводамъ въ письмѣ, посвященномъ петергофскому празднику, Обманный характеръ русской цивилизаціи,—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—такъ ясенъ, что бросается въ глаза даже мало-мальски наблюдательнымъ иностранцамъ, а между тѣмъ Россія—страна, гдѣ всѣ сговорились морочить путешественниковъ.

«Знаете ли вы, что такое путешествіе по Россіи? Для человѣка легкомысленнаго это—питаніе себя иллюзіями, но для того, чьи глаза открыты и кто соединяетъ съ нѣкоторой способностью къ наблюденію независимость настроенія, это—постоянный, упорный трудъ, сводящійся къ утомительному различенію на каждомъ шагу двухъ націй, борющихся въ массѣ населенія. Эти націи—подлинная Россія и Россія, какую желательно показать Европѣ».

«Императоръ менѣе, чѣмъ кто-либо, застрахованъ отъ иллюзій. Вспомните поѣздку Екатерины въ Херсонъ: она ѣхала по пустынямъ, но для нея строили деревни въ разстояніи полу-льё отъ дороги, по которой она слѣдовала; и такъ какъ

она не заглядывала за кулисы этого театра, гдѣ тиранъ игралъ роль простака, она сочла свои южныя провинціи населенными, тогда какъ онѣ были поражены безплодіемъ, причиненнымъ болѣе гнетомъ ея правительства, нежели суровостью природы. Изворотливость людей, которымъ ввѣрены императоромъ детали русской администраціи, подвергаетъ и въ настоящее время государя разочарованіямъ того же рода. Поэтому то мнѣ часто вспоминается этотъ фактъ».

«На дипломатическій корпусъ и вообще на людей Запада это правительство византійскаго склада и вся Россія всегда смотрѣли, какъ на зложелательныхъ и завистливыхъ шпіоновъ. Русскіе сходятся съ китайцами въ томъ, что тѣ и другіе постоянно думаютъ, будто иноземцы имъ завидуютъ; они судятъ о насъ по себѣ».

«Хваленое московское гостепріимство поэтому превратилось въ искусство, сводящееся къ очень тонкой политикѣ: оно состоитъ въ томъ, что довольство гостей достигается цѣною наименьшей искренности. Изъ путешественниковъ самыми лучшими почитаются тѣ, которые наиболѣе добродушно и долго позволяютъ морочить себя. Здѣсь вѣжливость есть не что иное, какъ искусство скрыванія другъ отъ друга страха, испытываемаго и внушаемаго. Я вижу въ основѣ всего лицемѣрное насиліе, худшее, чѣмъ тираннія Батыя, отъ которой современная Россія менѣе далека, чѣмъ насъ хотѣли бы заставить думать. Я слышу повсюду рѣчи на языкѣ философіи и вижу повсюду гнетъ, какъ повседневную дѣйствительность. Мнѣ говорятъ: «Мы хотѣли бы отказаться отъ произвола, мы были бы богаче и сильнѣе, но мы имѣемъ дѣло съ народами Азіи». Въ то же время думаютъ: «Мы хотѣли бы обойтись безъ рѣчей о либерализмѣ, филантропіи, мы были бы счастливѣе и сильнѣе, но мы должны сноситься съ европейскими правительствами».

«Надобно сказать, русскіе всѣхъ классовъ съ поразительнымъ единодушіемъ составили заговоръ съ цѣлью доставить у себя торжество двуличности. Они обладаютъ ловкостью въ лганьѣ, естественностью въ фальшивости, успѣхъ которой столько же возмущаетъ мою прямоту, сколько пугаетъ меня. Все, чѣмъ я любуюсь въ другихъ странахъ, я ненавижу здѣсь, находя, что оно оплачено слишкомъ дорого: порядокъ, терпѣніе, спокойствіе, элегантность, вѣжливость, уваженіе, естественныя и моральныя отношенія, какія должны устанавливаться между тѣмъ, кто замышляетъ, и исполнителемъ, словомъ, все,

что обусловливаетъ цѣнность, обаяніе хорошо организованнаго общества, все, что даетъ смыслъ и цѣль политическимъ учрежденіямъ, сливается здѣсь въ одномъ чувствѣ—страхѣ. Въ Россіи страхъ замѣняетъ, т. е. парализуетъ мысль; это чувство, когда оно господствуетъ безраздѣльно, можетъ произвести лишь видимость цивилизаціи; не во гнѣвъ будь сказано близорукимъ законодателямъ, страхъ никогда не будетъ душою хорошо организованнаго общества: это—не порядокъ, это—завѣса хаоса, не болѣе; гдѣ нѣтъ свободы, нѣтъ души и правды. Россія—тѣло безъ жизни, колоссъ, держащійся благодаря головѣ, но всѣ члены котораго, одинаково лишенные силы, находятся въ онѣмѣніи... Отсюда глубокое безпокойство, невыразимое чувство недомоганія, и это недомоганіе не вызывается, какъ у новыхъ французскихъ революціонеровъ, смутностью идей, злоупотребленіями, скукою матеріально обезпеченной жизни, ревностью, которую порождаетъ конкурренція, оно—выраженіе положительнаго страданія, признакъ органической болѣзни».

Цитированныя нами мѣста изъ петергофскаго письма Кюстина принадлежатъ къ числу наиболѣе блестящихъ страницъ въ его книгѣ: въ нихъ онъ, какъ видимъ, возвышается до поразительно мѣткой и проникновенной оцѣнки состоянія русскаго общества въ пору расцвѣта Николаевскаго режима. Съ этой точки зрѣнія, приглашеніе Кюстина на праздникъ въ Петергофѣ составляетъ несомнѣнную, хотя и невольную, заслугу Николая I передъ русской исторіографіей.

Изъ петергофскихъ наблюденій самъ собою вытекалъ практическій выводъ, который Кюстинъ рѣшилъ не упускать изъ вида, изучая Россію: туземцевъ, предлагающихъ путешественнику свои услуги для ознакомленія съ страною, слѣдуетъ всячески остерегаться, подчинившійся ихъ руководству рискуетъ вынести изъ поѣздки по имперіи только собраніе свѣдѣній о фасадахъ. Они выработали особую тактику по отношенію къ иноземцамъ, которыхъ они ослѣпляютъ казовой стороной русской жизни, не давая имъ опомниться въ круговоротѣ непрерывныхъ болѣе или менѣе блестящихъ увеселеній: для этого у нихъ существуетъ особый, изобрѣтенный ими, французскій терминъ—*enguirlander*.

Все обманчиво въ Россіи. Фикція—московское гостепріимство, но фикція также и хваленая честность мужичковъ, допущенныхъ на торжество въ царскомъ дворцѣ. У сардинскаго посланника чрезвычайно ловко вытащили часы изъ жилетнаго

кармана, многіе въ давкѣ лишились носовыхъ платковъ и другихъ вещей. У самого Кюстина украли кошелекъ съ нѣсколькими дукатами, и онъ утѣшился въ потерѣ, смѣясь изподтишка надъ восхваленіями честности народа, которыя расточались его господами.

Петергофскій праздникъ ознаменовался печальнымъ инцидентомъ: внезапно налетѣвшій шквалъ потопилъ въ морѣ нѣсколько лодокъ, переполненныхъ публикою, направлявшеюся въ Петергофъ. Никто однако не посмѣлъ гласно обсуждать это происшествіе, и въ городѣ только втихомолку передавали другъ другу разнорѣчивые слухи о немъ и о количествѣ жертвъ.

«Представьте себѣ, сколько разсказовъ, пересудовъ, отзывовъ всякаго рода, догадокъ, восклицаній вызвали бы подобныя происшествія во всякой другой странѣ и особенно у насъ. Сколько газетъ сказало бы и сколько голосовъ повторило бы, что полиція никогда не исполняетъ своего долга, что суда плохи, лодочники алчны и что власти не только не предотвращаютъ опасности, но еще усиливаютъ ее или по небрежности, или вслѣдствіе своей подкупности; къ этому добавили бы, что свадьба великой княжны совершилась при печальныхъ предзнаменованіяхъ *), какъ свадьбы многихъ иныхъ принцевъ, и даты, намеки, примѣры появились бы въ изобиліи!.. Здѣсь—ничего!!! Молчаніе болѣе ужасное, чѣмъ самое несчастіе!.. Въ газетѣ—двѣ строчки безъ подробностей; а при дворѣ, въ городѣ, въ свѣтскихъ гостиныхъ—ни слова; если не говорятъ здѣсь, не говорятъ и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ: въ Петербургѣ нѣтъ кафе, гдѣ комментировались бы журналы, которые не существуютъ; низшіе чиновники еще болѣе боязливы, чѣмъ знатные господа, и о чемъ не смѣетъ говорить начальство, о томъ еще менѣе говорится у подчиненныхъ; остаются купцы и лавочники,—эти лукавы, какъ все, что хочетъ жить и процвѣтать въ этой странѣ. Если они говорятъ о важныхъ и, слѣдовательно, опасныхъ вещахъ, то только на ухо и съ глазу на глазъ».

«Россія дала себѣ слово не говорить ничего такого, что могло бы вызвать нервное возбужденіе у императрицы, и вотъ ее (императрицу) заставляютъ жить и умереть танцуя! «Она разстроится, молчите!» А тутъ дѣти, друзья, родные,—все

---

*) Въ день свадьбы въ Петербургѣ была сильная гроза съ вихремъ.

любимое тонетъ, и плакать не смѣютъ. Здѣсь люди слишкомъ несчастны для того, чтобы жаловаться».

«Русскіе—всегда царедворцы: солдаты казармы или церкви, шпіоны, тюремщики, палачи, всѣ въ этой странѣ не только исполняютъ свои обязанности,—они исполняютъ свое дѣло, какъ царедворцы. Кто скажетъ мнѣ, до чего можетъ дойти общество, въ основѣ котораго нѣтъ человѣческаго достоинства?»

«Повторяю вамъ постоянно,—здѣсь слѣдовало бы все разрушить для того, чтобы создать народъ».

«Изъ всѣхъ умственныхъ способностей здѣсь цѣнится только тактъ. Вообразите себѣ цѣлую націю подъ игомъ этой салонной добродѣтели. Представьте себѣ цѣлый народъ, ставшій осмотрительнымъ, какъ дипломатъ, дѣлающій карьеру,—и вы поймете, каково въ Россіи удовольствіе, доставляемое бесѣдою. Если придворная атмосфера тяготитъ насъ даже при дворѣ, то какъ должна она портить намъ жизнь, когда она преслѣдуетъ насъ въ интимнѣйшей обстановкѣ».

«Россія—нація, состоящая изъ нѣмыхъ; какой то магъ превратилъ шестьдесятъ милліоновъ людей въ автоматовъ, ожидающихъ волшебнаго жезла другого чародѣя, чтобы возродиться и жить. Эта страна производитъ на меня впечатлѣніе чертога спящей царевны: всюду блескъ, позолота, великолѣпіе, есть все... кромѣ жизни, т. е. свободы».

V.

Вернувшись изъ Петергофа въ Петербургъ, Кюстинъ былъ пораженъ метаморфозою, произведенной удаленіемъ двора изъ столицы: общественная жизнь, казалось, замерла, и городъ производилъ еще болѣе унылое впечатлѣніе, чѣмъ прежде, когда присутствіе властелина гальванизировало странныя и тусклыя существа, созданныя его режимомъ.

«Во власти одного императора населить это скучное мѣсто, онъ одинъ создаетъ толпу на этомъ бивакѣ, покидаемомъ тотчасъ по удаленіи владыки. Онъ влагаетъ страсть и мысль въ машины, онъ, словомъ,—волшебникъ, чье присутствіе будитъ Россію и чье отсутствіе усыпляетъ ее: разъ дворъ покинулъ Потербургъ, эта великолѣпная резиденція принимаетъ

видъ зрительной залы послѣ представленія. Императоръ—свѣтъ лампы. Вернувшись изъ Петергофа, я не узнаю Петербурга; это не тотъ городъ, который я оставилъ четыре дня тому назадъ; еслибы императоръ возвратился въ эту ночь, завтра отнеслись бы съ живымъ интересомъ къ тому, что наводитъ скуку сегодня. Нужно быть русскимъ, чтобы понять могущество взора владыки; это совсѣмъ не то, что взоръ любовника, о которомъ идетъ рѣчь у Лафонтена».

«По вашему мнѣнію, молодая дѣвушка въ присутствіи императора думаетъ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Разувѣрьтесь,—она думаетъ о томъ, какъ бы выпросить чинъ своему брату; старуха, почуявъ близость двора, забываетъ о своихъ немощахъ; нѣтъ у нея семьи, которую надо пристроить,—не бѣда, она станетъ низкопоклонничать ради удовольствія, какое ей доставляетъ это занятіе, раболѣпствовать безкорыстно: такъ любятъ игру ради игры. Лесть присуща всякому возрасту. Такъ, стряхнувъ съ себя бремя лѣтъ, эта морщинистая маріонетка теряетъ достоинство старости; мы относимся безпощадно къ суетливой дряхлости, потому что она смѣшна. На склонѣ лѣтъ особенно нужно умѣть пользоваться уроками времени, которое непрестанно учитъ насъ великому искусству отреченія. Счастливы люди, рано сумѣвшіе воспользоваться этими указаніями!.. Отреченіе свидѣтельствуетъ о силѣ души: покидать, не дожидаясь потери,—вотъ кокетство старости».

«Оно не въ обычаѣ у царедворцевъ; поэтому въ Петербургѣ имъ занимаются меньше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ. Неугомонныя старухи,—по-моему, бичъ двора. Солнце милости ослѣпляетъ честолюбцевъ, а въ особенности честолюбивыхъ женщинъ; оно мѣшаетъ имъ сообразить, что въ ихъ интересахъ было бы, по настоящему, хранить гордость, скрывая сердечныя невзгоды. Русскіе же царедворцы, напротивъ, подобно набожнымъ людямъ, всецѣло предающимся Богу, гордятся нищетою души; они пускаются на все, занимаются открыто своимъ ремесломъ. Здѣсь льстецъ открываетъ карты, и я дивлюсь, какъ онъ можетъ еще выигрывать въ этой столь знакомой всѣмъ игрѣ. Въ присутствіи императора одержимый водянкой дышитъ, разслабленный старикъ становится проворнымъ, нѣтъ больныхъ, нѣтъ подагриковъ; нѣтъ ни пылкихъ влюбленныхъ, ни веселящихся молодыхъ людей, ни мыслящаго умнаго человѣка,—нѣтъ болѣе человѣка!!! Это—униженіе человѣческаго рода. Взамѣнъ души у этихъ человѣческихъ наружностей остается только дыханіе корыстолюбія и тщеславія, оживляю-

щее ихъ до конца; этими страстями живутъ всѣ дворы, но здѣсь онѣ побуждаютъ свои жертвы къ военному соревнованію; это—дисциплинированное соперничество, кипящее во всѣхъ этажахъ общества. Повыситься въ чинѣ въ ожданіи лучшаго,—такова мысль этой толпы, въ которой на каждомъ ярлычокъ».

«Но зато какой бываетъ упадокъ силъ, когда надъ горизонтомъ нѣтъ больше свѣтила, которое приводило въ движеніе всѣ эти льстивые атомы! Какъ будто вечерняя роса падаетъ на пыль, или монахини изъ «Роберта Дьявола» снова ложатся въ свои гробницы, ожидая сигнала къ новому шабашу».

«Благодаря тому, что помыслы всѣхъ и каждаго постоянно направлены на повышеніе, невозможенъ никакой разговоръ; глаза свѣтскихъ русскихъ—подсолнечники дворца; съ вами говорятъ, не интересуясь тѣмъ, что говорятъ, а взглядъ все время ослѣпленъ солнцемъ фавора».

«Не думайте, что отсутствіе императора дѣлаетъ бесѣду болѣе свободной: онъ всегда на умѣ, и тогда мысль, вмѣсто глазъ, дѣлается подсолнечникомъ. Однимъ словомъ, императоръ—Господь Богъ; онъ—жизнь, онъ—любовь для этого несчастнаго народа. Въ Россіи особенно слѣдовало бы безъ устали повторять молитву мудреца: «сохрани меня, Боже, отъ чаръ глупостей».

«Можете ли вы себѣ представить человѣческую жизнь, сводящуюся къ надеждѣ поклониться господину, чтобы поблагодарить его взглядомъ? Богъ вложилъ слишкомъ много страстей въ сердце человѣка въ сравненіи съ тѣмъ употребленіемъ, какое здѣсь онъ дѣлаетъ изъ нихъ».

«Ставя себя на мѣсто единственнаго человѣка, за которымъ здѣсь признается право жить свободно, я дрожу за него. Ужасно разыгрывать роль Провидѣнія для шестидесяти милліоновъ душъ! Для этого божества, рожденнаго политическимъ суевѣріемъ, есть только два исхода: или показать, что оно—человѣкъ, и позволить себя раздавить, или побудить своихъ послѣдователей къ завоеванію міра для подтвержденія того, что оно Богъ; вотъ почему въ Россіи вся жизнь—только школа честолюбія.»

«Но какой дорогой пришли русскіе къ этому самоотреченію? Какое человѣческое средство могло привести къ такому политическому результату? Средство,—вотъ оно: *чинъ;* чинъ, это—гальванизмъ, видимая жизнь духа и тѣла, это страсть, которая переживаетъ всѣ страсти!.. Я вамъ показалъ дѣйствіе чина; теперь слѣдуетъ вамъ сказать, что такое чинъ».

«Чинъ, это—нація, поставленная на военную ногу, это—военный режимъ, примѣненный къ цѣлому обществу, даже къ классамъ, которые не ходятъ на войну*). Словомъ, это—раздѣленіе гражданскаго населенія на классы, которые соотвѣтствуютъ военнымъ рангамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ учреждена эта іерархія, человѣкъ, который никогда не видалъ ученія солдатъ, можетъ получить чинъ полковника».

Творцомъ этой іерархіи былъ Петръ I, задумавшій при помощи ея сломить остатки феодализма въ Россіи и такимъ образомъ расчистить путь для окончательнаго торжества деспотизма. Кюстинъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить политику этого государя, воспользовавшагося своею чудовищной властью только для того, чтобы навязать своему народу скороспѣлую цивилизацію, сводившуюся къ неосмысленному копированію европейскихъ образцовъ. Не менѣе возмутительна, по его мнѣнію, узурпація, совершенная Петромъ, которой присвоилъ себѣ права главы русской церкви, въ области религіозной жизни. Въ одномъ изъ петербургскихъ писемъ Кюстинъ, касаясь, по своему обыкновенію попутно, дѣлъ Петра, такъ формулируетъ свое сужденіе о немъ.

«...Этотъ человѣкъ не удовольствовался тѣмъ, что былъ разумомъ своего народа, онъ захотѣлъ быть его совѣстью; онъ осмѣлился устраивать судьбу русскихъ въ вѣчности такъ же, какъ онъ распоряжался ихъ поступками на этомъ свѣтѣ. Эта власть, преслѣдующая человѣка за могилой, мнѣ представляется чудовищной; государь, который не отступилъ передъ такой отвѣтственностью и который, несмотря на долгія колебанія, мнимыя или дѣйствительныя, въ концѣ концовъ оказался виновнымъ въ такой колоссальной узурпаціи, однимъ этимъ посягательствомъ на прерогативы священника и на религіозную свободу человѣка сдѣлалъ больше вреда міру, чѣмъ добра Россіи всѣми своими военными и административными способностями и своимъ промышленнымъ геніемъ. Этотъ императоръ, типъ и модель императорскаго сана и нынѣшнихъ императоровъ, представляетъ странное сочетаніе величія и мелочности. Властная душа, подобно самымъ жестокимъ тиранамъ всѣхъ вѣковъ и странъ, работникъ, достаточно талантливый для того, чтобы соперничать съ лучшими механиками своего времени, государь придирчиво-грозный, орелъ

---

*) Здѣсь, очевидно, Кюстинъ смѣшиваетъ «чинъ» съ табелью о рангахъ.

и муравей, левъ и бобръ,—этотъ властелинъ, безжалостный при жизни, навязываетъ себя еще въ качествѣ какого то святого потомству, приговоръ котораго онъ хочетъ насиловать, проведя жизнь въ насиліяхъ надъ дѣйствіями своихъ подданныхъ; судить этого человѣка, безпристрастно оцѣнивать его,—это до сихъ поръ еще считается святотатствомъ, небезопаснымъ даже для иностранца, принужденнаго жить въ Россіи».

Отъ картины Петербурга, покинутаго дворомъ, и связанныхъ съ ней размышленій Кюстинъ довольно неожиданно переходитъ къ тѣмъ затрудненіямъ, которыя любознательный иностранецъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу въ Россіи, гдѣ туземцы, подъ видомъ любезности, окружаютъ его самымъ стѣснительнымъ надзоромъ.

«Здѣсь ничего нельзя видѣть безъ церемоній и приготовленій. Пойти куда-нибудь, когда придетъ желаніе пойти,—вещь невозможная; если нужно за четыре дня предвидѣть, куда васъ повлечетъ фантазія,—ни къ чему тогда вообще фантазія; съ этимъ въ концѣ концовъ свыкаешься, живя здѣсь. Русское гостепріимство, связанное съ массою колючихъ формальностей, затрудняетъ жизнь даже самымъ избраннымъ иностранцамъ; это—приличный предлогъ для стѣсненія движеній путешественника и ограниченія свободы наблюденія. Вамъ оказываютъ якобы любезный пріемъ, и, благодаря этой скучной вѣжливости, наблюдатель можетъ посѣщать разныя мѣста, изучать предметы только съ проводникомъ; если онъ не бываетъ никогда одинъ, ему труднѣе судить самостоятельно, а этого то и хотятъ. Чтобы проникнуть въ Россію, на границѣ нужно отдать вмѣстѣ съ паспортомъ свободу воли. Хотите вы видѣть достопримѣчательности дворца,—вамъ дадутъ камергера, который покажетъ вамъ все снизу до верху и своимъ присутствіемъ принудитъ васъ разсматривать подробно каждую вещь, т. е. смотрѣть съ его точки зрѣнія и восхищаться всѣмъ безъ разбора. Захотите вы обозрѣть лагерь, въ которомъ представляютъ для васъ интересъ только расположеніе бараковъ, живописный видъ мундировъ, красота лошадей, обликъ солдата въ палаткѣ,—офицеръ, а иногда и генералъ, будетъ вамъ сопутствовать; въ больницѣ васъ будетъ провожать главный докторъ; крѣпость вамъ покажетъ, или, вѣрнѣе, вѣжливо скроетъ комендантъ; въ школѣ, въ какомъ-нибудь общественномъ учрежденіи директоръ или инспекторъ будетъ предупрежденъ о вашемъ визитѣ, вы найдете его во всеоружіи, вполнѣ готовымъ къ вашему экзамену; въ какомъ-либо зданіи архитекторъ проведетъ васъ по

всѣмъ его частямъ и самъ объяснитъ вамъ все, о чемъ вы не будете спрашивать, чтобы избѣжать сообщенія тѣхъ свѣдѣній, какія вамъ интересно получить».

«Результатъ этого восточнаго церемоніала тотъ, что вы, не желая все время заниматься испрашиваніемъ разрѣшеній, отказываетесь видѣть многое: первая выгода!... Или, если ваше любопытство настолько велико, что вы станете упорно надоѣдать людямъ, то за вами по крайней мѣрѣ будутъ такъ присматривать во время вашихъ разслѣдованій, что они ни къ чему не приведутъ; у васъ будутъ только официальныя сношенія съ начальниками якобы общественныхъ учрежденій, и вамъ представятъ только свободу выражать передъ законнымъ начальствомъ ваше восхищеніе, продиктованное вѣжливостью, осторожностью и признательностью, котораго русскіе сильно домогаются. Вамъ ни въ чемъ не отказываютъ, но васъ всюду сопровождаютъ: вѣжливость становится здѣсь средствомъ надзора».

«Вотъ какъ васъ терзаютъ подъ предлогомъ любезности. Такова участь привилегированныхъ путешественниковъ. Что касается путешественниковъ, у которыхъ нѣтъ протекціи, они ровно ничего не видятъ. Эта страна организована такимъ образомъ, что безъ непосредственнаго вмѣшательства представителей власти никакой иноземецъ не можетъ объѣхать ее не только съ удовольствіемъ, но даже не подвергаясь опасности. Вы узнаете, надѣюсь, восточные нравы и политику, прячущіеся подъ европейской вѣжливостью... Это соединеніе Востока и Запада, послѣдствія котораго встрѣчаются на каждомъ шагу, характеризуетъ русскую имперію».

«Полуцивилизація прибѣгаетъ къ формальностямъ, утонченная цивилизація ихъ изгоняетъ; такъ настоящая вѣжливость исключаетъ жеманство».

«Русскіе до сихъ поръ вѣрятъ въ силу лжи, и меня удивляетъ эта иллюзія у людей, которые такъ часто прибѣгали къ ней. Не то, чтобы ихъ умъ былъ лишенъ остроты и понятливости; но въ странѣ, гдѣ *правители* (курсивъ К.) еще не поняли преимуществъ свободы, даже для самихъ себя, управляемые должны отступать передъ непосредственными неудобствами искренности. Приходится повторять каждую минуту: здѣсь всѣ, народъ и вельможи, напоминаютъ намъ византійскихъ грековъ».

«Быть можетъ, я недостаточно признателенъ за заботы, которыми этотъ народъ старается окружить пользующагося извѣстностью иностранца; я вижу основу мыслей и невольно

Ревизія губерній.

Съ литографіи 50-хъ годовъ.

говорю себѣ: эта услужливость не столько показываетъ расположеніе, сколько выдаетъ безпокойство».

«Хотятъ, въ силу разсудительнаго наставленія Мономаха, чтобы иностранецъ уѣзжалъ, довольный страной».

«Не страна заботится о томъ, что говорятъ и думаютъ про нее, но нѣсколько преобладающихъ фамилій одержимы ребяческимъ желаніемъ передѣлать въ Европѣ репутацію Россіи».

«Всматриваясь глубже, я вижу подъ завѣсой, которой любятъ прикрывать вещи, склонность къ таинственности ради самой таинственности; это—дѣйствіе привычки и духовной организаціи. Въ Россіи замкнутость такъ же обычна, какъ безразсудство въ Парижѣ».

«Въ Россіи тайна господствуетъ всюду: тайна административная, политическая, соціальная, скрытность нужная и ненужная, молчаніе излишнее для обезпеченія необходимаго—таковы неизбѣжныя слѣдствія природнаго характера этихъ людей, укрѣпленнаго вліяніемъ ихъ правительства. Всякій путешественникъ—личность нескромная; необходимо возможно вѣжливѣе слѣдить за иностранцемъ, всегда слишкомъ любопытнымъ, изъ опасенія, чтобъ онъ не увидалъ вещи такими, каковы онѣ на дѣлѣ,—что было бы величайшей непристойностью. Словомъ, русскіе—переодѣтые китайцы; они не хотятъ выказать отвращенія къ наблюдателямъ, пріѣхавшимъ издалека; но еслибы они, какъ настоящіе китайцы, смѣли пренебречь упрекомъ въ варварствѣ, они воспретили бы намъ въѣздъ въ Петербургъ, такъ же, какъ насъ гонятъ изъ Пекина, и допускали бы къ себѣ только ремесленниковъ, стараясь не позволять рабочему, который былъ бы принятъ, возвращаться на родину. Вы видите, почему слишкомъ провозненное русское гостепріимство мнѣ больше надоѣдаетъ, чѣмъ льститъ и трогаетъ меня; меня связываютъ подъ предлогомъ покровительства мнѣ; но изъ всѣхъ видовъ стѣсненія самый невыносимый для меня тотъ, на который я не имѣю права жаловаться. Благодарность, которую я чувствую здѣсь за услужливость, выказываемую по отношенію ко мнѣ, такова же, какова признательность солдата, завербованнаго насильно; прежде всего независимый, т. е. путешественникъ, я чувствую надъ собой иго: постоянно стараются дисциплинировать мои мысли. Здѣсь умѣютъ только производить ученья; умы маневрируютъ, какъ солдаты; каждый вечеръ, возвращаясь домой, я ощупываю себя, чтобы знать, какой на мнѣ мундиръ, задаю своимъ мыслямъ вопросы объ ихъ чинахъ, ибо въ этой

странѣ идеи дѣлятся на классы по людямъ: въ такомъ то чинѣ человѣкъ имѣетъ или высказываетъ такіе то взгляды, и чѣмъ выше чинъ, тѣмъ меньше человѣкъ думаетъ, т. е. тѣмъ меньше онъ смѣетъ говорить».

Въ послѣдніе дни пребыванія въ Петербургѣ до Кюстина дошли вѣсти о возмущеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ одной изъ поволжскихъ губерній, сопровождавшемся цѣлымъ рядомъ невѣроятныхъ жестокостей, жертвами которыхъ стали помѣщики и ихъ управляющіе въ охваченной движеніемъ области. Французъ, проживавшій въ качествѣ гувернера въ одномъ аристократическомъ домѣ, сообщилъ ему, что виновникомъ этихъ событій, хотя и неумышленнымъ, былъ самъ императоръ. Казна пріобрѣла крупное имѣніе въ мѣстности, гдѣ впослѣдствіи возникли безпорядки, и это дало толчокъ движенію среди населенія сосѣднихъ помѣщичьихъ земель, пожелавшаго также перейти на положеніе государственныхъ крестьянъ. Въ Петербургъ прибыла депутація отъ помѣщичьихъ крестьянъ, чтобы хлопотать о пріобрѣтеніи ихъ казною. Ей удалось добиться аудіенціи у Николая I, который будто бы имѣлъ неосторожность заявить въ разговорѣ съ нею: «Я не могу купить всю Россію, но придетъ, надѣюсь, время, когда всякій крестьянинъ въ имперіи станетъ свободнымъ; еслибы дѣло было только за мною, русскіе уже теперь пользовались бы независимостью, которой я имъ желаю и которую я изо всѣхъ силъ стараюсь обезпечить имъ въ будущемъ». Слова императора, сообщенныя делегатами населенію, послужили сигналомъ къ массовому избіенію помѣщиковъ во всей округѣ, гдѣ эти слова были поняты въ томъ смыслѣ, что самъ царь объявилъ господъ противниками своей волѣ. Крестьянскіе эксцессы вызвали, конечно, жестокія репрессіи со стороны правительства, и послѣ экзекуцій на мѣстахъ цѣлыя деревни были сосланы въ Сибирь.

Кюстинъ далъ мѣсто въ своей книгѣ разсказу беллетристическаго характера объ одномъ эпизодѣ этого крестьянскаго движенія. Разсказъ былъ написанъ какимъ то русскимъ княземъ, пожелавшимъ остаться incognito, такъ какъ тема, затронутая имъ, считалась запретной въ Россіи. Въ основу разсказа, по увѣренію Кюстина, легли факты, дѣйствительно имѣвшіе мѣсто въ области, охваченной мятежомъ, но они послужили автору только канвой, на которой онъ вывелъ въ изобиліи беллетристическіе узоры, сообщившіе его произведенію характеръ бытовой повѣсти (un petit roman) изъ русской

жизни, разсчитанной притомъ, очевидно, на французскаго читателя. Въ этомъ, впрочемъ, не менѣе, чѣмъ русскій авторъ, повиненъ самъ Кюстинъ, рука котораго, несомнѣнно, прошлась по доставленной ему рукописи князя, о чемъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ стилистическія особенности разсказа. Послѣдній озаглавленъ *Histoire de Thelenef* (это имя могло быть вымышлено самимъ Кюстиномъ,—трудно, по крайней мѣрѣ, подыскать соотвѣтствующую ему русскую форму). Въ немъ изображается судьба трехъ жертвъ крестьянскаго возстанія—Thelenef'a, жестокаго управителя помѣщичьяго имѣнія, который былъ звѣрски умерщвленъ мятежниками, его прекрасной и добродѣтельной дочери Ксеніи, сошедшей съ ума вслѣдствіе пережитыхъ потрясеній, и романтическаго Ѳедора, крестьянина, тайно любящаго Ксенію, спасающаго ей жизнь во время возстанія и искупающаго свое участіе въ движеніи ссылкою въ Сибирь. Разсказъ, несомнѣнно, могъ представлять интересъ для европейца-читателя, но нашего вниманія въ гораздо большей мѣрѣ заслуживаютъ предпосланныя ему Кюстиномъ разсужденія о характерѣ русскихъ мятежей и отличіи ихъ отъ французскихъ революціонныхъ вспышекъ. Есть, говоритъ онъ, разница между методической, холодной и длительной жестокостью мужиковъ и преходящимъ изступленіемъ французовъ.

«Послѣдніе во время войны, которую они вели съ Богомъ и съ человѣчествомъ, не были въ своемъ естественномъ состояніи: мода на кровь измѣнила ихъ характеръ, и непослѣдовательность страстей царила въ ихъ дѣйствіяхъ; ибо никогда они не были менѣе свободны, нежели въ то время, когда все дѣлалось у нихъ во имя свободы. Вы увидите, какъ русскіе, наоборотъ, рѣжутъ другъ друга, не измѣняя своему характеру: это у нихъ—исполненіе долга».

«У этого послушнаго народа вліяніе общественнаго строя такъ велико во всѣхъ классахъ, невольное воспитаніе привычекъ настолько подчиняетъ себѣ характеры, что самые крайніе порывы мщенія представляются урегулированными извѣстною дисциплиной. Здѣсь обдуманное убійство совершается ритмически; люди умерщвляютъ людей по-военному, религіозно, безъ гнѣва, безъ возбужденія, безъ словъ, со спокойствіемъ болѣе ужаснымъ, нежели пылъ ненависти. Они сталкиваются, валятъ, давятъ другъ друга, проходятъ по тѣламъ подобно механизмамъ, правильно вращающимся на стержняхъ. Эта физическая безстрастность среди самыхъ буйныхъ дѣяній,

эта чудовищная смѣлость замысла, эта холодность при исполненіи, молчаніе бѣшенства, нѣмой фанатизмъ, это,—если можно такъ выразиться,—невинность преступленія; извѣстный противоестественный порядокъ господствуетъ въ этой удивительной странѣ въ самыхъ неслыханныхъ эксцессахъ; рабство и мятежъ идутъ здѣсь въ ногу».

«...Благодаря тому, что все сходно, громадное протяженіе территоріи не препятствуетъ всему въ Россіи, изъ конца въ конецъ, исполняться съ волшебной пунктуальностью и согласованностью. Еслибы когда-либо удалось устроить настоящую революцію силами русскаго народа, избіеніе было бы регулярно, какъ военныя эволюціи. Деревни превратились бы въ казармы, и организованное убійство, выходя во всеоружіи изъ хатъ, повело бы наступленіе стройно, въ полномъ порядкѣ; словомъ, русскіе пошли бы на погромъ отъ Смоленска до Иркутска такъ, какъ они маршируютъ на парадѣ передъ Зимнимъ дворцомъ въ Петербургѣ. Результатомъ такого однообразія является согласованность естественныхъ задатковъ народа и его соціальныхъ навыковъ, проявленія которой могутъ стать колоссальными въ добрѣ, какъ и во злѣ».

«Все темно въ будущности міра; но вѣрно то, что онъ увидитъ странныя сцены, которыя будутъ разыграны предъ націями этимъ народомъ, отмѣченнымъ печатью избранія.»

Французъ-гувернеръ, снабдившій Кюстина свѣдѣніями о крестьянскомъ движеніи, разсказалъ ему также о трагической судьбѣ Пушкина (Pouskine) и о ссылкѣ на Кавказъ Лермонтова за стихи на смерть его. О Пушкинѣ Кюстинъ, знавшій его по переводамъ нѣсколькихъ его стихотвореній, былъ невысокаго мнѣнія. Послѣ разговора съ гувернеромъ онъ перечиталъ эти переводы. «Они,— говоритъ онъ,—утвердили меня во мнѣніи о Пушкинѣ, которое я составилъ себѣ при первомъ знакомствѣ съ ними. Этотъ человѣкъ заимствовалъ часть своихъ красокъ у новой поэтической школы западной Европы. Это не значитъ, что онъ усвоилъ антирелигіозныя мнѣнія лорда Байрона, соціальныя идеи нашихъ поэтовъ или философію поэтовъ нѣмецкихъ, но онъ взялъ у нихъ манеру письма. Поэтому я не вижу еще въ немъ настоящаго московитскаго поэта. Поляка Мицкевича я считаю въ гораздо большей степени славяниномъ, хотя и онъ, подобно Пушкину, подвергся вліянію западныхъ литературъ. Къ тому же истинный московитскій поэтъ, еслибы существовалъ, могъ бы въ настоящее время говорить только народу; онъ не

былъ бы ни услышанъ, ни прочтенъ въ салонахъ. Гдѣ нѣтъ языка, нѣтъ поэзіи, нѣтъ и мыслителей. Императоръ Николай начинаетъ требовать, чтобы при дворѣ говорили по-русски; теперь смѣются надъ новшествомъ, которое считаютъ дѣломъ каприза властелина; слѣдующее поколѣніе будетъ ему благодарно за эту побѣду здраваго смысла надъ высшимъ свѣтомъ».

Кюстинъ не хотѣлъ покидать Петербургъ, не посѣтивъ мѣста заточенія злополучнаго императора Ивана Антоновича—Шлиссельбурга. Онъ обратился къ военному министру Чернышову съ просьбою о дозволеніи осмотрѣть шлиссельбургскую крѣпость, но Николай I, которому эта просьба было доложена, разрѣшилъ только осмотръ шлюссельбургскихъ шлюзовъ. На первыхъ порахъ успѣхъ, хотя и частичный, домогательства причинилъ Кюстину немало треволненій; накануѣ дня, въ который должна была состояться поѣздка, онъ не могъ заснуть всю ночь, терзаемый опасеніемъ, что его вмѣсто Шлиссельбурга отправятъ прямо съ фельдъегеремъ въ Сибирь и, быть можетъ, убьютъ по дорогѣ, чтобы завладѣть его бумагами и письмами. Опасеніе не оправдалось, но Кюстинъ все же продолжалъ думать, что оно было не лишено основанія и во всякомъ случаѣ могло достаточно характеризовать страну, въ которую онъ попалъ. «Допустите,—говоритъ онъ,—что мои страхи призрачны, но это, все-таки—призраки, которые могутъ смутить меня только въ Петербургѣ и въ Марокко».

Кюстинъ совершилъ поѣзку на лошадяхъ въ сопровожденіи фельдъегеря, прикомандированнаго къ нему въ качествѣ проводника военнымъ министромъ. Въ Шлиссельбургѣ инженеръ, завѣдывавшій шлюзами, показалъ ему сооруженія Ладожскаго канала и каталъ его въ лодкѣ по озеру; онъ осмотрѣлъ при этомъ островъ, на которомъ стоитъ крѣпость, и проникъ даже внутрь ея, но комендантъ не позволилъ ему видѣть темницу Ивана VI. Кюстинъ понялъ, что его любопытство было сочтено нескромнымъ, и могъ только подивиться слѣпой исполнительности агентовъ русской администраціи, безъ разсужденія проникающихся «видами» правительства, ведущаго войну не только съ идеями, но и съ историческими фактами.

«Русская крѣпость! Это слово производитъ на воображеніе впечатлѣніе отличное отъ того, какое испытывается при посѣщеніи тюремныхъ замковъ дѣйствительно цивилизованныхъ и искренно гуманныхъ народовъ. Ребяческія предосторожности, къ какимъ прибѣгаютъ въ Россіи, чтобы скрыть то, что признается государственной тайной, укрѣпляютъ во мнѣ болѣе, чѣмъ

это могли бы сдѣлать открытые варварскіе акты, убѣжденіе въ томъ, что русское правленіе не что иное, какъ лицемѣрная тираннія. Проникнувъ въ русскую государственную тюрьму и испытавъ на себѣ невозможность разговаривать тамъ о томъ, чего однако всякій иностранецъ ищетъ въ подобномъ мѣстѣ, я говорю себѣ, что такая скрытность должна служить маскою глубокой безчеловѣчности: не добро скрываютъ такъ заботливо».

«Если бы, не стараясь прикрывать истину притворной вѣжливостью, меня просто провели въ мѣста, какія позволено показывать, еслибы мнѣ откровенно отвѣтили на вопросы о совершившемся вѣкъ тому назадъ событіи, я менѣе интересовался бы тѣмъ, чего я не могъ бы видѣть; но слишкомъ лукавый отказъ доказалъ мнѣ противное тому, въ чемъ хотѣли меня убѣдить. Всѣ эти пустыя уловки—откровенія для опытнаго наблюдателя. Меня особенно возмущало то, что люди, употреблявшіе со мною такія увертки, могли подумать, что я одураченъ ихъ ребяческими хитростями. Меня увѣряютъ,—и я узналъ это изъ вѣрнаго источника,—что въ подводныхъ тюрьмахъ Кронштадта заключены вмѣстѣ съ другими государственными арестантами несчастливцы, заточенные со времени царствованія Александра. Этихъ несчастныхъ довело до отупѣнія наказаніе, жестокость котораго ничто не можетъ ни извинить, ни мотивировать; еслибы они теперь вышли изъ-подъ земли, они поднялись бы, какъ призраки-мстители. Все можно защищать красивыми фразами и даже основательными доводами; въ аргументахъ нѣтъ недостатка ни у одного изъ мнѣній, разъединяющихъ міръ политическій, литературный и религіозный; но, что бы ни говорили, режимъ, который требуетъ подобныхъ средствъ для поддержки,—глубоко порочный режимъ».

«Жертвы этой одіозной политики болѣе не люди: эти несчастные, лишенные всѣхъ правъ, томятся, чуждые міру, забытые всѣми, заброшенные, во мракѣ заточенія, гдѣ слабоуміе становится плодомъ безконечной скуки и послѣднимъ утѣшеніемъ; они потеряли память и даже разумъ, этотъ человѣческій свѣточъ, который ни одинъ человѣкъ не въ правѣ угасить въ душѣ своего ближняго. Они забыли даже свои имена, которыя стража, ради потѣхи, спрашиваютъ у нихъ, издѣваясь надъ ними скотски и всегда безнаказанно, ибо въ глубинѣ этой бездны несправедливости царитъ такой безпорядокъ, тьма тамъ такъ густа, что исчезаютъ слѣды всякаго правосудія».

«Неизвѣстно даже преступленіе нѣкоторыхъ узниковъ, которыхъ все-таки постоянно держатъ въ заключеніи, потому что не знаютъ, кому ихъ передать, и думаютъ, что удобнѣе продолжать злодѣяніе, чѣмъ оглашать его. Боятся дурныхъ послѣдствій запоздалаго правосудія и отягчаютъ зло, чтобы не пришлось оправдывать его чрезмѣрность,— жестокое малодушіе, которое зовется соблюденіемъ *приличій* (курсивъ К.), осторожностью, послушаніемъ, благоразуміемъ, жертвою ради общественнаго блага и ради государственныхъ соображеній... почемъ я знаю? У притѣснителей нѣтъ недостатка въ словахъ,— развѣ нѣтъ двухъ названій для каждой вещи въ человѣческихъ обществахъ? Такъ, намъ твердятъ ежеминутно, что въ Россіи нѣтъ смертной казни. Заживо погребать не значитъ убивать! Размышляя о столькихъ несчастіяхъ съ одной стороны, о такой несправедливости и такомъ лицемѣріи—съ другой, не признаешь виновныхъ въ тюрьмѣ; судья одинъ является преступнымъ, и до крайняго предѣла доводитъ мое возмущеніе то, что, какъ мнѣ извѣстно, этотъ неправедный судья вовсе не жестокъ ради удовольствія. Вотъ что дурной образъ правленія можетъ сдѣлать изъ людей, заинтересованныхъ въ его прочности!..»

Инженеръ, пригласивъ Кюстина къ себѣ обѣдать, доставилъ ему случай впервые наблюдать нравы средняго класса въ Россіи. Ради именитаго гостя на обѣдъ были созваны родственники жены хозяина и нѣсколько мѣстныхъ помѣщиковъ. Изъ мужчинъ никто, кромѣ самого инженера, не говорилъ по-французски; они держались кучкой въ уголкѣ, бесѣдуя по-русски между собою, и видъ ихъ поразилъ француза отсутствіемъ изящества,— на нихъ были какіе-то бурые сюртуки, чуть не волочившіеся по полу. Хозяйка, молодая красивая женщина, одѣтая изысканно, но неизящно, упорно молчала, не зная по-французски, и, благодаря своей изумительной неподвижности, производила впечатлѣніе статуи или иконы: единственнымъ движеніемъ, доказавшимъ, что у этой великолѣпной «пагоды» были ноги, было перемѣщеніе ея съ дивана въ гостиной въ столовую. Занимать Кюстина пришлось тещѣ инженера, но эта дама поняла свою задачу очень своеобразно,—она воспользовалась случаемъ, чтобы наговорить массу колкостей по адресу Франціи и французовъ, едва прикрывая ядъ своихъ рѣчей ихъ слащаво-вкрадчивымъ тономъ. За обѣдомъ чувствовалась общая стѣсненность, и Кюстинъ могъ только порадоваться тому, что онъ не былъ продолжителенъ, хотя его кулинарныя достоинства отчасти искупали прочіе дефекты буржуазнаго savoir-vivre:

можно было не безъ аппетита ѣсть и пить все, за исключеніемъ туземнаго напитка «quartz» (квасъ, очевидно) и холоднаго супа съ рыбой или, иначе, «адскаго рагу»,—ragoût infernal,—«оригинальность котораго переходила всѣ предѣлы» (ботвинья).

Вернувшись въ Петербургъ, Кюстинъ рѣшилъ не откладывать больше поѣздки въ Москву. Въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ острова, полюбовался видомъ города въ свѣтлую лунную ночь,—было 21 іюля (2 августа),—и эта прогулка навѣяла ему рядъ мыслей, которыя онъ тутъ же изложилъ въ письмѣ, слѣдуя по своему обыкновенію «прихотливому теченію ихъ». Петербургъ напомнилъ ему Венецію, и, сравнивая эти два города, онъ нашелъ, что сходство ихъ не ограничивается внѣшностью: оба они обязаны своимъ возникновеніемъ страху. Въ Венеціи послѣдніе римляне искали спасенія отъ надвигавшейся гибели, Петербургъ—также продуктъ страха, но страха благочестиваго. Это чувство стоитъ въ связи съ почитаніемъ царя, которому русскіе поклоняются, какъ богу. Недаромъ одинъ посланникъ, засыпая въ русской церкви за обѣдней, говорилъ: «разбудите меня, когда вы дойдете до Господа Бога». Суевѣріе русскихъ такъ заразительно, что порой самъ Кюстинъ готовъ былъ поддаться ему, и только мысль о Сибири, этой необходимой опорѣ московитской цивилизаціи, отрезвляла его въ такіе моменты. Онъ зналъ, что по дорогамъ, ведущимъ въ Азію, тянулись партіи поляковъ, ссылаемыхъ за участіе якобы въ заговорѣ, вымышленномъ на самомъ дѣлѣ русскими властями. «Не должны ли мы краснѣть отъ стыда, произнося слово «либерализмъ», когда подумаемъ, что существуетъ въ Европѣ народъ, который былъ независимымъ, а теперь не знаетъ другой свободы, кромѣ свободы отступничества! Русскіе, обращая противъ Запада оружіе, которое они съ успѣхомъ пускаютъ въ ходъ противъ Азіи, забываютъ, что образъ дѣйствій, способствующій прогрессу у калмыковъ, становится преступнымъ оскорбленіемъ человѣчества (un crime de lèse-humanité) въ примѣненіи къ народу издавна цивилизованному».

Отъѣздъ въ Москву былъ назначенъ на другой день, и почтовыя лошади были уже заказаны, какъ вдругъ произошла непредвидѣнная задержка. Кюстину доставили для прочтенія письмо жены ссыльнаго декабриста кн. Трубецкой, раздѣлявшей съ мужемъ изгнаніе: она просила одного изъ своихъ петербургскихъ родственниковъ похлопотать передъ царемъ о

переводѣ ея мужа съ семьей изъ глухого поселка, гдѣ онъ былъ водворенъ послѣ каторги, въ мѣстность болѣе близкую къ какому-нибудь сибирскому городу. Впечатлѣніе, произведенное на Кюстина этимъ письмомъ и разсказанной ему исторіей ссыльной семьи, было потрясающее. Онъ отложилъ отъѣздъ, чтобы тутъ же набросать на бумагѣ рядъ нахлынувшихъ на него мыслей.

Необыкновенное самоотверженіе кн. Трубецкой не смягчило Николая I, который не нашелъ возможнымъ, въ уваженіе къ нему, помиловать ея мужа, хотя тотъ уже отбылъ назначенный ему срокъ каторги.

«Какъ бы ни былъ преступенъ князь Трубецкой, помилованіе, въ которомъ императоръ, вѣроятно, будетъ отказывать до конца, ибо считаетъ своимъ долгомъ по отношенію къ своему народу и самому себѣ неумолимую строгость, давно уже даровано виновному царемъ царей; почти сверхъестественныя добродѣтели супруги могутъ смягчить гнѣвъ Бога,—онѣ не смогли обезоружить человѣческое правосудіе. Вѣдь божественное всемогущество—дѣйствительность, тогда какъ всемогущество русскаго императора—только фикція».

«Онъ давно бы простилъ, еслибы былъ такъ великъ, какъ онъ кажется, но милосердіе, помимо того, что оно противно его природѣ, онъ считаетъ слабостью, которою царь унизилъ бы свое царское достоинство; привыкнувъ измѣрять свою силу страхомъ, который онъ внушаетъ, онъ смотрѣлъ бы на милость, какъ на измѣну своему кодексу политической морали».

«Что касается меня, то я сужу о власти человѣка надъ другими по власти, какою онъ обладаетъ надъ самимъ собой, и признаю его авторитетъ твердымъ лишь тогда, когда онъ сумѣлъ простить; императоръ Николай рѣшался только наказывать. Вѣдь императоръ Николай, будучи знатокомъ въ дѣлѣ лести, потому что въ теченіе всей его жизни ему льстятъ шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ, усиливающихся убѣдить его въ томъ, что онъ превыше человѣчества, считаетъ своимъ долгомъ отдавать въ свою очередь крупицы ѳиміама обожающему его народу, и этотъ отравленный ѳиміамъ внушаетъ жестокость. Прощеніе—урокъ, который опасно было бы дать такому грубому еще въ глубинѣ души народу, каковъ русскій народъ. Государь опускается до уровня своихъ дикихъ подданныхъ; онъ грубѣетъ вмѣстѣ съ ними, онъ не боится довести ихъ до отупѣнія, чтобы привязать ихъ къ себѣ: народъ и носитель верховной власти соперничаютъ между собою въ измѣнахъ, предразсуд-

кахъ и безчеловѣчности. Отвратительное сочетаніе варварства и слабости, обмѣнъ жестокостей, циркуляція лжи, составляющіе жизнь чудовища, омертвѣлаго тѣла, кровь котораго ядъ,— вотъ сущность и роковой удѣлъ абсолютизма!»

«... Въ Петербургѣ не мало добрыхъ русскихъ, и среди нихъ я встрѣчалъ такихъ, которые считаютъ жизнь осужденныхъ на каторжныя работы въ рудникахъ очень сносною и жалуются на то, что *современные фразеры* (курсивъ К.) преувеличиваютъ страданія уральскихъ заговорщиковъ. Правда, они признаютъ, что имъ нельзя доставлять деньги, но ихъ родственникамъ разрѣшено посылать имъ припасы: они получаютъ одежду и провизію... провизію! Немногіе пищевые продукты могутъ выдержать эти сказочныя разстоянія при такомъ климатѣ, не испортившись. Но каковы бы ни были лишенія и страданія осужденныхъ, пстые патріоты одобряютъ безъ оговорокъ политическій острогъ русскаго изобрѣтенія. Эти царедворцы палачей всегда находятъ наказаніе слишкомъ мягкимъ по сравненію съ преступленіемъ».

«18 фруктидора французскіе республиканцы прибѣгли къ тому же средству: одинъ изъ пяти директоровъ, Бартелеми, былъ сосланъ въ Кайенну такъ же, какъ значительное количество лицъ, обвиненныхъ и изобличенныхъ въ томъ, что они безъ достаточнаго энтузіазма усвоили филантропическія идеи партіи большинства; но, по крайней мѣрѣ, эти несчастные были изгнаны безъ лишенія правъ, съ ними обращались, правда, какъ съ побѣжденными врагами, но какъ съ гражданами. Республика посылала ихъ на смерть въ страны, гдѣ воздухъ отравляетъ европейцевъ, но, убивая ихъ, чтобы избавиться отъ нихъ, она не обращала ихъ въ парій».

Въ Россіи политическая месть поражаетъ не только побѣжденныхъ враговъ существующаго строя, но и ихъ потомство. Когда стали подрастать дѣти Трубецкихъ, родившіяся въ Сибири, мать попыталась исходатайствовать разрѣшеніе отослать ихъ для воспитанія въ Петербургъ или какой-нибудь иной большой городъ. Николай I отклонилъ ходатайство, замѣтивъ, что дѣти каторжниковъ, сами каторжники, не нуждаются въ образованіи.

Отбывъ каторгу, Трубецкой былъ водворенъ въ качествѣ ссыльнаго въ мѣстѣ, избранномъ намѣренно самимъ царемъ,— трущобѣ, названіе которой не было отмѣчено даже на картахъ русскаго генеральнаго штаба. Лишенія, какимъ подвергалась тамъ ссыльная семья, были настолько велики, что сломили, на-

конецъ, бодрость княгини и побудили ее отправить въ Петербургъ письмо, показанное Кюстину.

«И что же? Послѣ четырнадцати лѣтъ мщенія безпрерывнаго, но не утоленнаго... Ахъ, дайте разразиться моему негодованію,—смягчать выраженія въ разсказѣ о такихъ событіяхъ значило бы измѣнять святому дѣлу! Пусть русскіе протестуютъ, если смѣютъ: лучше оказать неуваженіе деспотизму, чѣмъ несчастію. Они раздавятъ меня, если смогутъ, но по крайней мѣрѣ Европа узнаетъ, что человѣкъ, которому шестьдесятъ милліоновъ людей постоянно твердятъ, что онъ всемогущъ, мститъ!.. Да, слово «месть» хочу я примѣнить къ такому правосудію! Итакъ, послѣ четырнадцати лѣтъ женщина, обложенная столькими геройческими невзгодами, получаетъ въ отвѣтъ отъ императора Николая слѣдующія слова, слышанныя мною отъ того самаго лица, которому только что передалъ ихъ отважный родственникъ жертвы: «я удивляюсь тому, что смѣютъ мнѣ еще говорить (два раза за пятнадцать лѣтъ!..) о семьѣ, глава которой былъ въ заговорѣ противъ меня». Подвергайте сомнѣнію этотъ отвѣтъ,—мнѣ самому онъ сомнителенъ,—однако у меня есть доказательство того, что онъ подлинный.» Лицо, пересказавшее его мнѣ, вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, къ тому же говорятъ факты: земля нимало не измѣнила участи изгнанниковъ».

«И Россія хвастается отмѣною смертной казни! Умѣрьте ваше рвеніе, откажитесь только отъ лжи, которая всюду господствуетъ, все обезображиваетъ, все отравляетъ у васъ,—и вы сдѣлаете достаточно для блага человѣчества».

«Родственники ссыльныхъ, Трубецкіе, вліятельная фамилія, живутъ въ Петербургѣ; они бываютъ при дворѣ!!!.. Вотъ духъ, достоинство, независимость русской аристократіи. Въ этомъ царствѣ насилія страхъ оправдываетъ все,—мало того, ему обезпечена награда. Страхъ, украшенный именемъ благоразумія и умѣренности,—единственная заслуга, которая никогда не забывается».

«Здѣсь есть люди, обвиняющіе княгиню Трубецкую въ безуміи: «развѣ она не можетъ одна вернуться въ Петербургъ?» говорятъ они. Глумленіе низости—ляганье осла. Бѣгите изъ страны, гдѣ, правда, не убиваютъ легально, но гдѣ создаютъ семьи отверженныхъ во имя политическаго фанатизма, который все разрѣшаетъ».

«Нѣтъ болѣе колебаній, нѣтъ болѣе неясности,—моій приговоръ надъ императоромъ Николаемъ произнесенъ. Это чело-

вѣкъ съ характеромъ и волей,—они нужны для того, чтобы сковать треть земного шара; но у него нѣтъ великодушія: его пользованіе властью слишкомъ ясно доказываетъ мнѣ это. Да проститъ его Богъ; я болѣе не увижу его, къ счастію!»

Кюстинъ рѣшилъ не встрѣчаться съ Николаемъ ни въ Бородинѣ, ни въ Москвѣ.

VI.

«Ѣхать на почтовыхъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву—то же, что причинять себѣ цѣлыми днями ощущеніе, которое испытывалось при спускѣ съ русскихъ горъ въ Парижѣ. Хорошо привезти съ собою въ Петербургъ англійскій экипажъ, единственно ради удовольствія катиться на рессорахъ дѣйствительно эластичныхъ (рессоры русскихъ экипажей таковы только по имени) по этой прославленной дорогѣ, прекраснѣйшему въ Европѣ шоссе, по словамъ русскихъ и, думаю, иностранцевъ. Надо признать, что оно хорошо поддерживается, но жестко по причинѣ свойства матеріаловъ, которые, хотя и хорошо раздроблены, даже въ довольно мелкіе куски, врѣзываются въ полотно дороги, гдѣ образуютъ небольшія неподвижныя шероховатости и до того встряхиваютъ болты, что на каждомъ перегонѣ одинъ-два изъ нихъ ломаются, почему на станціи теряется время, какое вы выиграли въ пути, несясь въ пыли съ ошеломляющею быстротою урагана, гонящаго облака передъ собою. Англійскій экипажъ очень пріятенъ на первыхъ перегонахъ, но потомъ чувствуется здѣсь необходимость русской повозки, которая только и можетъ устоять противъ ѣзды ямщиковъ и жесткости дороги». Таково было самое яркое, повидимому, впечатлѣніе перваго дня поѣздки въ Москву; записано оно было на маленькой станціи, верстахъ въ шестидесяти отъ Петербурга, въ то время, когда чинилось «піздѣлье легкое Европы»—англійская коляска Кюстина.

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи фельдъегеря, къ его удовольствію, говорившаго по-нѣмецки. Это былъ жиденькій лифляндецъ въ опрятномъ и ловко скроенномъ мундирѣ, съ очень непріятнымъ выраженіемъ лица. Офиціально онъ именовался проводникомъ Кюстина, но послѣдній чуялъ въ немъ шпіона, который въ любой моментъ могъ превратиться въ сбира или тюремщика. Несомнѣнно, однако, этотъ человѣкъ былъ спутникомъ очень полезнымъ въ томъ отношеніи,

что видъ его производилъ громадное впечатлѣніе на ямщиковъ.

Усердствуя, вѣроятно, передъ «начальствомъ», староста на одной станціи жестоко поколотилъ за что то очередного ямщика, который впрочемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, во весь духъ промчалъ Кюстина до слѣдующей остановки. Уже Флетчеръ оцѣнилъ значеніе подобныхъ явленій и подмѣтилъ ихъ связь съ тираническимъ образомъ правленія: постоянная жертва тиранніи властей,—говоритъ онъ въ своей замѣчательной книгѣ о Россіи,—русскій самъ становится несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ власть надъ кѣмъ-нибудь. Ту же самую мысль высказываетъ Кюстинъ по поводу инцидента съ ямщикомъ. Въ Россіи,—пишетъ онъ,—«человѣкъ, возвышающійся хотя бы на вершокъ надъ уровнемъ толпы, тотчасъ же получаетъ право,—мало того, ему вмѣняется въ обязанность притѣснять другихъ людей, которымъ онъ долженъ передавать удары, полученные имъ свыше, при чемъ онъ въ злѣ, какое причиняетъ, ищетъ утѣшенія въ томъ, что терпитъ самъ. Такъ, изъ этажа въ этажъ, духъ несправедливости нисходитъ до фундамента этого несчастнаго общества, держащагося только насиліемъ,—но такимъ насиліемъ, которое вынуждаетъ раба лгать самому себѣ, благодаря тирана, и изъ столькихъ актовъ произвола, составляющихъ существованіе каждаго частнаго лица, возникаетъ то, что зовется здѣсь общественнымъ порядкомъ, т. е. мрачное спокойствіе, тишина ужасающая, ибо она похожа на тишину могилы; русскіе гордятся этимъ покоемъ. Пока человѣкъ не рѣшился ходить на четверенькахъ, ему надо гордиться чѣмъ-нибудь, хотя бы для того, чтобы сохранить право на званіе человѣческаго существа... Еслибы мнѣ доказали необходимость неправосудія и насилія для достиженія великихъ политическихъ результатовъ, я заключилъ бы изъ этого, что патріотизмъ совсѣмъ не гражданская добродѣтель, какъ говорили до сихъ поръ, а преступное оскорбленіе человѣчества».

Между Петербургомъ и Новгородомъ, на протяженіи нѣсколькихъ перегоновъ, Кюстинъ замѣтилъ второй путь, параллельный главному шоссе, но содержимый менѣе исправно. Этотъ путь заинтересовалъ его, и на станціи онъ спросилъ смотрителя о значеніи такой странности. Тотъ объяснилъ, что во время проѣзда царя или иного члена императорской фамиліи всѣ ѣдущіе по шоссе должны сворачивать на второй путь. Кюстинъ не сразу повѣрилъ серьезности такого объясненія,—

настолько дикимъ показалось оно европейцу. Вѣдь король, говорившій: la France c'est moi! останавливался, чтобы пропустить стадо барановъ, и въ его царствованіе всякій французъ, пѣшій и конный, могъ сказать любому лицу изъ королевской фамиліи словами старой поговорки: «дорога принадлежитъ всѣмъ безъ разбора».

Свойства русскаго шоссе, между тѣмъ, все время давали себя знать, и поломки кюстиновской коляски повторялись съ досадною регулярностью. Это не мѣшало однако путешественнику восторгаться необычайною ловкостью и удалью русскихъ ямщиковъ. Затверженное имъ съ великимъ трудомъ русское слово tischné (тише) почти не дѣйствовало на нихъ, и, несмотря на частое его повтореніе, они неслись такъ, что у непривычнаго къ подобной ѣздѣ европейца захватывало духъ. При этомъ прямо поразительны были ихъ отвага, искусство, съ какимъ они лавировали, не уменьшая быстроту, среди растянувшихся по дорогѣ обозовъ, ихъ «магическая» власть надъ лошадьми. Ямщикъ и четверня какъ бы сливались въ одно цѣлое, движимое одною силой,—до такой степени чутко воспринимали лошади малѣйшіе импульсы, исходившіе отъ человѣка, державшаго въ рукахъ возжи. «Неаполитанцы и русскіе—первые въ мірѣ кучера», говоритъ Кюстинъ; наиболѣе искусными, къ его удивленію, оказывались старики и мальчики.

Дивился онъ также своеобразной граціи, которой запечатлѣны были всѣ движенія этихъ людей, ихъ манеры, ихъ несложный костюмъ,—она напоминала народы наиболѣе изящные отъ природы и въ особенности испанскихъ гитановъ.Этотъ,—мы бы сказали,—«шикъ» русскаго ямщика былъ гораздо привлекательнѣе, нежели заученное изящество цивилизованнаго кучера. Вообще,—замѣчаетъ Кюстинъ,—русскій народъ получилъ въ удѣлъ природное изящество, грацію, сообщающую, безъ вѣдома его и помимо его воли, всему, съ чѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, живописный видъ. «Заставьте людей болѣе грубой расы пользоваться домами, платьемъ, утварью русскихъ,—эти предметы покажутся вамъ просто гадкими; здѣсь я нахожу ихъ странными, необычайными, но исполненными значенія и достойными перенесенія на полотно. Заставьте русскихъ носить костюмъ парижскихъ рабочихъ,—они сдѣлаютъ изъ него что-нибудь пріятное для глазъ, или, лучше сказать, никогда русскій не придумаетъ такой безвкусной одежды. Жизнь этого народа занимательна, если не для него, то для наблюдателя; остроумная сноровка человѣка восторжествовала

надъ климатомъ и всякаго рода препятствіями, которыя природа ставила общественной жизни въ лишенной поэзіи пустынѣ. Контрастъ слѣпой политической покорности закрѣпощеннаго народа и энергической, непрерывной борьбы того же самаго народа съ тиранніей враждебнаго жизни климата, его дикая независимость отъ природы проглядываютъ ежеминутно изъ-подъ ига деспотизма, и это—неисчерпаемый источникъ пикантныхъ образовъ и серьезныхъ размышленій. Для полноты путешествія по Россіи слѣдовало бы соединить Гораса Верне съ Монтескье».

Русскій крестьянинъ обладаетъ большой сметкой и ловокъ въ работѣ. Небольшой топоръ—въ его рукахъ орудіе, пригодное для всевозможныхъ подѣлокъ. Если вы въ сопровожденіи мужика очутитесь ночью въ лѣсу, онъ быстро соорудитъ вамъ домикъ, гдѣ вы найдете больше удобствъ и, несомнѣнно, больше чистоты, чѣмъ въ деревнѣ. Съ такою же ловкостью зато русскіе умѣютъ воровать. На каждомъ перегонѣ ямщикъ разъ двадцать творилъ крестное знаменіе передъ попадавшимися по дорогѣ небольшими часовнями и, съ неменьшею пунктуальностью исполняя долгъ вѣжливости, снималъ шапку передъ всѣми встрѣчными извозчиками. Но по прибытіи на станцію всегда оказывалось, что этотъ набожный и вѣжливый человѣкъ успѣлъ у путешественника стянуть что-нибудь,—сакъ, ремень, фонарную свѣчу, винтъ; никогда не возвращался онъ къ себѣ съ пустыми руками, и Кюстину невольно вспоминалось характерная русская поговорка: «самъ Спаситель воровалъ бы, еслибы его руки не были пронзены»(?). Ямщики падки и на деньги, но не смѣютъ жаловаться, когда имъ плохо платятъ.

Не слѣдуетъ, однако, удивляться,—замѣчаетъ Кюстинъ,—отсутствію деликатныхъ чувствованій у простонародья въ странѣ, гдѣ знатные господа не считаютъ честность обязательной для людей своего круга. Въ этомъ наивно призналась Кюстину одна дама изъ высшаго петербургскаго общества, и ея признаніе тѣмъ болѣе поразило его, что въ Россіи женщины сохранили душевное благородство въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ мужчины. Дама возмущалась французскими порядками: во Франціи, слышно, самый крупный аристократъ можетъ попасть въ тюрьму, задолжавъ какіе-нибудь двѣсти франковъ, а въ Россіи ни одинъ поставщикъ, ни одинъ купецъ не посмѣетъ дворянину отказать въ кредитѣ на неограниченное время. «Французы стараго режима,—съ гордостью добавила она,—болѣе близки къ намъ, чѣмъ къ какой-либо другой европейской

націи». Кюстинъ съ трудомъ подавилъ готовый у него вырваться протестъ противъ этой параллели и ограничился замѣчаніемъ, что человѣкъ, который во Франціи считался бы аристократомъ ultra, въ Петербургѣ былъ бы зачисленъ въ самые крайніе либералы.

Что касается наружности крестьянъ, которыхъ Кюстину пришлось наблюдать въ дорогѣ, то онъ нашелъ, что господствующимъ типомъ былъ калмыцкій—выдающіяся скулы и приплюснутый носъ. Среди мужчинъ, впрочемъ, нерѣдко попадались головы красивой формы и безукоризненно правильныя черты лица. Особенною красотою, въ своемъ родѣ, отличались старики: Кюстинъ любовался ихъ румяными лицами, серебристыми волосами, обрамлявшими голое темя, и бѣлыми, шелковистыми бородами, ниспадавшими на грудь, и признавалъ, что даже Рубенсъ, Рибейра и Тиціанъ не создавали болѣе прекрасныхъ головъ. Женская красота или даже миловидность, напротивъ, являлись исключеніемъ. Къ тому же женщинъ обезображивалъ сарафанъ, который тогда еще составлялъ ихъ обычный костюмъ. По словамъ Кюстина, нельзя себѣ представить одежду менѣе изящную, чѣмъ этотъ стянутый выше груди подъ мышками мѣшокъ, совершенно скрадывающій очертанія тѣла, это, такъ сказать, карикатурное воспроизведеніе моды временъ директоріи. Сарафанъ не только скрываетъ, но и портитъ формы, искажая талію: замѣтно, что русская крестьянка могла бы, подобно готтентоткѣ, давать ребенку грудь, закидывая ее за плечо.

Въ деревняхъ Кюстину случалось заглядывать въ избы, и онъ былъ пораженъ убожествомъ ихъ обстановки, ея бивачнымъ характеромъ, свидѣтельствовавшимъ о полномъ отсутствіи у крестьянъ потребности въ самомъ элементарномъ комфортѣ. Мракъ, спертый воздухъ и грязь, царившіе въ крестьянскомъ жилищѣ, быстро обращали любопытнаго въ бѣгство, но все же ему всякій разъ приходилось уносить въ платьѣ какой-нибудь живой сувениръ въ наказаніе за нескромную попытку.

26 іюля вечеромъ Кюстинъ уже подъѣзжалъ къ Москвѣ. Низкія городскія постройки скрывались за тучами пыли, поднимавшимися на дорогѣ, и на блѣдномъ фонѣ сѣвернаго неба отчетливо вырисовывались только главы и колокольни московскихъ церквей, напоминая мачты кораблей, пріютившихся за прибрежными дюнами. Разнообразныя краски и позолота этого фантастическаго воздушнаго города переливались

въ лучахъ заходящаго солнца и производили впечатлѣніе какой то фантасмагоріи при дневномъ свѣтѣ,—впечатлѣніе, которое не можетъ изгладиться изъ памяти.

Не безъ труда разыскалъ Кюстинъ на Дмитровкѣ (la Dmitriskoï) гостиницу, гдѣ для него заранѣе была заказана комната. Гостиница оказалась безукоризненно чистоï, благодаря ея недоступности для русскихъ: содержательница ея, англичанка, допускала въ комнаты русскую прислугу, поселенную въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ, только для необходимыхъ работъ и не принимала русскихъ постояльцевъ. Едва устроившись въ своеï комнатѣ, Кюстинъ поспѣшилъ на улицу, безъ проводника, чтобы побродить по городу при лунномъ свѣтѣ. Съ самаго въѣзда въ Москву его вниманіе властно привлекали къ себѣ ея крупнѣйшіе историческіе памятники—Кремль и Василій Блаженный. «Я никогда не забуду,—говоритъ онъ,—того трепета ужаса, который я испыталъ при первомъ взглядѣ на колыбель современнаго русскаго государства: ради Кремля стоитъ съѣздить въ Москву».

Московскія улицы, несмотря на свою относительную прямизну, показались ему лишенными той правильности, которая такъ портитъ физіономію Петербурга. Благодаря неровностямъ почвы и старымъ національнымъ памятникамъ, оказавшимся непреодолимыми препятствіями планировкѣ въ новомъ вкусѣ, Москва сохранила видъ древняго города.

Первое, что поразило Кюстина на улицахъ, это—населеніе, проявлявшее болѣе живости и веселья, чѣмъ населеніе Петербурга. «Здѣсь дышишь воздухомъ свободы, невѣдомымъ въ прочихъ частяхъ имперіи; это объясняетъ мнѣ тайное чувство, внушаемое государямъ этимъ городомъ, который ихъ интересуетъ, но котораго они боятся и избѣгаютъ».

На нѣкоторыхъ улицахъ была зажжена иллюминація, очень жалкая, по случаю какого то царскаго дня. «Ежегодно бываетъ въ Россіи столько праздниковъ этого рода, что они проходятъ почти незамѣченными. Это равнодушіе доказало мнѣ, что у страха бываютъ оплошности и что онъ не всегда умѣетъ льстить такъ, какъ бы хотѣлъ. Искуснымъ льстецомъ бываетъ только любовь, потому что ея хвалы, даже самыя преувеличенныя, искренни. Вотъ истина, которую совѣсть подсказываетъ властелинамъ... безполезно».

Слѣдуя за прогуливавшейся толпою, Кюстинъ дошелъ до Александровскаго сада и здѣсь очутился у подножія стѣнъ Кремля, «колоссальноï горы, воздвигнутой руками рабовъ».

«Знаете ли вы, что такое кремлевскія стѣны? Слово «стѣны» даетъ вамъ представленіе о вещи слишкомъ обыкновенной, слишкомъ жалкой, что вводитъ васъ въ заблужденіе; стѣны Кремля, это—горная цѣпь. Эта цитадель, построенная на рубежѣ Европы и Азіи, въ сравненіи съ обыкновенными укрѣпленіями то же, что Альпы въ сравненіи съ нашими холмами: Кремль—Монбланъ крѣпостей. Еслибы гигантъ, зовущійся русскою имперіей, имѣлъ сердце, я сказалъ бы, что Кремль—сердце этого чудовища: онъ—голова его».

«Я хотѣлъ бы дать вамъ представленіе объ этой каменной массѣ, которая вырисовывалась въ видѣ ступеней въ небѣ. Странное противорѣчіе! Это убѣжище абсолютизма воздвиглось во имя свободы, ибо Кремль былъ оплотомъ, противопоставленнымъ русскими калмыкамъ (?): эти стѣны сослужили службу независимости государства и абсолютной монархіи. Онѣ смѣло слѣдуютъ глубокимъ изгибамъ почвы; когда склоны холма становятся слишкомъ круты, ограда понижается уступами; эти ступени, поднимающіяся между небомъ и землей, громадны, это—лѣстница гигантовъ, идущихъ на войну съ богами».

«Линія перваго пояса сооруженій прорѣзывается фантастическими башнями, такими высокими, такими крѣпкими и такой странной формы, что онѣ напоминаютъ пики Швейцаріи съ ихъ скалами разнообразной формы и ихъ многоцвѣтными ледниками; темнота, несомнѣнно, способствовала увеличенію предметовъ, тому, что они получали неестественныя очертанія и оттѣнки,—я говорю, оттѣнки потому, что ночь, какъ гравюра, имѣетъ свой колоритъ... Я не знаю, откуда исходило очарованіе, власть котораго я ощущалъ, я знаю только, что я не могъ отдѣлаться отъ тайнаго ужаса... И видя господъ и дамъ, одѣтыхъ по парижской модѣ, гуляющихъ у подножія этого сказочнаго чертога, можно было подумать, что грезишь!.. Я грезилъ. Что бы сказалъ Иванъ III, реставраторъ, можно даже сказать, основатель Кремля, еслибы онъ могъ увидѣть у подошвы священной крѣпости своихъ старыхъ московитовъ выбритыхъ, завитыхъ, во фракахъ, въ бѣлыхъ панталонахъ, въ желтыхъ перчаткахъ, при звукахъ музыки безпечно сидящихъ и ѣдящихъ сладкое мороженое передъ ярко освѣщеннымъ кафе? Онъ сказалъ бы, какъ я: это невозможно! А между тѣмъ теперь это можно видѣть лѣтомъ каждый вечеръ въ Москвѣ...» «Увидавъ то, что я видѣлъ сегодня вечеромъ,—замѣчаетъ Кюстинъ въ заключеніе,—надо было бы тотчасъ вернуться на родину: дорожныя впечатлѣнія исчерпаны».

На другой день онъ однако вернулся къ Кремлю, и Кремль, при дневномъ свѣтѣ, произвелъ на него не менѣе сильное и очень своеобразное впечатлѣніе.

«Въ Кремлѣ есть все: это—каменный пейзажъ».

«Прочность его ограды превосходитъ крѣпость скалъ, на которыхъ она стоитъ; число и форма его памятниковъ—чудо. Этотъ лабиринтъ дворцовъ, музеевъ, башенокъ, церквей, темницъ ужасенъ, какъ мартиновская архитектура: здѣсь та же громадность и еще болѣе неправильности, чѣмъ въ композиціяхъ англійскаго живописца. Таинственные звуки исходятъ изъ глубины подземелій; въ подобныхъ жилищахъ должны являться привидѣнія, они не годятся для существъ, подобныхъ намъ. Въ нихъ грезятся самыя удивительныя сцены и ощущается дрожь при воспоминаніи о томъ, что эти сцены вовсе не чистая выдумка. Слышащіеся тамъ звуки какъ будто выходятъ изъ могилы; вѣрится всему, кромѣ того, что естественно».

«Будьте вполнѣ увѣрены въ томъ, что московская цитадель совсѣмъ не то, что про нее говорятъ. Она не дворецъ, не національное святилище, въ которомъ сохраняются историческія сокровища государства, она не оплотъ Россіи, не чтимое убѣжище, гдѣ почиваютъ святые покровители страны, она—меньше и больше, чѣмъ все это, она—просто темница призраковъ».

«Сегодня утромъ, идя все время безъ проводника, я дошелъ до самой середины Кремля и одинъ проникъ внутрь нѣсколькихъ церквей, служащихъ украшеніемъ этого святого мѣста, почитаемаго русскими столько же за его реликвіи, сколько за мірскія богатства и славные трофеи, которые оно хранитъ въ себѣ. Сейчасъ я слишкомъ взволнованъ, чтобы описать вамъ подробно всѣ эти мѣста; позже я осмотрю сокровищницу методически, и вы узнаете, что я увижу тамъ».

«Кремль на своемъ холмѣ показался мнѣ издали княжескимъ городомъ, построеннымъ среди народнаго города. Этотъ тираническій замокъ, эта горделивая груда камней поднимается надъ жильемъ обыкновенныхъ смертныхъ во всю высоту своихъ скалъ, своихъ стѣнъ и башенъ, и, въ противоположность тому, что бываетъ съ памятниками обычныхъ размѣровъ, чѣмъ болѣе приближаешься къ этой несокрушимой массѣ, тѣмъ болѣе поражаешься. Подобно остовамъ нѣкоторыхъ исполинскихъ животныхъ, Кремль служитъ для насъ доказательствомъ исторіи міра, который намъ представляется сомнительнымъ даже тогда, когда мы находимъ его остатки. Этому необычайному созданію сила замѣняетъ красоту, причудливость—изящество;

оно—греза тирана, но оно мощно, оно ужасно, какъ мысль человѣка, повелѣвающаго мыслью народа; здѣсь есть какая то несообразность: я вижу средства обороны, предполагающія войны, какихъ уже не бываетъ; эта архитектура не согласуется съ потребностями современной цивилизаціи».

«Наслѣдіе баснословныхъ временъ, когда ложь царила безконтрольно, тюрьма, дворецъ, святилище, оплотъ противъ иноземца, бастилія противъ націи, опора для тирановъ, темницы для населенія—вотъ Кремль!»

«Родъ сѣвернаго акрополя, варварскаго Пантеона, это національное святилище могло бы называться славянскимъ Альказаромъ».

«Вотъ каково было любимое мѣстопребываніе старыхъ московскихъ князей, а все же эти грозныя стѣны не смогли утишить ужасъ Ивана IV».

«Страхъ, испытываемый человѣкомъ всемогущимъ, ужаснѣе всего на этомъ свѣтѣ,—поэтому къ Кремлю приближаешься съ содроганіемъ».

«Башни всякихъ формъ,—круглыя, четырехугольныя, съ острыми шпицами, набатныя, наугольныя, малыя, дозорныя, будки на минаретахъ,—колокольни всякой вышины, различнаго цвѣта, стиля и назначенія, дворцы, куполы, караульни, стѣны съ зубцами, съ отверзтіями, бойницы, всевозможныя ограды, укрѣпленія, странныя фантазіи, непонятныя выдумки,—кіоскъ рядомъ съ соборомъ,—все говоритъ о безпорядкѣ и насиліи, все выдастъ постоянный надзоръ, необходимый для безопасности необыкновенныхъ существъ, осудившихъ себя на жизнь въ этомъ сверхъестественномъ мірѣ. Но эти безчисленные памятники гордости, прихоти, сладострастія, славы, благочестія, несмотря на свое видимое разнообразіе, выражаютъ только одну мысль, всюду господствующую здѣсь: война, поддерживаемая страхомъ. Кремль, безспорно,—твореніе существа сверхчеловѣческаго, но существа злотворнаго. Слава въ рабствѣ—вотъ аллегорія, изображаемая этимъ сатанинскимъ монументомъ, столь же необычайнымъ въ архитектурѣ, какъ необычайны видѣнія св. Іоанна въ поэзіи: это—обиталище, приличное персонажамъ Апокалипсиса».

«Пускай каждая башенка имѣетъ свой характеръ и свое особое назначеніе,—смыслъ всѣхъ ихъ одинъ: вооруженный ужасъ!»

«Однѣ похожи на священническія шапки, другія—на пасть дракона, на перевернутые мечи: рукоять внизу, остріе вверху; иныя напоминаютъ формою и даже цвѣтомъ извѣстные экзоти-

ческіе фрукты, еще иныя имѣютъ видъ царскаго головного убора, остроконечнаго и украшеннаго драгоцѣнными камнями, подобно вѣнцу венеціанскаго дожа, нѣкоторыя, наконецъ,—простыя короны, и всѣ эти разнообразныя башни крыты лакированною черепицей; всѣ эти металлическіе куполы, всѣ главы эмалированныя, золоченыя, лазурныя, посеребренныя блестятъ на солнцѣ, какъ эмали на этажеркѣ или, скорѣе, какъ колоссальные сталактиты соляныхъ копей въ окрестностяхъ Кракова. Эти громадные столбы, эти шпицы разныхъ формъ—пирамидальные, круглые, острые,—но всегда напоминающіе нѣсколько человѣческую фигуру, господствуютъ надъ городомъ и надъ страною».

«Видя издали ихъ блескъ въ небѣ, подумаешь, что это—собраніе государей, богато одѣтыхъ и украшенныхъ знаками своего сана: это—сборище предковъ, совѣтъ царей, засѣдающихъ на гробницахъ, это—призраки, бдящіе на верхушкѣ дворца».

«Жизнь въ Кремлѣ—не жизнь, а оборона; гнетъ создаетъ возмущеніе, возмущеніе вызываетъ мѣры предосторожности, мѣры предосторожности усиливаютъ опасность, и изъ этого длиннаго ряда дѣйствій и воздѣйствій раждается чудовище, абсолютизмъ, построившій себѣ въ Москвѣ домъ — Кремль: вотъ и все. Еслибы гиганты допотопнаго міра возвращались на землю, чтобы навѣщать своихъ слабыхъ преемниковъ, они могли бы еще селиться здѣсь».

«Въ архитектурѣ Кремля все имѣетъ вольное или невольное символическое значеніе; но когда вы преодолѣете вашъ первый испугъ и проникнете въ нѣдра этого дикаго великолѣпія, реальнымъ останется лишь скопленіе темницъ, высокопарно прозванныхъ дворцами и соборами. Что бы ни дѣлали русскіе, имъ не выйти изъ тюрьмы».

«Самый ихъ климатъ—сообщникъ тиранніи. Здѣшній холодъ не допускаетъ строенія просторныхъ церквей, гдѣ вѣрующіе мерзли бы во время молитвы; здѣсь духа не возноситъ къ небу величіе религіозной архитектуры; въ этомъ климатическомъ поясѣ человѣкъ можетъ строить Богу только темныя башни. Мрачные кремлевскіе соборы съ ихъ узкими сводами и толстыми стѣнами походятъ на погреба; это—раскрашенныя тюрьмы, какъ терема—раззолоченныя жилища тюремщиковъ».

«О чудесахъ этой страшной архитектуры надо сказать то, что путешественники говорятъ о сердцевинѣ Альпійской области: это—прекрасные ужасы».

Цѣльность настроенія, которымъ проникнуто это лири-

ческое изображеніе Кремля, конечно, обусловливалась въ значительной мѣрѣ недостаточнымъ знакомствомъ французскаго писателя съ археологіей и исторіей искусства, и обычный кюстиновскій импрессіонизмъ не можетъ не казаться намъ въ настоящемъ случаѣ черезчуръ смѣлымъ. Но значеніе Кремля, какъ историческаго памятника и выдающагося произведенія національнаго искусства, было вполнѣ оцѣнено Кюстиномъ, что сказалось особенно въ негодованіи, съ какимъ онъ отзывается о начатыхъ Николаемъ I въ Кремлѣ постройкахъ и передѣлкахъ, грозившихъ искаженіемъ традиціоннаго облика древней крѣпости. Этотъ отзывъ, совпадавшій съ мнѣніемъ туземныхъ знатоковъ и любителей старины, пріобрѣтаетъ особое значеніе въ устахъ европейца, одареннаго тонко развитымъ эстетическимъ чувствомъ.

«Къ несчастью, теперь строятъ въ Кремлѣ новый дворецъ, чтобы сдѣлать болѣе удобнымъ старое жилище императора. Но спросили ли себя, не испортитъ ли это улучшеніе единственный въ мірѣ ensemble старинныхъ зданій священной крѣпости? Настоящее жилище государя тѣсно, я согласенъ, но чтобы устранить этотъ недостатокъ, покушаются на самыя почтенныя зданія стараго національнаго святилища: это—профанація. На мѣстѣ императора я скорѣе подвѣсилъ бы новый дворецъ въ воздухѣ, чѣмъ сломалъ бы хоть одинъ камень древнихъ стѣнъ Кремля.»

«...Ожидая, что дворъ получитъ лучшее помѣщеніе, включаютъ въ черту новыхъ дворцовыхъ построекъ небольшую церковь Спаса на Бору. Это чтимое святилище, самое древнее въ Кремлѣ. Думаю, оно исчезнетъ, за прекрасными гладкими и бѣлыми стѣнами, которыми его окружатъ къ великому огорченію любителей старины и живописныхъ видовъ.

«Мало того, — эта профанація совершается съ издѣвательской почтительностью, которая дѣлаетъ ее еще болѣе одіозной для меня: хвастаются тѣмъ, что древній памятникъ сохранится, т. е. не будетъ срытъ, но будетъ заживо погребенъ во дворцѣ. Таково средство, употребляемое здѣсь для примиренія офиціальнаго культа прошлаго съ пристрастіемъ къ комфорту, недавно ввезеннымъ изъ Англіи. Этотъ способъ украшенія русскаго національнаго города вполнѣ достоинъ Петра Великаго. Не достаточно ли того, что основатель новой столицы покинулъ древнюю? Но вотъ его преемники разрушаютъ ее подъ предлогомъ украшенія».

«Императоръ Николай могъ снискать личную славу: вмѣсто того, чтобы тащиться по дорогѣ, проложенной другими, ему слѣдовало только покинуть Зимній дворецъ, сгорѣвшій въ Петербургѣ, и навсегда перенести императорскую резиденцію въ Кремль, каковъ онъ есть; потомъ, для надобностей своего штата, для большихъ придворныхъ празднествъ онъ могъ бы построить внѣ священной ограды всѣ дворцы, какіе онъ счелъ бы необходимыми. Этимъ возвращеніемъ онъ загладилъ бы ошибку царя Петра, который могъ бы и долженъ былъ бы, не увлекая своихъ бояръ въ зрительную залу, строившуюся для нихъ на берегу Балтійскаго моря, цивилизовать ихъ дома, пользуясь превосходными средствами, какія природа предоставляла имъ и ему, средствами, отвергнутыми имъ съ презрѣніемъ, съ легкомысліемъ, недостойными выдающагося человѣка, какимъ онъ былъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Поэтому, съ каждымъ шагомъ, который иностранецъ дѣлаетъ по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, Россія съ ея безграничною территоріей, съ ея громадными земледѣльческими рессурсами, растетъ въ его глазахъ по мѣрѣ того, какъ Петръ Великій умаляется. Мономахъ въ XI вѣкѣ былъ государь истинно русскій; Петръ I въ XVIII в., благодаря своему ложному методу усовершенствованія, является только данникомъ чужеземцевъ, обезьяной голландцевъ, имитаторомъ цивилизаціи, которую онъ копируетъ съ мелочностью дикаря.»

«Еслибы мнѣ когда-либо привелось видѣть русскій тронъ вновь величественно утвержденнымъ на его истинной основѣ, въ центрѣ русской имперіи, въ Москвѣ; еслибы штукатурка и позолота Санктъ-Петербурга осыпались въ разрушительномъ болотѣ, куда ихъ привезли, и онъ вновь сталъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть всегда, простымъ военнымъ портомъ изъ гранита, великолѣпнымъ товарнымъ складомъ между Россіею и Западомъ, тогда какъ, съ другой стороны, Казань и Нижній служили бы ступенями между Россіею и Востокомъ,— я сказалъ бы: славянская нація, торжествуя во имя справедливой гордости надъ тщеславіемъ своихъ вождей, живетъ, наконецъ, самостоятельною жизнью, она заслуживаетъ достиженія цѣли своихъ стремленій; Константинополь ожидаетъ ее: тамъ искусства и богатство будутъ естественной наградой усилій народа, которому суждено стать тѣмъ болѣе великимъ, тѣмъ болѣе славнымъ, чѣмъ дольше онъ пребывалъ въ темнотѣ и покорности».

«Доступно ли воображенію величіе столицы, расположен-

ной въ центрѣ равнины, тянущейся на тысячи льё, равнины, простирающейся отъ Персіи до Лапландіи, отъ Астрахани и Каспійскаго моря до Урала и Бѣлаго моря съ его портомъ Архангельскомъ? Потомъ, спускаясь къ странамъ, отъ природы болѣе удобнымъ для заселенія, она окаймляетъ Балтійское море, гдѣ находятся Санктъ-Петербургъ и Кронштадтъ, два арсенала Москвы; наконецъ, она раскидывается къ западу и югу, отъ Вислы до Босфора; тамъ русскихъ ждутъ; Константинополь служитъ воротами на пути между Москвою, святымъ русскимъ городомъ, и міромъ!... Конечно, величіе этого царственнаго города со всѣми его пригородами, размѣщенными по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, выдѣлялось бы по внушительности среди всѣхъ проявленій мощи въ этомъ мірѣ и оправдывало бы гордую эмблему, представляемую коронами въ кремлевской сокровищницѣ.»

«Императоръ Николай, несмотря на свою практичность и глубокую проницательность, не распозналъ наилучшаго средства для достиженія такой цѣли; онъ наѣзжаетъ время отъ времени въ Кремль; этого недостаточно,—онъ долженъ былъ понять необходимость поселиться тамъ; если онъ понялъ, у него не хватило силы рѣшиться на такую жертву: это ошибка. При Александрѣ русскіе сожгли Москву, чтобы спасти имперію; при Николаѣ Богъ сжегъ дворецъ въ Петербургѣ, чтобы ускорить исполненіе судебъ Россіи, и Николай не отозвался на призывъ Провидѣнія. Россія еще ждетъ!.. Вмѣсто того, чтобы подобно кедру пустить корни въ единственной пригодной для него почвѣ, онъ копаетъ и разрываетъ эту почву, чтобы построить на ней конюшни и дворецъ. Онъ хочетъ, говоритъ онъ, имѣть болѣе удобное помѣщеніе во время своихъ поѣздокъ, и ради этой выгоды онъ забываетъ, что каждый камень національной крѣпости является предметомъ поклоненія для истинныхъ московитовъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ быть имъ. Не ему, государю, котораго суевѣрно слушается его народъ, расшатывать разрушеніемъ уваженіе московитовъ къ единственному истинно-національному монументу, какимъ они обладаютъ. Кремль—произведеніе русскаго генія; но это неправильное, живописное чудо, гордость столькихъ вѣковъ, вскорѣ подвергнется игу современнаго искусства; вкусъ Екатерины II все еще царитъ въ Россіи».

«Эта женщина, несмотря на обширный умъ, ничего не смыслившая въ искусствѣ и поэзіи, не довольствуясь тѣмъ, что наполнила имперію нескладными памятниками, скопи-

рованными съ античныхъ chef-d'oeuvre'овъ, оставила планъ, имѣвшій цѣлью сдѣлать фасадъ Кремля болѣе правильнымъ, и вотъ ея внукъ осуществляетъ частично этотъ чудовищный проектъ: плоскія, бѣлыя поверхности, жесткія линіи, прямые углы смѣняютъ заполненныя мѣста и пустоты, гдѣ играли тѣни и свѣтъ, террасы, наружныя лѣстницы, покатые подъемы, восхитительные выступы и впадины, источники контрастовъ и неожиданныхъ эффектовъ, тѣшившіе взоръ и дававшіе пищу для грезъ, эти расписныя стѣны, эти фасады со вкрапленною мавританскою черепицей, эти дворцы изъ дельфтскаго фаянса, видъ которыхъ говорилъ воображенію, исчезнутъ. Пусть ихъ разрушатъ, погребутъ или обчистятъ,—это неважно, они уступятъ мѣсто прекраснымъ, совершенно гладкимъ стѣнамъ, прекраснымъ рядамъ четырехугольныхъ оконъ и большимъ параднымъ входамъ... Нѣтъ, Петръ Великій не умеръ; азіаты, составившіе войско подъ командою своего главы, путешественника, какъ тотъ, имитатора Европы, которую онъ постоянно копируетъ, въ то же время выказывая презрѣніе къ ней, продолжаютъ свою варварскую, якобы цивилизаторскую работу, введенные въ заблужденіе словомъ властелина, избравшаго девизомъ однобразіе и эмблемою мундиръ (a pris pour devise l'uniformité et pour emblème l'uniforme)».

«Нѣтъ, значитъ, художниковъ въ Россіи, нѣтъ архитекторовъ: всѣ сохраняющіе какое-либо чувство прекраснаго должны были бы броситься къ ногамъ императора и требовать пощады Кремлю. Чего не могъ сдѣлать врагъ, то совершается теперь: разрушаются священныя стѣны, которыхъ одинъ лишь уголъ едва могли взорвать мины Бонапарта».

«И я, пришедшій въ Кремль, чтобы увидать порчу этого историческаго чуда, я присутствую при нечестивомъ дѣлѣ, не смѣя испустить ни одного скорбнаго вопля, не требуя во имя исторіи, во имя искусствъ и вкуса сохраненія старыхъ памятниковъ, обреченныхъ на исчезновеніе подъ скороспѣлыми измышленіями современной архитектуры. Я протестую, но втихомолку, противъ этого преступнаго оскорбленія національности и хорошаго вкуса, противъ этого презрѣнія къ исторіи; и если нѣсколько человѣкъ самыхъ умныхъ и самыхъ ученыхъ, какіе здѣсь есть, осмѣливаются выслушивать меня, то вотъ что осмѣливаются они отвѣчать мнѣ: «Императоръ,—говорятъ они невозмутимо,— хочетъ, чтобы его новая резиденція была приличнѣе прежней; на что вамъ жаловаться? Онъ

приказалъ выстроить ее на мѣстѣ дворца своихъ предковъ,— никакой перемѣны не будетъ.»

«И вотъ смѣлость, какую страхъ даетъ самымъ выдающимся умамъ: смѣлость нелѣпости! Я осторожень и ничего не возражаю, такъ какъ я иностранецъ и потому болѣе равнодушенъ, чѣмъ долженъ быть туземецъ. Но будь я русскій, я отстаивалъ бы камень за камнемъ древнія стѣны, волшебныя башни крѣпости Ивановъ и предпочель бы темницу подъ Невою или ссылку стыду оставаться нѣмымъ соучастникомъ подобнаго вандализма!.. Мученикъ хорошаго вкуса имѣлъ бы еще почетное мѣсто ниже мучениковъ за вѣру: искусство—религія, притомъ въ наши дни — не напменѣе могучая и не напменѣе чтимая».

Историческій Кремль ассоціировался въ представленіи Кюстина съ образомъ Ивана IV, «тирана par excellence, и души его»: въ немъ Иванъ родился, въ немъ умеръ, и въ немъ остался навсегда духъ грознаго царя. Еще въ Петербургѣ Кюстинъ принялся за составленіе для своего корреспондента очерка царствованія Ивана, но въ сутолокѣ придворной жизни не имѣлъ времени закончить свою работу. Въ Москвѣ, вдохновившись видомъ Кремля, онъ воспользовался сидѣньемъ дома, которое было вызвано небольшимъ воспаленіемъ глаза, чтобы вновь просмотрѣть соотвѣтствующія главы «Исторіи» Карамзина и пересказать въ письмѣ ихъ содержаніе. Однимъ изъ мотивовъ этой работы было, по его словамъ, поразившее его сходство подданныхъ Николая I съ ихъ отдаленными предками времени Ивана IV. Заслуживаютъ вниманія высказанныя имъ по этому поводу мысли, ярко иллюстрирующія глубокое различіе между психологіей монархиста-европейца и психологіей русскаго царскаго слуги.

«Такое царствованіе (Ивана IV) ослѣпляетъ навсегда человѣческую душу у націи, терпѣливо вынесшей его до конца: на послѣднихъ потомкахъ людей, клейменныхъ палачами, отзовется измѣна ихъ отцовъ своему долгу, — преступное оскорбленіе человѣчества унижаетъ народы въ ихъ отдаленнѣйшемъ потомствѣ. Это преступленіе состоитъ не только въ неправедныхъ дѣйствіяхъ, но и въ перенесеніи ихъ; народъ, который подъ тѣмъ предлогомъ, что повиновеніе есть первая добродѣтель, завѣщаетъ тираннію своимъ внукамъ, не соблюдаетъ собственныхъ интересовъ; онъ поступаетъ еще хуже,—онъ измѣняетъ своему долгу.»

«Слѣпое подчиненіе подданныхъ, ихъ безмолвіе, ихъ вѣрность безумнымъ властелинамъ—плохія добродѣтели: покорность по-

хвальна, верховная власть достойна почитанія лишь постольку, поскольку онѣ являются средствами обезпеченія человѣческихъ правъ. Когда владыка не признаетъ ихъ, когда онъ забываетъ, на какихъ условіяхъ дозволено человѣку царствовать надъ его ближними, граждане становятся зависящими лишь отъ Бога, ихъ вѣчнаго Владыки, разрѣшающаго ихъ отъ присяги на вѣрность.»

«Вотъ ограниченія, которыхъ русскіе никогда не признавали, не понимали; однако они необходимы для развитія истинной цивилизаціи: безъ нихъ можетъ наступить моментъ, когда общественность станетъ скорѣе вредной, чѣмъ полезной человѣчеству, и софистамъ будетъ нетрудно отослать человѣка вглубь лѣсовъ.»

«Тѣмъ не менѣе такая доктрина, какъ бы сдержанно ее ни излагали и ни старались проводить въ жизнь, слышетъ въ Петербургѣ мятежной, хотя она не что иное, какъ выводъ изъ священнаго Писанія»...

Василій Блаженный произвелъ на Кюстина гораздо менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Кремль. Издали, правда, этотъ соборъ поразилъ его причудливостью архитектуры и пестротою окраски, и у него вырвалось восклицаніе: «Конечно, страна, гдѣ подобный монументъ называется домомъ молитвы, не Европа, она—Индія, Персія, Китай, и люди, которые ходятъ молиться Богу въ эту конфектную коробку, не христіане!» Осмотрѣвъ соборъ вблизи, Кюстинъ испыталъ разочарованіе: «масса куполовъ -луковицъ, изъ которыхъ ни одинъ не походитъ на другой, блюдъ съ фруктами, ваза дельфтскаго фаянса, наполненная ананасами съ воткнутыми въ нихъ золотыми крестами,— изъ этого нельзя сдѣлать архитектурный памятникъ: онъ теряетъ обаяніе при ближайшемъ осмотрѣ.»

Въ общемъ Москва показалась Кюстину городомъ чрезвычайно живописнымъ. Раскинувшаяся на холмахъ, она изобилуетъ красивыми и оригинальными видами; въ ней, къ тому же, поразительно сочетаніе городского элемента съ сельскимъ, дѣлающее ее непохожей ни на какой иной городъ: въ чертѣ ея, на окраинахъ рощи, пруды, засѣянныя поля создаютъ иллюзію настоящей деревни. Но напрасно было бы искать въ Москвѣ зданій, которыя могли бы остановить на себѣ вниманіе любителя искусства и заслуживали бы изученія. Ensemble городскихъ построекъ внушителенъ, но каждая изъ нихъ, взятая отдѣльно, носитъ на себѣ отпечатокъ безвкусія и бездарности русскихъ зодчихъ.

«Здѣсь все—пейзажъ. Если искусство мало сдѣлало для этого города, капризъ рабочихъ и сила вещей создали въ немъ чудеса. Необычайный видъ группъ зданій, величина массъ поражаютъ воображеніе. Правда, это—наслажденіе низшаго порядка: Москва не твореніе генія, знатоки не найдутъ въ ней ни одного памятника, достойнаго внимательнаго изученія; это и не величественная пустыня, гдѣ время въ тишинѣ разрушаетъ то, что сдѣлала природа: это—жилье, покинутое какою то исполинской расой, расой, занимающей средину между Богомъ и человѣкомъ, это—созданіе циклоповъ. Его нельзя сравнивать съ Европою; но въ городѣ, гдѣ ни одинъ великій художникъ, ни въ какомъ родѣ, не оставилъ отпечатка своей мысли, мы изумляемся—и только; а изумленіе исчерпывается быстро, и душѣ нѣтъ охоты выражать его.»

«...Москва—городъ жанристовъ, но архитекторамъ, скульпторамъ и историческимъ живописцамъ въ ней нечего смотрѣть, нечего дѣлать. Массы зданій, разсѣянныхъ по пустырямъ, образуютъ множество красивыхъ картинъ и смѣло отмѣчаютъ передніе планы крупныхъ пейзажей, дѣлающихъ эту древнюю столицу мѣстомъ единственнымъ въ мірѣ, потому что только одна она—большой городъ, который, заселяясь, остался еще живописнымъ, какъ сельская мѣстность. Въ ней насчитывается столько же дорогъ, сколько улицъ, столько же воздѣланныхъ полей, сколько застроенныхъ холмовъ, столько же незаселенныхъ долинъ, сколько публичныхъ площадей...»

VII.

Благодаря рекомендательнымъ письмамъ, привезеннымъ Кюстиномъ, передъ нимъ тотчасъ же открылись двери домовъ московской знати и англійскаго клуба. Французскій маркизъ всюду встрѣтилъ самый радушный пріемъ, и его новые знакомые доставили ему множество случаевъ приглядѣться къ различнымъ сторонамъ жизни избраннаго московскаго общества. Общее впечатлѣніе было на первыхъ порахъ очень выгодное. «Московское общество,—пишетъ Кюстинъ,—пріятно; смѣсь патріархальныхъ традицій стараго міра и непринужденныхъ манеръ современной Европы производитъ здѣсь нѣчто оригинальное. Гостепріимные обычаи древней Азіи и элегантный языкъ цивилизованной Европы встрѣтились на этомъ пунктѣ, чтобы сдѣлать жизнь пріятной и легкой. Мо-

ква, помѣщаясь на границѣ двухъ континентовъ, отмѣчаетъ, посреди земли, мѣсто отдыха на пути между Лондономъ и Пекиномъ. Здѣсь духъ подражательности не изгладилъ еще окончательно національнаго характера; когда образецъ остается вдали, копія становится почти оригиналомъ.»

Въ Москвѣ открылось обширное поле для наблюдательности Кюстина. Въ короткое время передъ нимъ прошелъ рядъ представителей московскаго общества, отъ клубныхъ философовъ до профессіональныхъ кутилъ высшаго полета включительно, и вырисовалась настолько полная картина національныхъ нравовъ, поскольку они отразились въ бытѣ привилегированнаго класса, что онъ счелъ возможнымъ подвести итогъ своимъ наблюденіямъ и на основаніи ихъ опредѣлить характеристическія черты духовнаго облика русскихъ.

«Въ общемъ люди въ этой странѣ,—пишетъ онъ,—представляются мнѣ нерасположенными къ благородству; они въ него не вѣрятъ и отрицали бы его, еслибы смѣли, а если они его не отрицаютъ, то презираютъ, потому что въ себѣ самихъ они не носятъ мѣрила для него. У нихъ больше тонкости, чѣмъ деликатности, мягкости, чѣмъ чувствительности, больше гибкости, чѣмъ непринужденности, больше граціи, чѣмъ нѣжности, проницательности, чѣмъ изобрѣтательности, остроумія, чѣмъ воображенія, наблюдательности, чѣмъ остроумія, и разсчетливости больше, чѣмъ всего иного. Они трудятся не для достиженія результата, полезнаго другимъ, но для полученія награды; творческій огонь имъ чуждъ, энтузіазмъ, производящій высокое, у нихъ отсутствуетъ, источникъ чувствованій, которыя отъ себя самихъ требуютъ суда и вознагражденія, имъ невѣдомъ. Лишите ихъ побужденій, вытекающихъ изъ интереса, боязни и тщеславія,—вы лишите ихъ дѣятельности; въ царствѣ искусства они—рабы, прислуживающіе во дворцѣ; священное одиночество генія имъ недоступно; чистая любовь къ прекрасному ихъ не удовлетворяетъ.»

«Ихъ дѣйствія въ практической жизни таковы же, каковы ихъ созданія въ мірѣ мысли; гдѣ торжествуетъ коварство, тамъ великодушіе почитается обманомъ.»

«Величіе души, я знаю, ищетъ награды въ себѣ самомъ; но если оно ничего не требуетъ, оно многое предписываетъ, ибо оно стремится улучшить людей; здѣсь оно ухудшило бы ихъ, потому что его сочли бы за личину. Милосердіе зовется слабостью у народа, огрубѣвшаго вслѣдствіе террора; ничто не обезоруживаетъ его; неумолимая суровость заста-

вляетъ его преклонять колѣна, прощеніе, напротивъ, заставило бы его поднять голову; убѣдить его нельзя, его можно только покорить; неспособный къ гордости, онъ можетъ быть отважнымъ: онъ возстаетъ противъ мягкости и покоряется жестокости, которую принимаетъ за силу...»

«У русскихъ, когда они любезны, есть въ манерахъ обаяніе, которому вы подпадаете наперекоръ всякому предубѣжденію, въ началѣ не замѣчая его, а потомъ не будучи въ состояніи и не желая отъ него избавиться; опредѣлить такое вліяніе значило бы объяснить воображеніе, подвести подъ правила очарованіе; это—властное, хотя тайное, притяженіе, высшая сила, находящаяся въ связи съ врожденною граціей славянъ, этимъ даромъ, который въ обществѣ замѣняетъ всѣ иные дары и котораго ничто не замѣнитъ, ибо можно опредѣлить грацію, сказавъ, что она то самое, благодаря чему мы обходимся безъ всего того, чего у насъ нѣтъ.»

«Вообразите, что покойная французская вѣжливость воскресла и стала на дѣлѣ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ она казалась; представьте себѣ привѣтливость самую совершенную и недѣланную, самозабвеніе ненамѣренное, не заученное, простоту хорошаго вкуса, необдуманность въ выборѣ, элегантную аристократичность безъ высокомѣрія, непринужденность безъ наглости, инстинктивное сознаніе превосходства, умѣряемое увѣренностью, сопровождающею величіе... Я напрасно стараюсь опредѣлить слишкомъ бѣглые оттѣнки, тонкости, которые чувствуются,—ихъ надо угадывать, не пытаясь закрѣпить словомъ ихъ мимолетное проявленіе; но знайте, что всѣ они и еще иные присущи манерамъ и бесѣдѣ истинно элегантныхъ русскихъ, притомъ чаще и въ большей полнотѣ—тѣхъ, которые не путешествовали, но, оставаясь въ Россіи, приходили въ соприкосновеніе съ изящными иноземцами.»

«Эта привлекательность, это обаяніе даютъ имъ верховную власть надъ сердцами: пока вы находитесь въ присутствіи этихъ избранныхъ существъ, вы порабощены; и очарованіе—двойное, потому что они торжествуютъ, когда вы воображаете, будто вы для нихъ то, что они для васъ. Времени, міра нѣтъ болѣе, обязательства, дѣла, докуки, удовольствія забыты, общественныя обязанности упразднены; въ силѣ одинъ интересъ,—интересъ момента, въ живыхъ одна особа,—особа присутствующая, которая всегда бываетъ любимою особою. Когда желаніе нравиться доходитъ до такихъ крайнихъ предѣловъ, это влеченіе непремѣнно удовлетворяется: это—верхъ хоро-

шаго вкуса, самая утонченная элегантность, и все это естественно, какъ инстинктъ; эта высшая любезность отнюдь не фальшь, она—талантъ, которому нужно упражненіе; чтобы продлить вашу иллюзію, достаточно было бы не уѣзжать, но вы уѣжаете,—все исчезаетъ за исключеніемъ воспоминанія, уносимаго вами.»

«Русскіе—первые въ мірѣ лицедѣи; чтобы пропзводить эффектъ, они не нуждаются въ обаяніи сцены.»

«Всѣ путешественники попрекали ихъ измѣнчивостью,—упрекъ болѣе, чѣмъ достаточно, обоснованный: прощаясь съ ними, вы уже чувствуете себя забытымъ; я приписываю этотъ недостатокъ легкости характера, непостоянству сердца, но также и отсутствію солиднаго образованія. Имъ пріятно, когда съ ними разстаются, потому что они боятся, что ихъ разгадаютъ, если они допустятъ сколько-нибудь продолжительное сближеніе съ собою: отсюда увлеченіе и равнодушіе, такъ быстро смѣняющіяся у нихъ. Это видимое непостоянство есть не что иное, какъ умышленная предосторожность тщеславія, довольно распространенная среди свѣтскихъ людей во всѣхъ странахъ. То, что скрывается съ наибольшимъ стараніемъ, не зло, а пустота; не стыдно быть извращеннымъ, унизительно быть ничтожествомъ; въ силу этого принципа русскіе свѣтскіе люди охотно выказываютъ тѣ стороны своего ума и своего характера, какія могутъ понравиться первому встрѣчному и доставить пищу для разговора на нѣсколько часовъ; но если вы попытаетесь заглянуть за декорацію, ослѣпившую васъ въ началѣ, они остановятъ васъ, какъ нескромнаго, вздумавшаго отодвинуть ширмы въ ихъ спальнѣ, элегантность которой тоже чисто внѣшняя. Они васъ принимаютъ изъ любопытства, потомъ отталкиваютъ изъ осторожности.»

«Это относится одинаково къ дружбѣ и къ любви, къ мужскому и къ женскому обществу. Рисуя портретъ одного русскаго, вы изображаете націю: такъ, одинъ солдатъ въ полномъ вооруженіи даетъ намъ представленіе о цѣломъ полкѣ. Нигдѣ единство въ правленіи и въ воспитаніи не чувствуется сильнѣе, чѣмъ здѣсь. Всѣ умы здѣсь носятъ мундиръ. Ахъ! Кто молодъ и впечатлителенъ, тотъ долженъ очень страдать, принеся къ этому народу съ холоднымъ сердцемъ, съ умомъ, изощреннымъ природою и общественнымъ воспитаніемъ, простоту иныхъ народовъ. Я представляю себѣ нѣмецкую чувствительность, довѣрчивую наивность, безразсудство французовъ, постоянство испанцевъ, страстность англичанъ, распущенность,

добродушіе истыхъ, стараго закала итальянцевъ въ борьбѣ съ врожденнымъ кокетствомъ русскихъ; и мнѣ жаль бѣдныхъ иноземцевъ, которые вообразили бы, что имъ удастся стать на минуту актерами въ спектаклѣ, ожидающемъ ихъ здѣсь. Въ сердечныхъ дѣлахъ русскіе являются смирнѣйшими въ мірѣ дикими звѣрями, и ихъ хорошо скрытые когти нисколько не умаляютъ, къ несчастью, ихъ привлекательности.»

«Я испыталъ подобное очарованіе еще только въ польскомъ обществѣ: новая черта сходства, открывающаяся между обѣими семьями! Какъ бы ни разъединяла политическая вражда эти народы, природа ихъ сближаетъ на зло имъ самимъ. Если-бы политика не принуждала одного изъ нихъ угнетать другой, они узнали бы и полюбили бы другъ друга.»

«Поляки—русскіе-рыцари и католики, съ тою разницею, что въ Польшѣ живутъ или, точнѣе, повелѣваютъ женщины, а въ Россіи—мужчины.»

«Но съ этими же самыми людьми, такими любезными отъ природы, столь богато одаренными, съ этими очаровательными особами бываютъ порою прорухи, какихъ могли бы избѣгать люди съ самымъ вульгарнымъ характеромъ.»

«Вы не можете себѣ представить жизнь нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ числа самыхъ изящныхъ въ Москвѣ. Эти люди, носящіе имена и принадлежащіе къ фамиліямъ, которыя извѣстны во всей Европѣ, погибаютъ въ излишествахъ, какимъ нѣтъ имени; до самой смерти они колеблются между константинопольскимъ сералемъ и парижскимъ рынкомъ».

«Нельзя понять, какъ они въ теченіе шести мѣсяцевъ выносятъ режимъ, усваиваемый ими на всю жизнь и выдерживаемый съ постоянствомъ, которое было бы достойно царства небеснаго, еслибы примѣнялось къ добродѣтели. Это—темпераменты, созданные нарочно для преждевременнаго ада,—такъ я опредѣляю жизнь московскаго профессіональнаго распутника».

«Физически климатъ, морально—правленіе этой страны губятъ въ зародышѣ то, что слабо,—все то, что не крѣпко или не тупоумно, гибнетъ, появляясь на свѣтъ; выживаютъ только тупицы и натуры сильныя какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Россія—отечество разнузданныхъ страстей и слабыхъ характеровъ, мятежниковъ и автоматовъ, заговорщиковъ и машинъ; здѣсь нѣтъ никакого посредствующаго звена между тираномъ и рабомъ, между безумцемъ и животнымъ; золотая середина здѣсь непзвѣстна, природа не терпитъ ея; чрезмѣрный

Фото-типо-гравюра Т-ва "Образованіе".

Увеселеніе помѣщика. Акварель находится въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

холодъ, какъ чрезмѣрный жаръ, толкаетъ человѣка на крайности. Нельзя сказать, что сильныя души менѣе рѣдки въ Россіи, чѣмъ въ другихъ странахъ,—напротивъ, онѣ здѣсь рѣже, благодаря апатіи большинства; преувеличеніе есть симптомъ слабости. Русскіе не обладаютъ всѣми способностями, отвѣчающими всѣмъ ихъ честолюбивымъ стремленіямъ».

«Несмотря на контрасты, которые я вамъ указалъ, всѣ сходны въ одномъ отношеніи: всѣ легкомысленны; среди этихъ людей момента каждое утро, вслѣдствіе забывчивости при пробужденіи, терпитъ крушеніе нѣсколько проектовъ, появившихся съ вечера. Можно сказать, что у нихъ сердце—царство случайности; ничто не устоитъ противъ легкости, съ какою они за все берутся и все бросаютъ. Это—отраженія; они грезятъ и вызываютъ грезы: они не раждаются,—они являются; они живутъ и умираютъ, не замѣчая серьезной стороны жизни. Ни добро, ни зло,—ничто у нихъ не обладаетъ реальностью; они могутъ плакать, но не могутъ быть несчастными. Дворцы, горы, исполины, сильфы, страсти, одиночество, блестящая толпа, высшее блаженство, безграничная скорбь,—весь міръ проходитъ предъ вашими духовными очами въ теченіе четверти часа въ бесѣдѣ съ ними. Ихъ быстрый и пренебрежительный взоръ пробѣгаетъ, ничѣмъ не восхищаясь, то, что человѣческій умъ произвелъ въ теченіе вѣковъ; они считаютъ себя выше всего, потому что презираютъ все; ихъ хвалы—оскорбленія: они хвалятъ завистливо, они падаютъ ницъ, но всегда съ сожалѣніемъ, передъ тѣмъ, что признаютъ модными идолами. Но при первомъ порывѣ вѣтра облако является на смѣну картинѣ и разсѣивается въ свою очередь. Пыль и дымъ, хаосъ и ничто,—вотъ все, что можетъ исходить изъ этихъ вѣтреныхъ головъ».

«Ничто не можетъ пустить корней въ почвѣ, до глубины подвижной. Тамъ все изглаживается, все заравнивается, и призрачный міръ, въ которомъ они живутъ и насъ заставляютъ жить, является и исчезаетъ въ угоду ихъ слабости. Но зато въ этой текучей стихіи ничто не кончается: дружба, любовь, считавшіяся потерянными, оживаютъ, вызванныя взглядомъ, словомъ, въ ту минуту, когда это всего менѣе ожидается,—правда, для того, чтобы исчезнуть, какъ только вновь явилась вѣра въ нихъ. Подъ постоянно дѣятельнымъ жезломъ этихъ волшебниковъ жизнь—сплошная фантасмагорія; это утомительная игра, но въ ней разоряются только неловкіе, ибо тамъ, гдѣ всѣ передергиваютъ, никто не бываетъ обманутъ; словомъ,

они обманчивы, какъ вода, по поэтическому выраженію Шекспира, чьи широкіе мазки суть откровенія природы».

«Этимъ объясняется для меня, почему до настоящаго времени всегда казалось, что Провидѣніе обрекло ихъ деспотическому правленію: ихъ тиранятъ столько же изъ жалости, сколько по привычкѣ».

Этотъ портретъ русскаго человѣка Кюстинъ дополняетъ еще нѣсколькими штрихами. Онъ отмѣчаетъ крайнюю недобросовѣстность русскихъ, проявляющуюся во всякихъ дѣловыхъ отношеніяхъ, даже въ сдѣлкахъ между торгующими любовью женщинами и ихъ кліентами. Особенно изощрились въ обманахъ, по его словамъ, крестьянки, конкуррирующія съ городскими проститутками: нерѣдко «юныя дикарки», получивъ деньги впередъ, не выполняютъ принятаго на себя обязательства. Эта отталкивающая черта русскаго характера приписывается Кюстиномъ, съ одной стороны, деморализаціи, вносимой во всѣ общественныя отношенія режимомъ, прививающимъ народу низость и коварство, съ другой—ничтожной роли въ народной жизни религіознаго начала, которое подмѣнили безсодержательной обрядностью.

Другая крайне несимпатичная черта національнаго характера даетъ себя чувствовать въ сношеніяхъ съ русскими, не усвоившими вообще высоко цѣнимой въ ихъ странѣ вѣжливости. «Если есть очень вѣжливые русскіе, то есть также и очень невѣжливые; эти противно нескромны; какъ дикари, они освѣдомляются съ оника о самыхъ серьезныхъ вещахъ, какъ о наименѣе интересныхъ пустякахъ, задаютъ вамъ заразъ дѣтскіе и шпіонскіе вопросы, осаждаютъ васъ нахальными или ребяческими требованіями, во все мѣшаются. Природные допросчики, славяне подавляютъ свое любопытство только благодаря хорошему воспитанію и привычкѣ къ свѣтской жизни, но тѣ, которые не обладаютъ этими преимуществами, никогда не преминутъ подвергнуть васъ допросу; они захотятъ узнать цѣль и результатъ вашего путешествія, смѣло станутъ спрашивать васъ и повторять до пресыщенія допросные пункты: «предпочитаете ли вы Россію другимъ странамъ, находите ли вы Москву болѣе красивою, чѣмъ Парижъ, петербургскій Зимній дворецъ болѣе великолѣпнымъ, чѣмъ Тюльрійскій замокъ, Красное Село болѣе обширнымъ, чѣмъ Версаль»; и при каждомъ новомъ знакомствѣ приходится твердить сызнова эти своего рода отдѣлы катехизиса, въ которыхъ національное самолюбіе лицемѣрно допрашиваетъ вѣжливость

иноземца. Это плохо скрытое тщеславіе тѣмъ болѣе выводитъ меня изъ терпѣнія, что оно постоянно надѣваетъ маску грубо притворной скромности, имѣющую цѣлью одурачить меня. Мнѣ кажется, что я бесѣдую съ хитрымъ, но малознающимъ школьникомъ, который даетъ волю своей нескромности, имѣя въ виду, что въ сношеніяхъ съ другими онъ находитъ опору въ вѣжливости, какою самъ не обладаетъ».

Отъ общей характеристики русскихъ Кюстинъ переходитъ къ конкретнымъ явленіямъ, служащимъ въ его глазахъ показателями нравственнаго уровня высшаго слоя московскаго общества. Въ то время громкою репутаціей пользовался въ Москвѣ кружокъ молодыхъ кутилъ, группировавшійся вокругъ нѣкоего князя. Послѣдній былъ молодой человѣкъ изъ богатой и уважаемой семьи, получившій, по словамъ Кюстина, основательное образованіе подъ руководствомъ стараго французскаго аббата-эмигранта, очень неглупый и обладавшій, въ довершеніе всего, чрезвычайно изящными манерами. Спеціальностью этого блестящаго представителя московскаго high life'а была организація грандіозныхъ кутежей въ лучшихъ ресторанахъ, гдѣ подъ его главенствомъ постоянно собирался кружокъ его рьяныхъ почитателей и послѣдователей. Кюстину пришлось быть свидѣтелемъ времяпровожденія на одномъ изъ такихъ засѣданій. Тонъ и содержаніе бесѣдъ, которыя вели члены веселой компаніи за бокалами ай, показались ему далеко выходящими за предѣлы того, что считалось допустимымъ въ аналогичныхъ кружкахъ въ Европѣ, и онъ рѣшился пересказать своему корреспонденту слышанное лишь въ значительно смягченной формѣ и притомъ единственно въ силу соображенія, что подобныя явленія наглядно характеризуютъ русскіе нравы. Говорилось о московскихъ женскихъ монастыряхъ по поводу скандальной исторіи, разыгравшейся въ одномъ изъ нихъ. На днѣ колодца былъ найденъ разрѣзанный на куски трупъ молодого человѣка, оказавшагося жертвою своего пристрастія къ монастырскому женскому обществу. Цѣлый мѣсяцъ онъ скрывался въ монастырѣ, и въ концѣ-концовъ, по словамъ Кюстина, старающагося выражаться возможно деликатнѣе, «избытокъ блаженства такъ надоѣлъ ему, что онъ въ свою очередь надоѣлъ святымъ дѣвамъ, которымъ онъ былъ обязанъ своими радостями и пресыщеніемъ, смѣнившимъ ихъ». Онъ былъ такъ изнуренъ, что монахини сочли его смерть неизбѣжною, и, чтобы избѣжать огласки, рѣшились келейно прикончить его. Вслѣдъ за этой

исторіей были разсказаны другія происшествія, имѣвшія отношеніе къ затронутой темѣ и также очень характерныя въ своемъ родѣ. Одинъ изъ собесѣдниковъ показалъ четки, забытыя молодой послушницей въ его комнатѣ утромъ того дня, въ который происходило засѣданіе. Другой предъявилъ подобный же corpus delicti въ видѣ молитвенника, принадлежавшаго, по его словамъ, одной изъ монахинь, наиболѣе славившихся святостью жизни.

Въ самомъ разгарѣ непринужденной бесѣды молодой князь, глава кружка, вдругъ потребовалъ слова и съ самымъ серьезнымъ видомъ предложилъ собранію составить отъ имени всѣхъ московскихъ «куртизанокъ» прошеніе подлежащимъ властямъ о немедленномъ принятіи мѣры, ставшей необходимою въ виду чрезмѣрной конкурренціи женскихъ монастырей съ «мірскими обителями» (les communautés profanes): установленія въ пользу послѣднихъ извѣстной субсидіи изъ монастырскихъ доходовъ. Предложеніе было принято съ энтузіазмомъ, и князь тутъ же написалъ на отличномъ французскомъ языкѣ бумагу такого скандальнаго содержанія, что Кюстинъ, получившій копію, не рѣшился привести ее въ своемъ письмѣ.

Въ слѣдующій день вся компанія отправилась въ подмосковныя имѣнія ея членовъ на лѣтнюю «охоту», по ихъ терминологіи. Кромѣ большого запаса шампанскаго они захватили съ собою коллекцію снимковъ съ французскихъ и итальянскихъ картинъ, которыя предполагалось воспроизвести «въ натурѣ» при помощи крѣпостныхъ фигурантокъ; о содержаніи картинъ догадаться нетрудно. Отъѣзду предшествовало обильное угощеніе во дворѣ ресторана, откуда компанія тронулась въ путь. Шампанское лилось рѣкой, не минуя даже ресторанной прислуги и кучера молодого князя, который заставилъ этого мужика пить, обратившись къ нему съ такимъ увѣщаніемъ: «пей, негодяй, не ради тебя я подношу тебѣ шампанскаго, а ради лошадей, — онѣ не въ силахъ будутъ проскакать галопомъ всю дорогу, если кучеръ не будетъ пьянъ». Въ этой обстановкѣ Кюстина особенно поразили изыскапныя манеры князя, живо напоминавшія версальскій дворъ при Людовикѣ XIV.

Съ немалымъ изумленіемъ Кюстинъ замѣтилъ, что отношеніе общества къ кутиламъ высшаго полета было не только толерантное, но прямо благожелательное: всюду они встрѣчали самый радушный пріемъ, ихъ похожденіями всѣ интересовались, знакомствомъ съ ними многіе, видимо, гордились.

«Что же нужно сдѣлать здѣсь,—спрашивалъ онъ себя съ недоумѣніемъ,—чтобы лишиться уваженія?»

Странное, на первый взглядъ, явленіе объяснилось, когда ему стала извѣстна исторія превращенія молодого князя въ профессіональнаго кутилу. Оказалось, что на этотъ путь князя толкнуло правительство, сославшее его на три года на Кавказъ за довольно невинный дебошъ, учиненный имъ въ Петербургѣ,—разбитіе оконъ въ нѣсколькихъ магазинахъ, въ которомъ власти ухитрились открыть политическую тенденцію. Ссылка расшатала здоровье князя, озлобила его, и это озлобленіе нашло себѣ исходъ въ разнузданности, получившей такимъ образомъ характеръ протеста противъ общественнаго порядка. Такая форма протеста вообще довольно обычна въ обществѣ, въ которомъ произволъ власти подорвалъ уваженіе ко всему, что эта власть беретъ подъ свою охрану, даже къ самымъ элементарнымъ основамъ общежитія; вотъ почему симпатіи общества всегда на сторонѣ кутилъ, какъ наиболѣе активныхъ выразителей его настроенія.

«Здѣсь всякое возмущеніе представляется законнымъ, даже возмущеніе противъ разума, противъ Бога! Нѣтъ уваженія ко всему тому, что способствуетъ гнету, даже къ тому, что всюду зовется священнымъ. Гдѣ порядокъ покоится на гнетѣ, тамъ всякій безпорядокъ имѣетъ своихъ мучениковъ, и все, что отзывается возстаніемъ, есть актъ самоотверженія. Ловелассъ, донъ Жуанъ и даже тѣ, кто еще хуже, если это возможно, прослывутъ освободителями за то, что подверглись законнымъ карамъ,—въ такомъ почетѣ бываютъ проступки, когда правосудіе совершаетъ злоупотребленія! Въ этомъ случаѣ осужденіе падаетъ лишь на судью. Эксцессы власти такъ громадны, что люди клянутъ всякое повиновеніе и открыто выражаютъ ненависть къ добрымъ нравамъ,—такъ, какъ въ другой странѣ говорилось бы: «я ненавижу произвольное правленіе».

За картиной московскихъ нравовъ у Кюстина слѣдуютъ размышленія о состояніи Россіи и ея роли въ международныхъ отношеніяхъ. Заключенія, къ которымъ онъ приходитъ, чрезвычайно пессимистичны, и въ тонѣ ихъ сказывается негодованіе освѣдомленнаго европейца при видѣ не оправдываемыхъ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей притязаній политики, усвоенной правительствомъ Николая I по отношенію къ Европѣ.

Многіе полагали, что русское самодержавіе черпаетъ силу во всеобщемъ равенствѣ, установившемся будто бы въ Россіи.

Кюстинъ доказываетъ, что de facto это равенство—фикція. При сословномъ строѣ соціальное неравенство неизбѣжно и сказывается въ Россіи еще рѣзче, чѣмъ въ другихъ странахъ: положеніе помѣщика глубоко отлично отъ положенія мужика. Не можетъ быть и равенства передъ закономъ въ странѣ, гдѣ законъ не имѣетъ силы; равенство передъ верховной властью иллюзорно, потому что императоръ фактически, какъ человѣкъ, находится въ зависимости отъ различныхъ условій, опредѣляющихъ его поведеніе.

Внѣшній порядокъ, царящій въ Россіи — лишь иллюзія; подъ нимъ таятся недуги, подтачивающіе государственный организмъ.«Правительство, которое ничего не стыдится, потому что оно силится все скрывать, и добивается этого, болѣе страшно, чѣмъ прочно; въ націи — недомоганіе, въ арміи — отупѣніе, во власти — ужасъ, испытываемый даже тѣми, кто наиболѣе внушаетъ страхъ; раболѣпство въ церкви, лицемѣріе у знатныхъ, невѣжество и нищета въ народѣ и Сибирь для всѣхъ, — вотъ какою сдѣлали страну необходимость, исторія, природа, Провидѣніе, намѣренія котораго всегда непроницаемы»...

«И при такой хилости тѣла, — восклицаетъ Кюстинъ съ негодованіемъ, — этотъ гигантъ, только что вышедшій изъ старой Азіи, сплится теперь давить всею своею тяжестью на вѣсы европейской политики»!..

Не русскій народъ повиненъ въ этомъ, — его пониманію даже недоступны честолюбивые замыслы, питаемые правительствомъ и частью знати. Народъ достоинъ сожалѣнія, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ правителей, толкающихъ его на ложный и опасный путь. Задача, которую они ставятъ себѣ, — супрематія Россіи въ Европѣ,—очевидно, не по силамъ странѣ, стоящей въ культурномъ отношеніи неизмѣримо ниже народовъ Запада *).

Ложное направленіе русской политики восходитъ къ виновнику всѣхъ золъ, источникомъ которыхъ является скороспѣлая и призрачная цивилизація Россіи, — Петру I. Въ тѣсной связи съ его преждевременною реформой, имѣвшей цѣлью доставить Россіи незаслуженное мѣсто въ семьѣ европейскихъ народовъ, находится уклоненіе этого государства отъ его провиденціальной миссіи, — завоеванія азіатскаго Востока. Преемники

---

*) Насколько сильно это подтвердила Крымская Кампанія, завершившая ужасъ «мундирнаго строя»!

Петра остались вѣрны его завѣтамъ, и теперь ни одинъ человѣкъ не въ силахъ вернуть Россію на истинный путь.

Фальшь и обманъ въѣлись въ русскіе нравы, но они не скроютъ отъ проницательнаго наблюдателя дѣйствительнаго положенія вещей. Русскіе на каждомъ шагу хвастаются отмѣною у нихъ смертной казни, умалчивая о кнутѣ ad libitum: вѣдь Европа не видитъ его примѣненія. «Такъ въ этомъ царствѣ фасадовъ, безвѣстныхъ страданій, безотвѣтныхъ воплей, безрезультатныхъ жалобъ самая юриспруденція превратилась въ иллюзію самолюбія и содѣйствуетъ съ своей стороны счастливому оптическому эффекту большой машины, показываемой иностранцамъ подъ именемъ русской имперіи. Вотъ до чего могутъ пасть политика, религія, правосудіе, гуманность, святая истина у націи, которая такъ торопится выступить на старомъ міровомъ театрѣ... Подъ лучами солнца зрѣетъ плодъ, но сгораетъ сѣмя».

Чтобы покончить съ московскими наблюденіями и впечатлѣніями Кюстина, намъ остается упомянуть о его прогулкѣ на Дѣвичье поле 28 іюля, въ день народнаго гулянья по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. За все время его пребыванія въ Москвѣ это былъ единственный случай, доставившій ему возможность наблюдить московское простонародье. Онъ сумѣлъ подмѣтить характеристическую особенность русскаго народнаго праздника,—отсутствіе настоящаго, не вызваннаго опьянѣніемъ веселья. «Наибольшее удовольствіе для этого народа, — замѣчаетъ онъ, — опьянѣніе, иначе — забытье. Бѣдные люди! Имъ надо грезить, чтобы быть счастливыми»... Пьянство праздничной толпы не сопровождалось однако тѣми отталкивающими явленіями, которыя можно наблюдать среди европейскихъ пьяницъ: подпившіе мужики не дрались, не рѣзали другъ друга, а только разнѣжившись плакали и цѣловались. Кюстину, впрочемъ, недолго пришлось наблюдать русскіе нравы на гуляньѣ, — ему показался невыносимымъ воздухъ, пропитанный испареніями толпы. Изъ палатокъ, скученныхъ на полѣ, несся запахъ русской кожи, водки, кваса, капусты, сала на казачьихъ сапогахъ, и къ этому національному букету присоединялись еще мускусъ и амбра явившихся на гулянье «господъ», — «такой зловонный воздухъ,—говоритъ Кюстинъ,—я не былъ въ состояніи долго вдыхать».

5 (17) августа Кюстинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Нижній. Маршрутъ, намѣченный имъ, былъ довольно сложенъ: онъ рѣшилъ посѣтить по дорогѣ Троицкую лавру и Ярославль. Наученный горькимъ опытомъ, на этотъ разъ онъ замѣнилъ свою англійскую коляску наемнымъ рессорнымъ тарантасомъ (la tarandasse), который, впрочемъ, въ пути недостаточно оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Посѣщеніе Лавры было совершенно отравлено Кюстину мучительною ночью, проведенной имъ въ монастырской гостиницѣ, гдѣ борьба съ безчисленными насѣкомыми не дала ему ни на минуту сомкнуть глазъ. Усталый и измученный приступилъ онъ утромъ къ осмотру монастыря; ночныя мученія окончательно притупили его воспріимчивость, и въ бѣглыхъ и отрывочныхъ замѣткахъ, посвященныхъ имъ исторической великорусской святынѣ, мы не находимъ и слѣда его обычнаго импрессіонизма.

Эта неудача отразилась на тонѣ строкъ, набросанныхъ имъ на ближайшемъ ночлегѣ въ деревушкѣ «Dernicki» между Переяславлемъ Залѣсскимъ и Ярославлемъ. Здѣсь онъ захотѣлъ провести ночь въ простой избѣ, чѣмъ немало былъ скандализированъ сопровождавшій его фельдъегерь: это рѣшеніе основывалось на соображеніи, что въ такой деревушкѣ проѣзжіе не останавливаются, и въ избахъ, значитъ, могутъ находить пріютъ только насѣкомыя, заносимыя изъ лѣса. Путешественникъ устроился на чердакѣ, пропитанномъ смѣсью запаховъ, присущихъ деревенскому жилью въ Россіи, и въ этой необычной обстановкѣ записалъ такое résumé своихъ дорожныхъ впечатлѣній.

«Надобно признать страннымъ такое пониманіе удовольствія, какъ путешествіе для развлеченія въ странѣ, гдѣ нѣтъ большихъ дорогъ, нѣтъ гостиницъ, нѣтъ постелей, нѣтъ даже соломы для нихъ, — я принужденъ набивать сѣномъ мой матрасъ, а также подстилку моего слуги, — нѣтъ бѣлаго хлѣба, вина, питьевой воды, нѣтъ ни пейзажей, достойныхъ созерцанія, въ сельскихъ мѣстностяхъ, ни произведеній искусства, стоящихъ изученія, въ городахъ, гдѣ зимній холодъ, если вы не бережетесь, отмораживаетъ вамъ щеки, носъ, уши, кожу на черепѣ, ноги, гдѣ въ лѣтнее время вы жаритесь днемъ и дрожите ночью; это однако — развлеченія, изъ-за которыхъ я прибылъ въ сердце Россіи!»

«Еслибы нужно было обосновать мои жалобы, я легко исполнилъ бы это... Нельзя назвать дорогою вспаханное поле, шероховатую лужайку, проведенную въ пескѣ борозду, грязную пучину, окаймленную жидкими и хилыми лѣсами; есть еще настилки изъ круглыхъ бревенъ, сельскіе длинные паркеты, на которыхъ ломаются повозки и тѣла, подплясывая, какъ на качеляхъ,—такъ велика эластичность этихъ грубыхъ сооруженій изъ дерева. Таковы дороги. Перейдемъ къ жилью. Можете ли вы счесть за гостиницу гнѣздо насѣкомыхъ, кучу нечистотъ? Не иное что-либо тѣ дома, которые вы находите на этой дорогѣ: ихъ стѣны кишатъ живыми тварями, днемъ въ нихъ ѣдятъ мухи, — жалузи и ставни — южная роскошь, почти неизвѣстная въ странѣ, гдѣ заимствуютъ только то, что блеститъ, — ночью... вы знаете, какіе враги ожидаютъ путника, не желающаго спать въ повозкѣ. Солома—рѣдкость въ странѣ съ такимъ климатомъ, что въ ней посѣвы пшеницы составляютъ диковину, и бѣлый хлѣбъ, по этой причинѣ, неизвѣстенъ въ деревняхъ. Трактирное вино, обыкновенно бѣлое и окрещенное именемъ сотерна, встрѣчается рѣдко, дорого и плохо; вода вредна почти во всѣхъ частяхъ Россіи; вы потеряете здоровье, если положитесь на завѣренія туземцевъ, которые предлагаютъ вамъ пить ее, не сдабривая шипучими порошками. Правда, во всѣхъ большихъ городахъ вы найдете сельтерскую воду,— предметъ роскоши, подтверждающій то, что я сообщаю вамъ о недоброкачественности мѣстной воды. Во всякомъ случаѣ эта сельтерская вода — цѣнный рессурсъ; но необходимость запасаться ею въ путь, часто довольно долгій, представляетъ большое неудобство. «Почему вы останавливаетесь? — говорятъ русскіе, — поступайте, какъ мы, мы ѣздимъ безъ остановокъ»... Хорошо удовольствіе—проѣхать полтораста, двѣсти, триста льё по дорогамъ, описаннымъ мною вамъ, не выходя изъ экипажа!»

«Что касается пейзажей, въ нихъ мало разнообразія; селенія такъ однообразны, что можно сказать, что во всей Россіи только одна деревня и одинъ крестьянскій домъ...»

Ярославль оказался типичнымъ русскимъ городомъ: широкія улицы, громадныя площади, пустыри между постройками, ложно-классическій стиль казенныхъ зданій, рѣзко контрастирующій съ оригинальнымъ обликомъ церквей, — всѣ эти особенности русскаго губернскаго центра были здѣсь налицо. Пустынность города, отсутствіе оживленія на улицахъ тѣмъ

болѣе поразили Кюстина, что ему было извѣстно торговое значеніе Ярославля.

Тусклый колоритъ природы гармонировалъ съ характеромъ человѣческаго населенія. Нигдѣ не видно было яркихъ красокъ, живописныхъ линій; сѣрое небо металлическаго оттѣнка, покрытое свинцовыми облаками, отражалось въ такой же сѣрой водѣ громадной рѣки съ обрывистыми песчаными берегами; вдоль рѣки тянулась неизмѣримая безцвѣтная равнина, на которой кое-гдѣ выдѣлялись въ видѣ пятенъ хвойные и березовые лѣса. Глядя на такую картину, Кюстинъ не премнулъ еще разъ отмѣтить хвастовство русскихъ, вводящихъ иностранца въ заблужденіе хвалебными отзывами о своей родинѣ.

Слѣдующій день былъ проведенъ Кюстиномъ у ярославскаго губернатора, въ кругу его семьи и родныхъ. Это общество обмануло ожиданія путешественника: онъ нашелъ здѣсь не «vrais boyards», какими раньше рисовались ему представители высшаго круга русскаго провинціальнаго общества, но людей, прошедшихъ серьезную школу внѣшняго европеизма, живо интересовавшихся французской беллетристикой и обладавшихъ манерами въ стилѣ салоновъ ancien régime'a. Кюстинъ отдыхалъ душою въ этой средѣ, воскрешавшей въ его воображеніи лучшую пору французской свѣтскости; ему представлялось, что онъ «прибылъ на самую границу цивилизованнаго міра лишь затѣмъ, чтобы найти здѣсь частицу наслѣдія французскаго духа XVIII ст., духа, давно исчезнувшаго во Франціи».

Сопоставленіе съ крестьянской избой, въ которой Кюстинъ ночевалъ, напрашивалось само собою: «Камчатка и Версаль на разстояніи трехчасового перегона,— вотъ Россія», — восклицаетъ онъ, высказывая по обыкновенію свою мысль въ формѣ эффектнаго афоризма. «Контрасты рѣзки въ этой странѣ, — говоритъ онъ дальше, — до такой степени, что крестьянинъ и дворянинъ не кажутся земляками. У крѣпостного одно отечество, у господина — другое. Вспомните, что русскіе крестьяне въ теченіе долгаго времени вѣрили, что небо предоставлено только ихъ господамъ. Здѣсь государство раздѣлено въ себѣ самомъ, и единство его — только кажущееся, вотъ что я вижу въ Россіи: знать такъ культурна, точно она должна жить въ другой странѣ, а крестьянинъ такъ невѣжественъ и дикъ; точно онъ подчиненъ подобнымъ ему господамъ».

Русское дворянство обладаетъ почти неограниченною властью въ своихъ имѣніяхъ, но его значеніе въ государствѣ ничтожно. Оно не образуетъ корпораціи, надѣленной извѣст-

ными политическими правами, и если отдѣльные дворяне добиваются иногда вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, то этимъ они бываютъ обязаны только своимъ успѣхамъ по службѣ и при дворѣ.

Россіей правитъ классъ второстепенныхъ чиновниковъ. Бюрократія — единственная реальная сила въ Россіи, ограничивающая фактически даже власть императора. Всемогущество ея находится въ тѣсной связи съ тактикой высшей власти: видя лишь соперниковъ въ знати и замѣщая министерскіе посты безгласными рабами, она въ своемъ ослѣпленіи предоставила «столоначальникамъ», не внушающимъ ей никакихъ опасеній, свободу опутывать своими сѣтями беззащитную страну. Появилась цѣлая армія мелкихъ агентовъ, проводящихъ въ жизнь идеи, чуждыя странѣ, и не могущихъ удовлетворять ея реальныя потребности. Но хуже всего то, что чиновничество въ массѣ относится враждебно къ существующему строю и кишитъ революціонно настроенными элементами, большинство которыхъ выходитъ изъ духовнаго званія. «Полупросвѣщенные, либеральные, какъ честолюбцы, деспотичные, какъ рабы, проникнутые философскими идеями, плохо согласованными и совершенно непримѣнимыми въ странѣ, которую они называютъ отечествомъ, хотя всѣ ихъ взгляды и все ихъ полупросвѣщеніе иноземнаго происхожденія, эти люди толкаютъ націю къ цѣли, неизвѣстной, быть можетъ, имъ самимъ, невѣдомой императору, и совсѣмъ не той, къ какой должны стремиться истинные русскіе, истинные друзья человѣчества».

Любопытно, что Кюстинъ счелъ правдоподобнымъ мнѣніе русскихъ, приписывавшихъ возникновеніе этого «постояннаго заговора» интригамъ Наполеона I. Послѣдній будто бы воспользовался своимъ сближеніемъ съ Александромъ I, чтобы навязать ему въ качествѣ опытныхъ помощниковъ своихъ агентовъ, которые должны были проникнуть въ администрацію и овладѣть школьнымъ дѣломъ для распространенія повсюду субверсивныхъ идей. Коварный планъ удался настолько, что наполеоновскій макіавелизмъ пережилъ военное могущество французской имперіи, и Россія стала пожинать плоды хитроумной политики своего врага уже послѣ его паденія. Революціонное настроеніе утвердилось въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества и даже въ русской арміи.

Кюстинъ поѣхалъ въ Нижній сушей, по дорогѣ, проложенной вдоль Волги. Онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы изучить строеніе береговъ рѣки и опредѣлить характеръ при-

роды Поволжья. Впечатлѣніе, производимое волжскимъ пейзажемъ, по его словамъ, импозантно, но уныло: вдоль лѣваго берега тянется неизмѣримая равнина, окраина которой едва возвышается надъ уровнемъ рѣки, правый берегъ — плато незначительной вышины, не выше пяти-шести этажнаго парижскаго дома, круто спускающееся къ рѣкѣ и прорѣзанное многочисленными долинами притоковъ Волги. Эти долины, представляющія изъ себя продолговатые овраги съ обрывистыми боками, причинили Кюстину немало тревогъ и непріятностей, благодаря неумѣлой ѣздѣ ямщиковъ. На спускахъ лошади пускались вскачь и неслись галопомъ до средины бревенчатаго моста, находившагося на днѣ всякаго оврага, — каждое невѣрное движеніе лошади, каждая поломка экипажа, хотя бы и самая незначительная, грозили, по словамъ Кюстина, гибелью и людямъ, и животнымъ; эмоціи, которыя ему пришлось переживать при этомъ, были такъ сильны, что онъ не выдержалъ и при помощи фельдъегеря настоялъ на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ отпрягалась одна лошадь на спускахъ, казавшихся ему особенно опасными. Зато на подъемахъ лошади скоро выбивались изъ силъ, и ямщикамъ едва удавалось заставить ихъ тащить экипажъ въ гору.

Два дня такого пути расшатали тарантасъ, и онъ потерпѣлъ аварію въ лѣсу за Юрьевцемъ. Къ счастью, «небо послало» на выручку путнику мужика, случайно встрѣтившагося на дорогѣ, и пока этотъ мужикъ вмѣстѣ съ камердинеромъ-итальянцемъ чинилъ экипажъ, Кюстинъ воспользовался невольной остановкой, чтобы дополнить начатое раньше письмо мыслями о природной смѣтливости и граціи русскаго народа. Онъ пересказалъ вновь наблюденія, сдѣланныя имъ во время переѣзда изъ Петербурга въ Москву, добавивъ лишь замѣчанія относительно чая и народныхъ русскихъ пѣсенъ. Врожденное изящество русской натуры сказывается, по мнѣнію Кюстина, между прочимъ, въ пристрастіи крестьянъ къ чаю, этому «изысканному напитку», ставшему для нихъ предметомъ первой необходимости. Характеристика народныхъ пѣсенъ свидѣтельствуетъ о проницательности и тонко развитомъ эстетическомъ чутьѣ автора и принадлежитъ къ числу его наиболѣе мѣткихъ обобщеній.

«Унылость русскихъ пѣсенъ поражаетъ всѣхъ иностранцевъ; но эта музыка не только меланхолична, она—ученая и сложная: она слагается изъ мелодій, являющихся плодомъ вдохновенія, и въ то же время изъ очень изысканныхъ гармоническихъ комбинацій, какія въ другихъ странахъ получаются лишь путемъ

изученія и разсчета. Часто, проѣзжая деревни, я останавливаюсь послушать пѣсни, исполняемыя тремя и четырьмя голосами съ точностью и музыкальнымъ инстинктомъ, которыми я постоянно восхищаюсь. Пѣвцы этихъ сельскихъ квинтетовъ угадываютъ законы контрапункта, правила композиціи, гармонію, эффекты различныхъ голосовъ и пренебрегаютъ унисономъ. Они исполняютъ ряды аккордовъ изысканныхъ, неожиданныхъ, прерываемыхъ руладами и деликатными украшеніями. Но, несмотря на тонкость своей организаціи, они не всегда поютъ вполнѣ вѣрно; этому нельзя удивляться, когда за трудную музыку принимаются голоса хриплые и утомленные, но если пѣвцы молоды, эффекты, которыхъ они достигаютъ исполненіемъ этихъ искусно обработанныхъ вещей, представляются мнѣ значительно превосходящими эффекты національныхъ мелодій, слышимыхъ въ другихъ странахъ».

«Пѣніе русскихъ крестьянъ—громкое причитаніе въ носъ, очень непріятное въ одноголосомъ исполненіи; но въ исполненіи хоровомъ эти жалобы принимаютъ серьезный, религіозный характеръ и производятъ изумительные гармоническіе эффекты. Размѣщеніе различныхъ партій, неожиданная смѣна аккордовъ, рисунокъ композиціи, вступленія голосовъ,—все это трогательно и никогда не бываетъ пошло; это—единственныя народныя пѣсни, въ которыхъ я слышалъ рулады въ изобиліи. Такія украшенія, всегда плохо исполняемыя крестьянами, непріятны для слуха; тѣмъ не менѣе ensemble этихъ сельскихъ хоровъ оригиналенъ и даже красивъ».

«Я думалъ, что русская музыка принесена изъ Византіи въ Московію, но меня увѣряютъ, что она, напротивъ, туземнаго происхожденія; этимъ можетъ объясняться глубокая меланхолія напѣвовъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ напускная веселость создается живостью движенія. Если русскіе не умѣютъ возставать противъ гнета, они умѣютъ вздыхать и стонать».

«На мѣстѣ императора я не удовольствовался бы запрещеніемъ жалобъ подданнымъ, я запретилъ бы и пѣніе,—замаскированную жалобу; такіе скорбные тоны являются признаніемъ и могутъ стать обвиненіемъ,—вѣдь даже искусство, если оно національно, нельзя считать невиннымъ: оно—замаскированный протестъ».

Въ Нижнемъ Кюстинъ былъ пораженъ красотою высокаго берега, «мыса», по его опредѣленію, между Окою и Волгой, на которомъ расположена прибрежная часть города. «Это, говоритъ онъ,—мѣсто, съ котораго надо писать картину; до сихъ

поръ въ Россіи я любовался живописными видами только на улицахъ Москвы и на петербургскихъ набережныхъ, а эти виды созданы человѣкомъ; здѣсь же мѣстность красива сама по себѣ».

Ярмарка была въ полномъ разгарѣ. Въ гостинницахъ не оказалось ни одной свободной комнаты, и лишь послѣ долгихъ скитаній по городу Кюстину удалось найти пристанище въ трактирѣ, гдѣ одна грязная зала, наскоро приспособленная для ночлега, обошлась ему дороже, чѣмъ лучшій аппартаментъ въ парижскомъ hôtel des Princes. Въ этой импровизованной спальнѣ онъ впервые увидалъ черныхъ таракановъ, внушившихъ ему непреодолимое отвращеніе. «Нечистота, апатія, о которыхъ свидѣтельствуетъ присутствіе подобныхъ насѣкомыхъ въ человѣческихъ жилищахъ, заставляютъ меня жалѣть о томъ, что я рѣшился объѣхать эту часть земного шара. Мнѣ кажется, что терпѣть близъ себя гнусныхъ тварей — нравственное паденіе...»

Кюстинъ осмотрѣлъ ярмарку въ сопровожденіи одного московскаго купца. Площадь, занятая ею, показалась ему громадной, и особенно импозантное впечатлѣніе произвели на него склады различныхъ товаровъ, размѣстившіеся на окраинахъ ярмарочной территоріи, внѣ главныхъ рядовъ: эти склады онъ называетъ «городами» (villes). Ярмаркѣ удѣлено у него не менѣе двадцати страницъ, но описаніе ея, при всей своей обстоятельности, блѣдно и можетъ представлять интересъ только для иностранца, ищущаго главнымъ образомъ фактическихъ данныхъ, какими наполняются разные путеводители.

Въ Нижнемъ Кюстинъ ознакомился съ интереснымъ русскимъ типомъ въ лицѣ мѣстнаго губернатора Бутурлина. Этотъ субъектъ, оказавшійся чрезвычайно словоохотливымъ собесѣдникомъ, задался, очевидно, цѣлью внушить квалифицированному иностранцу самое выгодное представленіе о русскихъ порядкахъ и выполнилъ эту задачу съ наивной развязностью апологета русской «государственности», не подозрѣвающаго, что азіатская точка зрѣнія не для всѣхъ обязательна.

Бутурлинъ обстоятельно разсказалъ, какъ онъ вводилъ въ дѣйствіе на ярмаркѣ появившійся въ томъ году указъ о девальваціи ассигнацій. Онъ созвалъ къ себѣ именитое купечество, разъяснилъ благодѣтельное значеніе новой правительственной мѣры и въ заключеніе заявилъ, что императоръ желаетъ ея немедленнаго осуществленія, а потому всѣ частные интересы должны стушеваться передъ исполненіемъ высочайшей воли.

Купечество осмѣлилось почтительно представить губернатору, что указъ, получая обратную силу, можетъ отразиться крайне вредно на торговыхъ сдѣлкахъ, заключенныхъ ранѣе его изданія,—многіе воспользуются новымъ курсомъ рубля, чтобы обсчитать своихъ кредиторовъ, а это повлечетъ массу банкротствъ. Въ отвѣтъ на такое представленіе губернаторъ кротко поставилъ купцамъ на видъ, что всякое промедленіе въ исполненіи царской воли будетъ отзываться сопротивленіемъ ей и что строптивость именитаго купечества, какъ опасный примѣръ, имѣетъ гораздо болѣе серьезное значеніе для страны, чѣмъ нѣсколько банкротствъ, которыя къ тому же можно преслѣдовать по существующимъ законамъ. Рѣчи губернатора, конечно, возымѣли должное дѣйствіе,—на другой же день указъ вошелъ въ силу и; къ удовольствію Бутурлина, не произвелъ никакихъ пертурбацій въ торговомъ мірѣ: никто не воспользовался имъ для обезцѣненія обязательствъ.

Такой результатъ сначала поразилъ Кюстина, но, поразмысливъ немного, онъ нашелъ, что изумляться тутъ нечему. Указъ сталъ дѣйствовать—на бумагѣ, а правительству только этого и надо: оно добивается прежде всего, какою бы то ни было цѣною, молчанія. Расплата по старому курсу была признана въ торговой средѣ обязательной въ силу того, очень простого и вѣрнаго, соображенія, что прочность долговыхъ обязательствъ—необходимое условіе для успѣховъ торговли. Тѣ, которымъ банкротство могло быть выгодно, поняли, что имъ не избѣжать за него суроваго преслѣдованія, потому что на нихъ правительство станетъ вымещать скандальные результаты своей новой мѣры. Словомъ, Кюстину скоро стало ясно, что купцы, не захотѣвшіе разорять другъ друга по силѣ указа, руководились очень обычнымъ въ Россіи мотивомъ,—нежеланіемъ вмѣшивать въ свои дѣла правительство.

Кюстинъ не рѣшился передать губернатору дошедшіе до него толки о цѣли новой финансовой мѣры. «Злые языки» нашептывали ему, что правительство всегда обогащается на подобныхъ операціяхъ и не брезгаетъ при этомъ махинаціями, о которыхъ нельзя было громко говорить. «Я не знаю,—продолжаетъ онъ,—къ какимъ тайнымъ маневрамъ прибѣгли на этотъ разъ, но, чтобы уяснить ихъ себѣ, я представляю себѣ положеніе довѣреннаго лица по отношенію къ человѣку, ввѣряющему ему значительную сумму. Если получившій ее властенъ по желанію утроить цѣнность каждой изъ монетъ, составляющихъ сумму, то ясно, что онъ можетъ вернуть вкладъ,

сохранивъ въ своихъ рукахъ двѣ трети того, что ему было передано. Я не говорю, что таковъ былъ результатъ мѣры, принятой по повелѣнію императора, но я высказываю это предположеніе среди множества другихъ, чтобы помочь себѣ понять злорѣчіе или, если угодно, клеветы недовольныхъ. Они добавляютъ, что прибыль отъ этой операціи, столь торопливо выполненной и сводящейся къ тому, что декретомъ понижается на извѣстную долю прежняя цѣнность бумажныхъ денегъ для того, чтобы въ той же пропорціи увеличилась цѣнность серебрянаго рубля, опредѣлена на возмѣщеніе личной казнѣ государя тѣхъ суммъ, которыя пришлось взять изъ нея, чтобы отстроить *на его счетъ* (курсивъ К.) Зимній дворецъ и отклонить съ великодушіемъ, изумившимъ Европу и Россію, приношенія городовъ, многихъ частныхъ лицъ и главныхъ негоціантовъ, стремившихся способствовать возобновленію національнаго зданія, потому что оно служитъ жильемъ главѣ государства».

Кюстинъ не только сумѣлъ оцѣнить по достоинству факты, сообщенные ему губернаторомъ, но и сдѣлалъ изъ нихъ общій выводъ, какого менѣе всего могъ ожидать этотъ патріотъ казеннаго образца. «Подробный анализъ, которому я счелъ нужнымъ подвергнуть это патріотическое шарлатанство,—пишетъ онъ своему корреспонденту,—дастъ вамъ возможность судить о значеніи, какое здѣсь придается истинѣ, о малой цѣнности благороднѣйшихъ чувствъ и красивѣйшихъ фразъ, наконецъ, о смутности идей, необходимомъ результатѣ этой вѣчной комедіи. Для житья въ Россіи скрытности мало, необходимо притворство. Скрывать полезно, притворяться нужно; словомъ, я предоставляю вамъ вообразить и оцѣнить усилія, на какія обрекаютъ себя возвышенныя души и независимые умы, чтобы сносить режимъ, оплачивающій спокойствіе и порядокъ обезцѣненіемъ человѣческаго слова, священнѣйшаго изъ всѣхъ даровъ неба для человѣка, у котораго есть что-либо священное... Въ обыкновенныхъ обществахъ торопится нація, подстегиваетъ народъ, и тормозитъ правительство; здѣсь подстегиваетъ правительство, а задерживаетъ народъ, ибо для существованія политической машины необходимо, чтобы гдѣ-либо былъ охранительный духъ. Смѣщеніе идей, отмѣчаемое мною здѣсь, есть политическій феноменъ, который до сихъ поръ я имѣлъ случай наблюдать только въ Россіи. При абсолютизмѣ революціонно правительство, потому что «революція» означаетъ произвольный режимъ и насильственную власть».

Не менѣе критически отнесся Кюстинъ къ набросанной Бу-

турлинымъ картинѣ почти идиллическихъ отношеній между помѣщиками и крѣпостными крестьянами, охраняемыхъ благожелательною и кроткою властью. По словамъ губернатора, крестьяне могли пріобрѣтать землю на имя помѣщиковъ и спокойно владѣть ею: въ царствованіе Николая I ни одинъ помѣщикъ не рѣшился бы отнять у своего крестьянина плодъ его труда и предпріимчивости. На стражѣ крестьянскихъ интересовъ стояли представители власти, съ успѣхомъ ограждавшіе ихъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Законы въ Россіи,—говорилъ Бутурлинъ,—такъ суровы, что ихъ слѣдуетъ примѣнять осмотрительно и въ рѣдкихъ случаяхъ,—иначе пострадаетъ престижъ власти. Поэтому губернаторъ, желая пресѣчь злоупотребленія помѣщика, пробуетъ сначала мѣры моральнаго воздѣйствія и только въ случаѣ неуспѣха предаетъ провинившагося сословному суду, который можетъ назначить надъ нимъ опеку.

Кюстинъ сразу понялъ призрачность этой идилліи. Благоденствіе крестьянъ, очевидно, не можетъ быть прочнымъ, если единственною гарантіей его является добрая воля помѣщика; закономъ права ихъ не ограждены, вѣрнѣе,—никакихъ правъ у нихъ нѣтъ, они «мертвы въ законѣ». Такое положеніе дѣла открываетъ тѣмъ болѣе широкій просторъ проявленіямъ помѣщичьяго произвола, что въ рабовладѣльческой средѣ чувство порядочности развито крайне слабо. Выслушивая рѣчи губернатора, Кюстинъ, конечно, помнилъ поучительный фактъ, сообщенный ему незадолго передъ тѣмъ: отецъ жившаго въ то время графа Tcheremitcheff (очевидно, Шереметева) обѣщалъ волю одному изъ своихъ крестьянъ за 50 тыс. рублей, но, получивъ деньги, оставилъ его у себя въ числѣ крѣпостныхъ. На вмѣшательство администраціи въ той формѣ, какую не безъ гордости изобразилъ Бутурлинъ, большихъ надеждъ потерпѣвшимъ возлагать не приходится,—пока губернаторъ увѣщеваетъ зарвавшагося помѣщика, крестьянинъ сто разъ успѣетъ умереть подъ кнутомъ въ господской конюшнѣ. Вообще губернаторская юстиція — крайне несовершенный суррогатъ суда, и если тѣмъ не менѣе она стала господствующимъ видомъ правосудія въ Россіи, то только потому, что власть всячески навязываетъ ее населенію, а къ судебнымъ учрежденіямъ послѣднее не питаетъ никакого довѣрія.

«Но не почувствуете ли вы нѣкоторое состраданіе къ путешественнику,—говоритъ Кюстинъ въ заключеніе,—затерянному среди общества, гдѣ факты не болѣе убѣдительны, чѣмъ

слова? Бахвальство русскихъ оказываетъ на меня дѣйствіе противоположное тому, на какое они разсчитываютъ: на первыхъ же порахъ я замѣчаю желаніе ослѣпить меня и тотчасъ настораживаюсь, а потому изъ безпристрастнаго зрителя, какимъ я былъ бы безъ ихъ фанфаронадъ, превращаюсь невольно во враждебнаго наблюдателя».

Вмѣстѣ съ губернаторомъ Кюстинъ осмотрѣлъ нижегородскій Кремль и поклонился гробницѣ Минина въ соборѣ. Интересна и характерна въ своемъ родѣ судьба знамени нижегородскаго ополченія, о которой онъ сообщаетъ по этому поводу,—конечно, не со словъ своего cicerone. Знамя, хранившееся въ какой то деревнѣ «между Ярославлемъ и Нижнимъ», въ 1812 году было вытребовано въ армію, причемъ правительство клятвенно обѣщало крестьянамъ, его обладателямъ, возвратить его послѣ пораженія непріятеля. Клятва была нарушена,—знамя по окончаніи войны было сдано въ Оружейную палату въ Москвѣ, а крестьяне получили его копію, «вполнѣ сходную съ оригиналомъ», какъ имъ объяснили снисходительно. «Таковы уроки морали и добросовѣстности, даваемые русскому народу его правительствомъ. Правда, то же самое правительство не стало бы такъ вести себя въ иныхъ условіяхъ»...

Въ соборѣ Кюстина поразило курьезное разоблаченіе не менѣе характернаго свойства. Видимая древность этого зданія произвела на него сильное впечатлѣніе; если въ немъ находится гробница Минина,—думалъ онъ,—несомнѣнно, оно простояло нетронутымъ въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ.

— Вотъ одна изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ интересныхъ церквей, какія я посѣтилъ въ вашей странѣ,—сказалъ онъ губернатору.

— Это я построилъ ее,—отвѣтилъ тотъ.

— Какъ? Что вы хотите сказать? Вы ее реставрировали, безъ сомнѣнія?

— Нѣтъ. Старая церковь разрушалась: императоръ рѣшилъ, что лучше ее отстроить заново, чѣмъ чинить; менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ она была на пятьдесятъ шаговъ дальше и образовала выступъ, нарушавшій правильность внутренности нашего Кремля.

— Но останки Минина?..

— Ихъ выкопали изъ земли вмѣстѣ съ останками великихъ князей, за которыми они послѣдовали; всѣ они теперь въ новой гробницѣ, плиту которой вы видите.

«...Вы видѣли,—заканчиваетъ Кюстинъ свой разсказъ,—

какъ понимается здѣсь почитаніе покойниковъ, уваженіе къ историческимъ памятникамъ и культъ изящныхъ искусствъ. Однако императоръ, зная, что древности—вещи почитаемыя, хочетъ, чтобы церковь, построенная вчера, чтилась, какъ старая; а какъ онъ достигаетъ этого? Онъ говоритъ, что она стара, и она таковой становится; эта власть превращается въ божество. Новая церковь Мишша въ Нижнемъ—церковь древняя, и если вы сомнѣваетесь въ этой истинѣ, вы мятежникъ».

Велико было недоумѣніе Кюстина, когда онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что власть губернатора, именемъ царя творящая почти чудеса, оказывается безсильной въ столкновеніи съ такимъ съ виду ничтожнымъ правительственнымъ агентомъ, какъ фельдъегерь. Собираясь прокатиться по ярмаркѣ съ купцомъ и его братомъ, Кюстинъ рѣшилъ взять съ собою фельдъегеря. Послѣдній усѣлся въ коляскѣ и, несмотря на всѣ настоянія Кюстина, не захотѣлъ занять свое обычное мѣсто на козлахъ. «Это (козлы) мое мѣсто въ дорогѣ,—возражалъ онъ,—а на прогулкѣ я долженъ сидѣть въ экипажѣ. Я ношу мундиръ, занимаю классную должность; я не лакей, я—слуга императора... Въ награду за хорошее поведеніе мнѣ сулятъ дворянство; мнѣ хочется получить его, потому что я честолюбивъ». Видя, что упорство «царскаго слуги» сломить нельзя, Кюстинъ высадилъ его изъ коляски и на другой день пожаловался на него губернатору, но, къ удивленію путешественника, представитель верховной власти ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ. «Гдѣ же сила въ странѣ съ такими порядками?»—восклицаетъ Кюстинъ по этому поводу.

Въ Нижнемъ онъ узналъ, что броженіе среди крестьянъ не прекратилось и давало себя знать спорадическими расправами съ помѣщиками. Обостренность отношеній между землевладѣльцами и крестьянствомъ онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что послѣднее было выведено изъ терпѣнія главнымъ образомъ гнетомъ, которому оно подвергалось въ имѣніяхъ свѣжеиспеченныхъ дворянъ, вышедшихъ изъ другихъ сословій. «Вовсе не парадоксъ выдвигаю я, утверждая, что только родовая аристократія могла бы смягчить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи и подготовить ихъ къ благамъ освобожденія путемъ тихаго и нечувствительнаго перехода къ нему. Ихъ закрѣпощеніе новымъ помѣщикамъ становится для нихъ невыносимымъ. Старые по рожденію выше ихъ,—это тяжко; но они раждаются у нихъ, среди нихъ,—это утѣшеніе; къ тому же привычка къ власти свойственна однимъ, какъ привычка къ рабству—дру-

гимъ, а привычка смягчаетъ все: она ослабляетъ несправедливость сильныхъ, облегчаетъ иго слабымъ; вотъ почему подвижность состояній и положеній производитъ чудовищные результаты въ странѣ, подчиненной крѣпостническому режиму; однако эта подвижность обусловливаетъ прочность настоящаго положенія вещей въ Россіи, потому что она миритъ съ нимъ массу людей, умѣющихъ извлекать изъ него выгоду... Ужасный кругъ, въ которомъ вращается все населеніе этой обширной имперіи! Такое состояніе общества есть запутанная сѣть, каждая петля которой становится узломъ, стягивающимся при попыткѣ развязать его. Этотъ господинъ, этотъ новый богъ,—на какомъ основаніи его обожаютъ? Его обожаютъ потому, что у него оказалось достаточно денегъ, что онъ умѣлъ интриговать достаточно ловко для того, чтобы получить возможность купить землю, къ которой прикрѣплены всѣ люди, падающіе ницъ передъ нимъ. Выскочка представляется мнѣ чудовищемъ въ странѣ, гдѣ жизнь бѣдняка зависитъ отъ богатаго и гдѣ человѣкъ составляетъ имущество человѣка. Промышленное движеніе и недвижность крѣпостного права, сочетавшіяся въ одномъ обществѣ, производятъ возмутительные результаты; но деспотъ любитъ выскочку: это—его креатура! Представляете ли вы себѣ положеніе новаго помѣщика? Вчера его рабъ былъ ему ровня; его болѣе или менѣе честный трудъ, его болѣе или менѣе низкое, болѣе или менѣе умѣлое угодничество дали ему возможность купить извѣстное число его товарищей, которые сегодня—его рабы. Стать вьючнымъ животнымъ у своего ровни, это—зло нестерпимое. Таковъ однако результатъ, къ какому можетъ привести нечестивый союзъ проникнутыхъ произволомъ обычаевъ и либеральныхъ или, вѣрнѣе, непрочныхъ учрежденій; въ другихъ странахъ человѣкъ, успѣвающій въ жизни, не заставляетъ побѣжденныхъ соперниковъ цѣловать его ноги. Самая вопіющая несообразность стала основою русскаго строя».

Внезапное нездоровье заставило Кюстина отказаться отъ предположенной поѣздки въ Казань; пролежавъ нѣсколько дней въ постели, онъ выѣхалъ въ Москву черезъ Владиміръ. По дорогѣ онъ замѣтилъ,—уже не въ первый разъ,—плохое состояніе лѣсовъ, безпощадно вырубаемыхъ. По его соображеніямъ, уже тогда можно было предвидѣть полное истощеніе запасовъ топлива въ Россіи, но когда онъ заявлялъ объ этомъ русскимъ, они смѣялись ему въ глаза. Развѣ въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ губернаторами, не было показано точное количество десятинъ лѣса во всѣхъ губерніяхъ и развѣ изъ этой

официальной статистики не явствовало, что на истребленіе лѣсовъ въ Россіи потребуются многія тысячи лѣтъ? Но,—замѣчаетъ Кюстинъ,—русскіе лѣса громадны только въ министерскихъ бюро. «Благодаря беззаботности администраціи, можно предвидѣть моментъ, когда они (русскіе) станутъ топить дома бумагами, нагроможденными въ ихъ канцеляріяхъ: это богатство растетъ съ каждымъ днемъ».

Въ пути, уже за Владиміромъ, Кюстину пришлось пережить сильное и неожиданное потрясеніе: встрѣча со слономъ, подаренным русскому императору персидскимъ шахомъ, едва не стоила ему жизни. При видѣ необыкновеннаго животнаго, величественно шагавшаго по дорогѣ въ сопровожденіи отряда казаковъ, лошади Кюстина понесли, и только смѣлости и ловкости своего камердинера Антоніо, сумѣвшаго остановить ихъ въ самый критическій моментъ, былъ онъ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Въ Москвѣ Кюстинъ засталъ приготовленія къ пріему царя, который долженъ былъ посѣтить старую столицу послѣ большихъ маневровъ въ Бородинѣ, сопровождавшихъ торжественное открытіе памятника на полѣ сраженія. Какъ намъ уже извѣстно, Кюстинъ рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Бородино, куда онъ былъ приглашенъ самимъ Николаемъ, подъ впечатлѣніемъ письма княгини Трубецкой. Къ этому мотиву прибавились потомъ и другіе. При встрѣчѣ съ императоромъ, очевидно, нельзя было избѣжать разговора о новыхъ постройкахъ въ Кремлѣ, а отозваться о нихъ съ похвалою Кюстинъ былъ рѣшительно не въ силахъ. Къ тому же онъ понялъ, что ему въ качествѣ француза неудобно присутствовать при торжествѣ, воскрешающемъ воспоминанія о несчастіяхъ Франціи.

Самая, такъ сказать, режиссерская концепція бородинскаго военнаго спектакля показалась ему крайне несимпатичной. Задачей маневровъ было точное воспроизведеніе историческаго сраженія, и для пущей реальности къ участію въ нихъ были привлечены всѣ ветераны 1812 года, бившіеся подъ Бородинымъ. Со всѣхъ концовъ Россіи въ Бородино были созваны старики-солдаты, до тѣхъ поръ доживавшіе свой вѣкъ въ безвѣстности и теперь вдругъ почтенные, въ воздаяніе своихъ забытыхъ заслугъ, ролью статистовъ въ парадномъ императорскомъ спектаклѣ.

«Кто захотѣлъ бы осмѣять военную жизнь, и тотъ не поступилъ бы иначе: такъ Гольбейнъ въ своей «пляскѣ смерти» создалъ карикатуру человѣческой жизни. Многіе изъ этихъ людей, раз-

буженные внезапно на краю гроба, давно не садились на коня, и вотъ они принуждены, въ угоду повелителю, котораго они никогда не видали, вновь играть свою роль, несмотря на то, что они забыли свое ремесло; несчастные такъ боятся обмануть ожиданія своенравнаго властелина, тревожащаго ихъ старость, что представленіе сраженія, по ихъ словамъ, страшитъ ихъ болѣе, чѣмъ страшила дѣйствительность. Это безполезное торжество, эта военная причуда доканаетъ солдатъ, пощаженныхъ самымъ событіемъ и годами, — поступки, достойные одного изъ преемниковъ того царя, который приказалъ впустить живыхъ медвѣдей на маскарадъ, устроенный имъ по случаю свадьбы его шута: это сдѣлалъ Петръ Великій. Источникъ всѣхъ этихъ развлеченій—одна и та же мысль: презрѣніе къ человѣческой жизни».

«Вотъ куда ведетъ власть человѣка надъ людьми; думаете ли вы, что съ нею сравнятся когда-либо власти законовъ надъ гражданами? Всегда между этими двумя видами власти будетъ громадное разстояніе».

«...Еслибъ еще актеры, взявшіеся играть исторію, были правдивы на этотъ разъ! Но какъ ждать, что къ истинѣ вдругъ начнутъ относиться съ уваженіемъ люди, которые всю жизнь ни во что не ставили ее?»

Бородинскій памятникъ былъ воздвигнутъ въ честь Багратіона, который своимъ посмертнымъ титуломъ главнаго героя войны 1812 года былъ обязанъ только желанію императора, тогда какъ тотъ, кому Кюстинъ приписывалъ счастливый для русскихъ исходъ ея, кто, по его мнѣнію, составилъ планъ кампаніи и настоялъ на постепенномъ отступленіи русской арміи вглубь страны,—ки. Витгенштейнъ даже не былъ приглашенъ на торжество и жилъ, почти въ опалѣ, въ своемъ помѣстьѣ. «Это отсутствіе правильнаго пониманія исторіи, это самовольство, навязывающее свои взгляды всѣмъ, диктующее населенію даже сужденія о фактахъ національнаго значенія», представлялось Кюстину самымъ возмутительнымъ изъ всѣхъ проявленій плачевнаго режима.

Вѣсти о ходѣ маневровъ еще усилили его негодованіе. Оказалось, что воспроизведеніе сраженія не обошлось безъ крупнаго отступленія отъ исторической правды: императоръ Николай, командовавшій однимъ корпусомъ арміи, изображавшей непріятеля, отступилъ въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ, повторяя дѣйствія французовъ въ 1812 году, овладѣть русскою позиціей. Такое же свободное обращеніе съ истори-

ческими фактами сказалось и въ императорскомъ приказѣ по арміи, въ которомъ заявлялось, что русскіе добровольно отступили за Москву, т. е., другими словами, не проиграли бородинскаго сраженія.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы Кюстинъ случайно узналъ о внезапномъ арестѣ молодого француза Перне, котораго московская полиція, не объясняя причины задержанія, подвергла одиночному заключенію. Кюстинъ принялся горячо хлопотать объ освобожденіи пострадавшаго соотечественника, но его усилія были безуспѣшны: всѣ, къ кому онъ обращался за содѣйствіемъ,—французъ, бывшій спутникомъ Перне въ поѣздкѣ по Россіи, вліятельная русская особа, имя и даже соціальное положеніе которой онъ счелъ необходимымъ скрыть, французскій консулъ,—уклонились подъ разными предлогами отъ вмѣшательства въ это дѣло. Кюстинъ уѣхалъ въ Петербургъ и немедленно обратился къ французскому послу Баранту; по настоянію послѣдняго плѣнникъ получилъ свободу. Впослѣдствіи, уже въ Парижѣ, Перне, явившись къ Кюстину, чтобы выразить благодарность за хлопоты, разсказалъ ему исторію своего московскаго ареста. Онъ былъ заключенъ въ одной изъ московскихъ частей и провелъ первые дни въ одиночной камерѣ, по сосѣдству съ которой, на внутреннемъ дворѣ, производились экзекуціи надъ крѣпостными людьми по требованіямъ хозяевъ, присылавшихъ ихъ на расправу въ полицію; за тонкой стѣной темницы Перне цѣлый день съ ранняго утра слышались свистъ розогъ, стоны жертвъ и ругань палачей. «Эти розги, замѣняющія обыкновенно, со времени смягченія нравовъ, монгольской памяти кнутъ, суть тростинки, расщепленныя на три части, инструментъ, сдирающій кожу при каждомъ ударѣ; на пятнадцатомъ паціентъ почти всегда уже не въ силахъ кричать,—тогда его ослабѣвшій голосъ можетъ издавать только глухіе и протяжные стоны; это ужасное хрипѣніе истязуемыхъ пронизывало сердце плѣнника и предвѣщало ему участь, о которой онъ не осмѣливался помыслить». Двѣ дѣвушки, работницы извѣстной въ Москвѣ модистки, получили, въ присутствіи своей хозяйки, въ нѣсколько пріемовъ по 180 ударовъ: «чувствуется близость помѣшательства, когда приходится присутствовать при такихъ ужасахъ, и нельзя ничего сдѣлать, чтобы помочь жертвамъ». Французъ пробылъ въ заключеніи три недѣли. При освобожденіи ему было приказано покинуть Россію, но причина ареста не была объявлена; по его догадкѣ, ему пришлось пострадать за откровенный отзывъ о

русскомъ образѣ правленія, высказанный имъ передъ прибытіемъ въ Россію на пароходѣ въ присутствіи нѣсколькихъ незнакомцевъ.

Кюстинъ воспользовался кратковременной остановкой въ Петербургѣ, чтобы осмотрѣть непосѣщенные имъ въ первый пріѣздъ Колпинскій заводъ и Академію художествъ.

Въ Колпино его сопровождалъ какой то князь, разсказавшій на возвратномъ пути характерный «анекдотъ»,—исторію превращенія француза Ловеля по волѣ императора Павла въ графа Лаваля. Ловель полюбилъ Каминскую, дѣвушку изъ знатной и богатой петербургской семьи, и сумѣлъ ей понравиться, но ея родные и слышать не хотѣли о ихъ бракѣ,—Ловель былъ человѣкъ безъ имени и состоянія. Тогда влюбленные прибѣгли къ романическому средству: выждавъ императора на улицѣ, они бросились ему въ ноги и просили его вступиться за нихъ. Павелъ, который «былъ добръ, когда бывалъ въ своемъ умѣ», взялся уладить дѣло и принудилъ Каминскихъ выдать дѣвушку за иностранца, переименованнаго имъ въ «графа де Лаваля, эмигранта знатнаго происхожденія и обладателя крупнаго состоянія». Ловель украсилъ ворота своего «hôtel'я» лѣпнымъ гербомъ Лавалей, который и оставался на нихъ, пока уже при Александрѣ I заѣхавшій въ Россію подлинный Монморанси Лаваль не добился его удаленія, что, впрочемъ, нисколько не поколебало положенія «графа» въ высшемъ петербургскомъ кругу.

Этому «анекдоту» Кюстинъ предпосылаетъ, въ видѣ вступленія, такое замѣчаніе: «До сихъ поръ я видѣлъ, какъ русскій режимъ проявляетъ свою дѣятельность по отношенію къ покойникамъ, церквамъ, историческимъ фактамъ, осужденнымъ, арестантамъ, словомъ, всему тому, что не можетъ заговорить, чтобы протестовать противъ злоупотребленія властью; на этотъ разъ мы увидимъ, какъ русскій императоръ навязываетъ одной изъ знатнѣйшихъ французскихъ фамилій родню, существованія которой она не подозрѣвала и до которой ей не было никакого дѣла».

Въ Академіи художествъ Кюстина поразили форменные костюмы и военная выправка учениковъ. «Одинъ этотъ фактъ,—пишетъ онъ,—уже свидѣтельствуетъ о глубокомъ презрѣніи къ тому, чему оказывается покровительство, или, скорѣе, о полномъ игнорированіи законовъ природы и тайнъ искусства: откровенное равнодушіе было бы менѣе варварскимъ; въ Россіи свободно только то, о чемъ правительство не заботится,—объ

искусствахъ оно слишкомъ заботится, но оно не знаетъ, что искусству нужна свобода, и что эта связь твореній генія съ независимостью человѣка сама по себѣ говорила бы о благородствѣ профессіи художника».

Кюстинъ посѣтилъ нѣсколько мастерскихъ, гдѣ видѣлъ образцы русской живописи. Онъ съ похвалой отзывается о пейзажахъ и въ особенности о картинѣ Воробьева, изображающей лѣтнюю петербургскую ночь, «прекрасной, какъ природа, и поэтичной, какъ истина». Отзывъ о Брюловѣ болѣе сдержанъ. «Послѣдній день Помпеи» произвелъ на Кюстина не очень благопріятное впечатлѣніе, но онъ нашелъ у Брюлова хорошіе задатки, правда, недостаточно использованные. «Въ «Помпеѣ» есть выраженія головъ, обѣщающія истинный талантъ. Эта картина, несмотря на замѣчаемые въ ней недостатки композиціи, выиграла бы въ гравюрѣ, ибо она больше всего грѣшитъ по части колорита».

Кюстинъ не ждетъ расцвѣта искусствъ въ Россіи. «Сосѣдство полюса неблагопріятно для искусствъ за исключеніемъ поэзіи, для которой иногда достаточно человѣческой души; тогда она—вулканъ подо льдомъ. Но для обитателей странъ съ этимъ суровымъ климатомъ музыка, живопись, танцы, всѣ чувственныя удовольствія, до извѣстной степени независимыя отъ мысли, теряютъ свою прелесть, теряя свои органы. Что сталъ бы дѣлать Рембрандтъ ночью, Корреджіо, Микель-Анджело, Рафаэль—въ неосвѣщенной комнатѣ? Сѣверъ, несомнѣнно, имѣетъ красоты, но онъ—дворецъ безъ свѣта. Здѣсь любовь менѣе связана съ чувственностью и порождается болѣе потребностями сердца, чѣмъ физическимъ влеченіемъ; но, не въ обиду будь сказано пустой роскоши власти и богатства, весь очаровательный кортежъ юности съ ея играми, граціями, смѣхомъ и пляской останавливается въ благословенныхъ странахъ, гдѣ лучи солнца не скользятъ по землѣ, едва задѣваемой ими, а грѣютъ и оплодотворяютъ, освѣщая ее съ высоты небесъ».

«Въ Россіи на всемъ лежитъ печать двойного уныній: боязни власти, отсутствія солнца... Національные танцы похожи здѣсь или на хороводы тѣней, печально выступающихъ при сумеречномъ освѣщеніи, никогда не прекращающемся, или, когда они живы, на упражненіе, къ которому принуждаютъ себя изъ опасенія заснуть и замерзнуть во снѣ. Сама mademoiselle Тальони,—увы!—m-lle Тальони въ Петербургѣ достигла совершенства, какъ танцовщица. Какое паденіе для сильфиды! Это—исторія Ундины, ставшей простою женщиной. Но когда она

ходитъ по улицамъ,—она ходитъ теперь *),—ее сопровождаютъ лакеи въ парадныхъ ливреяхъ, съ пышными кокардами на шляпахъ и золотыми галунами, и каждое утро газеты осыпаютъ ее статьями, которыя наполнены самыми смѣшными похвалами, какія я читалъ. Вотъ что русскіе, при всемъ своемъ умѣ, умѣютъ дѣлать для искусства и для артистовъ».

Въ Петербургѣ до Кюстина дошли вѣсти о «возсоединеніи» уніатовъ и о жестокихъ мѣрахъ, которыми правительство подготовило его. «Тайныя преслѣдованія, какимъ подверглись многіе уніатскіе священники, возмущаютъ самыя равнодушныя сердца, но въ странѣ, гдѣ разстоянія и тайна благопріятствуютъ произволу и оказываютъ постоянную поддержку самымъ тираническимъ актамъ, всѣ насилія остаются скрытыми. Это мнѣ напоминаетъ многозначительную поговорку, слишкомъ часто повторяемую русскими, не имѣющими заступниковъ: «до Бога высоко, до царя далеко» («Dieu est si haut! l'empereur est si loin!»). Греки, значитъ, принялись творить мучениковъ. Что сталось съ терпимостью, которою они хвастались передъ людьми, не знающими Востока?»

Собираясь покинуть Россію, Кюстинъ измѣнилъ первоначально намѣченный маршрутъ и отказался отъ посѣщенія русской Польши: онъ понялъ, что ему тяжело было бы пребываніе среди народа, заслуживающаго глубокаго сочувствія, но виновнаго до нѣкоторой степени въ обрушившихся на него несчастіяхъ. Минуя Вильну и Варшаву, онъ проѣхалъ въ Тильзитъ какимъ то инымъ путемъ.

IX.

«Никогда не забуду я того, что я чувствовалъ, переѣзжая черезъ Нѣманъ у Тильзита; въ этотъ моментъ я особенно призналъ правоту любекскаго содержателя гостиницы. Птица, улетѣвшая изъ клѣтки или вышедшая изъ-подъ колокола пневматической машины, была бы менѣе радостна. Я могу говорить, могу писать то, что думаю, я свободенъ!—восклицалъ я». Въ этихъ строкахъ вылилось у Кюстина чувство, знакомое всякому цивилизованному человѣку, покидающему Россію.

На первыхъ порахъ путешественнику не легко было освоиться съ обстановкой, въ которой онъ очутился, переѣхавъ русскую

---

*) К., очевидно, хочетъ сказать, что до пріѣзда въ Петербургъ она только порхала.

границу,—до такой степени былъ рѣзокъ контрастъ между Европой и оставшеюся позади его страною вѣчнаго рабства.

«Чистота постелей, комнатъ, порядокъ въ домахъ, гдѣ хозяйство ведется женщинами,—все казалось мнѣ очаровательнымъ и новымъ... Особенно былъ я пораженъ разнообразными очертаніями домовъ, свободнымъ видомъ крестьянъ и веселостью крестьянокъ; ихъ хорошее настроеніе почти пугало меня: здѣсь была независимость, и я боялся ея послѣдствій для нихъ; я забылъ ее. Вы видите здѣсь города, возникшіе самостоятельно, и замѣчаете, что они были построены ранѣе, чѣмъ правительство выработало ихъ планъ. Несомнѣнно, герцогская Пруссія не слыветъ страною вольности,—а вотъ, когда я проѣзжалъ по улицамъ Тильзита, а потомъ по улицамъ Кенигсберга, казалось мнѣ, что я на венеціанскомъ карнавалѣ. Я вспомнилъ тогда, что одному моему знакомому, нѣмцу, проведшему по дѣлу нѣсколько лѣтъ въ Россіи, удалось, наконецъ, покинуть эту страну навсегда; онъ былъ съ однимъ изъ своихъ друзей; едва вступивъ на англійское судно, которое только что подняло якорь, они бросились въ объятія другъ другу со словами: «слава Богу, мы можемъ свободно дышать и думать вслухъ!»

«Многіе, безъ сомнѣнія, испытали то же чувство: почему же ни одинъ путешественникъ не высказалъ его? Меня изумляетъ это непонятное мнѣ обаяніе, производимое на умы русскимъ правительствомъ. Оно добивается молчанія не только отъ своихъ подданныхъ, но, мало того,—оно даже издали внушаетъ почтеніе къ себѣ иностранцамъ, избѣгшимъ его желѣзной дисциплины. Его хвалятъ или по крайней мѣрѣ молчатъ: вотъ тайна, которой я не въ состояніи объяснить себѣ *). Если когда-либо обнародованіе этихъ путевыхъ записокъ поможетъ мнѣ постичь ее, у меня будетъ лишнее основаніе одобрять себя за искренность».

Въ Эмсѣ, въ октябрѣ 1839 г. Кюстинъ написалъ заключительную главу своего труда—*Résumé du voyage*. Въ ней онъ, наряду съ мыслями, уже развитыми ранѣе въ письмахъ, высказываетъ нѣсколько новыхъ, явившихся у него, очевидно, тогда, когда онъ на досугѣ сталъ разбираться въ впечатлѣніяхъ, вы-

---

*) Къ этой темѣ К. возвращается въ приложеніи къ 8-му тому, посвященномъ воспоминаніямъ двухъ офицеровъ наполеоновской арміи объ ужасахъ плѣна въ Россіи въ 1812 г.: онъ высказываетъ крайнее негодованіе по поводу того, что ни тотъ, ни другой не рѣшился опубликовать въ Европѣ свои мемуары.

несенныхъ изъ поѣздки по Россіи, и сообщаетъ нѣкоторыя наблюденія, не нашедшія мѣста, вѣроятно, по недосмотру въ путевыхъ наброскахъ. Résumé во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія уже потому, что въ немъ Кюстинъ попытался сгруппировать тѣ итоги своихъ переживаній въ Россіи, которые имѣли въ его глазахъ особую цѣнность.

Оно открывается уже извѣстными намъ изъ писемъ мыслями о мертвящемъ гнетѣ режима, о подражательности и безпочвенности русской «цивилизаціи», оторванной отъ національныхъ основъ, о коренной ошибкѣ творца этой цивилизаціи Петра I и его преемниковъ.

«Я не могу отрицать,—заявляетъ Кюстинъ далѣе,—я вынесъ изъ моего путешествія идеи, которыя не были моими, когда я его предпринялъ». Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ своимъ долгомъ гласно изложить ихъ, не боясь обвиненія въ отступничествѣ. Онъ не хотѣлъ описывать свое путешествіе. Но сами русскіе, постоянно допытывавшіеся, что онъ о нихъ думаетъ и скажетъ, открыли ему глаза на важное для нихъ значеніе его отзыва о Россіи. Онъ счелъ себя призваннымъ высказать откровенно свое мнѣніе о ней, тѣмъ болѣе, что, ознакомившись съ русскою жизнью, онъ испыталъ разочарованіе, заставившее его измѣнить свои прежніе взгляды. Самое гостепріимство русскихъ, сводящееся къ усиліямъ «enguirlander» иноземца,—ослѣпить казовою стороной русской жизни, пробудило въ немъ недовѣріе къ ихъ сладкимъ рѣчамъ и заставило его критически относиться къ всему, что онъ наблюдалъ въ Россіи. Кюстинъ предвидитъ, что его книга задѣнетъ самолюбіе русскихъ, но его ли вина, если злоупотребленія автократіи и національные нравы произвели на него впечатлѣніе, какого онъ самъ не ожидалъ? Итакъ, пусть русскіе узнаютъ горькую правду о себѣ,—онъ не станетъ считаться съ ихъ щекотливостью и не будетъ щадить никого.

«Императоръ, на мой взглядъ, не расположенъ сложить съ себя хотя бы часть своей власти,—такъ пусть онъ несетъ отвѣтственность за всемогущество...

«Французскіе короли въ варварскія времена нерѣдко сѣкли головы своимъ крупнымъ вассаламъ; одинъ король тираннической памяти съ утонченною жестокостью распорядился, чтобы кровь отца была пролита на дѣтей, помѣщенныхъ подъ эшафотомъ: тѣмъ не менѣе, при всей своей суровости, эти неограниченные государи, убивая враговъ, лишая ихъ имущества, избивая ихъ, не рѣшались унизительными указами унижать въ нихъ ихъ

касту, родъ, родину,—такое забвеніе всякаго достоинства возмутило бы населеніе Франціи даже въ средніе вѣка. Но русскій народъ и не то еще сноситъ. Скажемъ точнѣе,—русскаго народа еще нѣтъ... Есть императоры, есть крѣпостники, царедворцы, тоже имѣющіе крѣпостныхъ: все это не составляетъ народа».

Русскіе крайне самолюбивы и въ то же время до смѣшного дорожатъ мнѣніемъ постороннихъ; имъ хотѣлось бы, чтобы иноземцы или восхваляли ихъ, или по крайней мѣрѣ не высказывали того, что о нихъ думаютъ. Цитатами изъ Карамзина Кюстинъ доказываетъ, что даже этотъ робкій историкъ-царедворецъ рѣшился говорить правду о своихъ соотечественникахъ; тѣмъ несомнѣннѣе право иностранца на такую откровенность.

Послѣ этой оговорки Кюстинъ приступаетъ къ изложенію своихъ заключеній о характерѣ русскихъ и начинаетъ съ исключенія, которое ему пришлось наблюдать среди нихъ.

«Въ странѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ съ колыбели людямъ прививаются скрытность и тонкости восточной политики, естественность должна быть болѣе рѣдкимъ качествомъ, нежели въ другихъ мѣстахъ; поэтому, когда она тамъ встрѣчается, она имѣетъ особую прелесть. Я видалъ въ Россіи людей, краснѣющихъ при мысли о гнетѣ суроваго режима, подъ которымъ они принуждены жить, не смѣя жаловаться; они ѣдутъ на войну въ глубинѣ Кавказа, чтобы отдохнуть отъ ига, тяготѣющаго на нихъ на родинѣ. Эта печальная жизнь накладываетъ преждевременно на ихъ чело печать меланхоліи, контрастирующую съ ихъ военными привычками и беззаботностью ихъ возраста; морщины юности обличаютъ глубокія скорби и вызываютъ живѣйшее состраданіе; эти молодые люди заимствовали у Востока его серьезность, у воображенія сѣверныхъ народовъ—туманность и мечтательность; они очень несчастны и очень привлекательны; ни одинъ обитатель иныхъ странъ не походитъ на нихъ».

Вообще, природныя свойства русскихъ разгадать очень трудно: никакой характеръ не поддается опредѣленію такъ туго, какъ характеръ этого народа. «Безъ средневѣковья, безъ воспоминаній о старинѣ, безъ католицизма, безъ рыцарства въ прошломъ, безъ уваженія къ своему слову *), всегда родственные византійскимъ грекамъ, формально вѣжливые подобно китаій-

---

*) Не взирая на все то, что сказано выше, полезно, можетъ быть, замѣтить, что это относится только къ массамъ, которыми въ Россіи руководитъ лишь страхъ и сила. *Прим. К.*

цамъ, грубые или по крайней мѣрѣ неделикатные, какъ калмыки, грязные, какъ лапландцы, прекрасные, какъ ангелы, невѣжественные, какъ дикари (я дѣлаю исключеніе для женщинъ и нѣсколькихъ дипломатовъ), хитрые, какъ евреи, склонные къ интригамъ, какъ вольноотпущенники, обладающіе мягкими и важными манерами подобно восточнымъ людямъ, жестокіе въ душѣ, какъ варвары, саркастичные и презрительные съ горя, вдвойнѣ насмѣшливые по природѣ и въ силу сознанія своей слабости, легкомысленные,—только наружно,—русскіе по существу пригодны для серьезныхъ дѣлъ; всѣ они обладаютъ умомъ, нужнымъ для пріобрѣтенія необычайно изощреннаго такта, но ни у одного нѣтъ достаточнаго величія души, чтобы подняться выше тонкости; поэтому они внушили мнѣ отвращеніе къ этому качеству, необходимому для житья съ ними. Постоянно слѣдя за собою, они, на мой взглядъ, самые жалкіе на свѣтѣ люди. Чувство приличія, эта полиція воображенія,—печальное качество, въ силу котораго собственные взгляды непрерывно приносятся въ жертву чужимъ, качество отрицательное, исключающее гораздо болѣе высокія положительныя качества; оно--средство пропитанія для честолюбивыхъ царедворцевъ, которые готовы подчиняться чужой волѣ, слѣдовать внушеніямъ, угадывать ихъ, но которыхъ прогнали бы въ тотъ день, когда они вздумали бы дѣлать ихъ. Вѣдь для того, чтобы дѣлать внушенія, нужно обладать геніемъ; геній—тактъ силы, тактъ—лишь геній слабости. Русскіе—воплощенный тактъ. Геній дѣйствуетъ, тактъ наблюдаетъ, а злоупотребленіе наблюденіемъ ведетъ къ недовѣрчивости, т. е. бездѣйствію; геній можетъ соединяться съ большимъ искусствомъ, но никогда не соединяется съ утонченнымъ тактомъ, потому что тактъ, эта прикровенная лесть, эта высшая добродѣтель подчиненныхъ, которые чтутъ врага, т. е. начальство, пока не осмѣливаются поразить его, соединяется всегда съ нѣкоторою искусственностью. Благодаря этому въ высшей степени развитому серальному качеству русскіе непроницаемы; правда, всегда замѣтно, что они что то скрываютъ, но неизвѣстно, что̀ они скрываютъ, и этого для нихъ достаточно. Они станутъ очень опасными и очень тонкими людьми, когда имъ удастся замаскировать даже свою тонкость. Нѣкоторые изъ нихъ уже достигли этого: это—люди наиболѣе выдающіеся какъ по положенію, занимаемому ими, такъ и по уму, съ которымъ они исполняютъ свои обязанности. Ихъ я могъ судить только по памяти: въ ихъ присутствіи меня держало въ оцѣпенѣніи ихъ обаяніе».

Эта система притворства и лжи, которой такъ упорно придерживаются русскіе, должна прикрывать ихъ грандіозные честолюбивые замыслы, сводящіеся къ достиженію супрематіи въ Европѣ.

«Честолюбіе неудержимое, безграничное, такое честолюбіе, какое можетъ зародиться только въ душѣ угнетеннаго и питаться только несчастіемъ цѣлой націи, бродитъ въ сердцѣ русскаго народа. Эта нація, по существу завоевательная, жадная вслѣдствіе лишеній, заранѣе искупаетъ унизительнымъ подчиненіемъ на родинѣ надежду на тираническое господство надъ чужими: слава, богатство, ожидаемыя ею, отвлекаютъ ея вниманіе отъ позора, который она терпитъ, и чтобъ смыть съ себя нечестивое отреченіе отъ всякой свободы общественной и личной, колѣнопреклоненный рабъ мечтаетъ о всемірномъ владычествѣ».

«Не человѣка обожаютъ въ императорѣ Николаѣ, а честолюбиваго повелителя націи, еще болѣе честолюбивой, чѣмъ онъ. Страсти русскихъ выкроены по мѣркѣ древнихъ народовъ; все у нихъ напоминаетъ ветхій завѣтъ; ихъ чаянія, ихъ муки велики, какъ ихъ государство».

«Все тамъ безгранично—страданія и воздаянія, и жертвы, и чаянія: ихъ (русскихъ) могущество можетъ стать громаднымъ, но они купятъ его цѣною, какою азіатскія націи оплачиваютъ прочность своихъ правительствъ,—цѣною счастья».

«Россія видитъ въ Европѣ добычу, которая рано или поздно достанется ей благодаря нашимъ раздорамъ; она поддерживаетъ у насъ анархію въ надеждѣ использовать коррупцію, которой она благопріятствуетъ, потому что она благопріятна для ея видовъ: возобновляется въ крупномъ размѣрѣ исторія Польши. Много лѣтъ Парижъ читаетъ революціонные журналы, оплачиваемые Россіей. «Европа,—говорятъ въ Петербургѣ,—вступаетъ на путь, по которому шла Польша; она ослабляетъ себя пустымъ либерализмомъ, тогда какъ мы остаемся мощными именно потому, что мы не свободны; потерпимъ подъ игомъ,—мы заставимъ другихъ поплатиться за нашъ позоръ».

«Планъ, разоблачаемый мною здѣсь, можетъ представляться химерическимъ разсѣянному взору; его признаетъ истиннымъ всякій, кто вникалъ въ ходъ европейскихъ дѣлъ и секреты кабинетовъ за послѣднія двадцать лѣтъ. Онъ даетъ ключъ ко многимъ тайнамъ, онъ объясняетъ сразу громадное значеніе, какое люди серьезные по характеру и по положенію придаютъ тому, чтобы иностранцы знали ихъ только съ хорошей стороны. Если бы русскіе были, какъ они говорятъ, опорою порядка и легитим-

ности, стали ли бы они обращаться къ дѣятелямъ и, что еще хуже, средствамъ революціоннымъ?»

Папа совершилъ грубую ошибку, выступивъ противъ Польши въ угоду русскому правительству: онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ революціоннымъ броженіемъ въ Европѣ, и отступилъ отъ принциповъ единственной раціональной въ его положеніи политики, которая должна считаться исключительно съ интересами церкви. Позиція, занятая имъ въ польскомъ вопросѣ, причинила тяжелый ущербъ дѣлу католицизма, но послѣдствія этого со временемъ изгладятся. Будущее готовитъ окончательное торжество римской церкви, съ которою рано или поздно возсоединятся отколовшіяся отъ нея національныя церкви, понявъ, что только въ ней живъ принципъ церковной свободы, обезпечивающій жизненность христіанскимъ общинамъ.

Обращаясь снова къ Россіи, Кюстинъ считаетъ нужнымъ еще разъ предостеречь Европу насчетъ ея скрытыхъ замысловъ. Онъ вновь въ энергичныхъ выраженіяхъ обличаетъ притворство русскихъ, ложь и фальшь, внѣдрившіяся въ ихъ жизнь, и связанную съ ними боязнь гласности.

«Какое дѣло людямъ, руководящимъ Россіей, до убожества, блѣдности солдатъ? У этихъ живыхъ призраковъ самые красивые въ Европѣ мундиры,—такъ что за важность тѣ шинели изъ грубаго сукна, которыми укрываются въ казармахъ эти раззолоченныя привидѣнія?.. Разъ ихъ бѣдность и грязь только тайныя, и они имѣютъ блестящій видъ, когда показываются публично, съ нихъ ничего не спрашивается и ничего имъ не дается. Прикрытая нищета,—таково богатство русскихъ; для нихъ наружность—все, и наружность у нихъ болѣе обманчива, чѣмъ у другихъ. Поэтому, кто приподниметъ уголокъ завѣсы, навсегда погубитъ свою репутацію въ Петербургѣ. Общественная жизнь въ этой странѣ — постоянный заговоръ противъ истины». Европѣ пора открыть глаза на то, что таится за русскою фальшью, вводящей ее въ заблужденіе.

«Примите, пожалуйста, во вниманіе, что еслибы русскіе добились когда-либо владычества надъ Западомъ, они не стали бы править имъ, оставаясь на родинѣ, на подобіе монголовъ; напротивъ, они поспѣшили бы покинуть свои мерзлыя равнины и, не слѣдуя примѣру своихъ прежнихъ господъ, татаръ, которые издали давили своихъ данниковъ-славянъ,—ибо климатъ Московіи пугалъ даже монголовъ,—московиты вышли бы изъ

своей страны, какъ только для нихъ открылись бы пути въ иныя области».

«Теперь они толкуютъ объ умѣренности, высказываются противъ завоеванія Константинополя, боятся,—говорятъ они,—всего, что можетъ увеличить государство, гдѣ разстоянія уже являются бѣдствіемъ, страшатся даже,—смотрите, до чего доходитъ ихъ благоразуміе!—страшатся теплаго климата! Подождите немного, вы увидите, къ чему поведутъ всѣ эти опасенія».

«И не указывать мнѣ на такую ложь, такія опасности, такія бѣдствія?.. Нѣтъ, нѣтъ, лучше, по-моему, ошибаться и говорить, чѣмъ разглядѣть и промолчать. Если безразсудно говорить о томъ, что я наблюдалъ, преступно было бы скрывать это».

«Русскіе не станутъ отвѣчать мнѣ, они скажутъ: «въ четыре мѣсяца онъ мало видѣлъ».

«Правда,—я мало видѣлъ, но я многое угадалъ».

«Или, если они сдѣлаютъ мнѣ честь опровергать меня, они станутъ отрицать факты,—факты, сырой матеріалъ всякаго повѣствованія, не имѣющій ни малѣйшей цѣнности въ Петербургѣ, гдѣ прошлое, какъ будущее и настоящее, находится въ распоряженіи властелина; ибо,—повторяю еще разъ,—у русскихъ своего только повиновеніе и подражаніе; ихъ взгляды, ихъ сужденія, ихъ воля принадлежатъ главѣ государства. Въ Россіи исторія составляетъ часть коронныхъ имуществъ; она—моральная собственность государя, какъ люди и земля—его собственность матеріальная; она помѣщается въ казнохранилищѣ вмѣстѣ съ императорскими сокровищами и показывается лишь постольку, поскольку признается возможнымъ знакомить съ нею. Память о томъ, что произошло вчера, составляетъ имущество императора, онъ передѣлываетъ по своему усмотрѣнію туземныя лѣтописи и отпускаетъ ежедневно своему народу историческія истины, согласныя съ фикціей даннаго момента. Такъ Мининъ и Пожарскій, герои, два вѣка находившіеся въ забвеніи, вдругъ были откопаны и вошли въ моду во время Наполеоновскаго нашествія. Въ это время правительство дозволяло патріотическій энтузіазмъ».

«Во всякомъ случаѣ эта чрезмѣрная власть вредитъ самой себѣ. Я говорю вмѣстѣ съ императоромъ: русскіе слишкомъ много путешествовали; нація стала жаждать просвѣщенія: таможня не имѣетъ власти надъ мыслью, арміи ея не истребляютъ, стѣны не задерживаютъ, она проходитъ подъ землею: идеи носятся въ воздухѣ, онѣ—повсюду, а идеи измѣняютъ міръ».

«Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что будущность, эта бле-

стящая будущность, о которой мечтаютъ русскіе, зависитъ не отъ нихъ, что у нихъ нѣтъ своихъ идей и что участь этого народа, состоящаго изъ подражателей, будетъ рѣшена народами, имѣющими собственныя идеи: если страсти улягутся на Западѣ, если установится единеніе правительствъ и подданныхъ, алчная мечта славянъ-завоевателей окажется химерою».

Кюстину очень досадно, что онъ многаго не могъ понять въ Россіи. «Въ особенности жалѣю я о томъ, что не могъ разгадать одной тайны,—малаго вліянія религіи. Неужели греческая церковь не могла бы сохранить, несмотря на свое политическое порабощеніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторый моральный авторитетъ? У нея совсѣмъ нѣтъ его. Гдѣ причина ничтожества церкви, дѣлу которой все, повидимому, благопріятствуетъ? Вотъ проблема. Свойственно ли греческой религіи пребывать въ этомъ застоѣ, довольствуясь внѣшними знаками почета? Неизбѣженъ ли такой результатъ вездѣ, гдѣ духовная власть впадаетъ въ абсолютную зависимость отъ свѣтской? Я такъ думаю, но мнѣ хотѣлось бы доказать это вамъ документами и фактами. Все-таки я сообщу вкратцѣ результаты моихъ наблюденій надъ отношеніями русскаго духовенства къ вѣрующимъ».

«Я видѣлъ въ Россіи христіанскую церковь, на которую никто не нападаетъ, которую всѣ чтутъ, по крайней мѣрѣ наружно, церковь, моральному вліянію которой все благопріятствуетъ, и все-таки эта церковь не имѣетъ ни малѣйшей власти надъ сердцами.

«Въ странахъ, гдѣ религія совсѣмъ не пользуется почетомъ, она не несетъ никакой отвѣтственности; но здѣсь, гдѣ престижъ абсолютной власти поддерживаетъ священника въ его дѣятельности, гдѣ доктрина не подвергается нападкамъ ни въ писаніяхъ, ни въ рѣчахъ, гдѣ религіозные обряды вошли, такъ сказать, въ число государственныхъ законовъ, гдѣ обычаи служатъ опорою вѣрѣ, тогда какъ они противны ей у насъ,—мы въ правѣ поставить въ укоръ церкви ея безплодіе. Эта церковь мертва, и однако, судя по тому, что происходитъ въ Польшѣ, она можетъ становиться гонительницей, не обладая ни достаточно высокими добродѣтелями, ни достаточно крупными талантами для завоеваній посредствомъ мысли; словомъ, русской церкви чуждо то, что всему чуждо въ этой странѣ,—свобода, безъ которой духъ жизни удаляется и свѣтъ гаснетъ».

«Западная Европа не знаетъ, сколько религіозной нетерпимости входитъ въ русскую политику. Культъ возсоединенныхъ грековъ (уніатовъ) недавно упраздненъ послѣ долгихъ и тай-

ныхъ гоненій; знаетъ ли католическая Европа, что нѣтъ болѣе уніатовъ у русскихъ, знаетъ ли даже она, ослѣпленная свѣтомъ своей физіономіи, что такое уніаты?»

Въ качествѣ иллюстраціи Кюстинъ разсказываетъ сообщенную ему въ Москвѣ исторію Чаадаева, возмущаясь въ особенности утонченною жестокостью расправы съ писателемъ. «Это,—говоритъ онъ,—совсѣмъ недавній примѣръ того, какъ трактуются въ настоящее время вопросы совѣсти въ Россіи. Я спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: путешественникъ, имѣвшій несчастіе или счастіе узнать подобные факты, имѣетъ ли право не оглашать ихъ? Въ этой области то, что вамъ положительно извѣстно, освѣщаетъ для васъ все то, что вы предполагаете, и въ результатѣ является убѣжденіе, которое вы обязаны внушить свѣту, если можете».

За экскурсомъ въ область русской религіозной жизни слѣдуетъ горячая тирада, которою résumé заканчивается.

«Нужно пожить въ этой пустынѣ, гдѣ нѣтъ покоя, въ этой тюрьмѣ, гдѣ нѣтъ досуга, зовущейся Россіею, чтобы вполнѣ почувствовать, какою свободою пользуются другія страны Европы, независимо отъ усвоеннаго ими образа правленія. Постоянно надо твердить: въ Россіи нѣтъ ни въ чемъ свободы, за исключеніемъ, какъ мнѣ говорили, одесской торговли. Поэтому Николай, благодаря пророческому такту, которымъ онъ одаренъ, очень не любитъ духъ независимости, господствующій въ этомъ городѣ, обязанномъ своимъ процвѣтаніемъ уму и честности француза (герцога Ришелье); а между тѣмъ во всей его обширной имперіи это—единственный городъ, гдѣ можно искренно благословлять его царствованіе».

«Когда вашъ сынъ проявитъ недовольство во Франціи, воспользуйтесь моимъ рецептомъ, скажите ему: «поѣзжайте въ Россію». Это—поѣздка, полезная всякому иноземцу: кто хорошо ознакомится съ этою страной, тотъ будетъ доволенъ жизнью во всякомъ другомъ мѣстѣ. Всегда полезно знать, что существуетъ общество, въ которомъ невозможно никакое счастье, потому что человѣкъ въ силу закона своей природы не можетъ быть счастливъ безъ свободы».

«Такія воспоминанія располагаютъ къ снисходительности, и путешественникъ, вернувшійся къ своему очагу, можетъ сказать о своей странѣ то, что одинъ остроумный человѣкъ говорилъ о самомъ себѣ: «Когда я оцѣниваю себя, я скроменъ, но я гордъ, когда себя сравниваю».

В. Нечаевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записки А. О. Смирновой.

(1845 г.)

Отъ редакціи.

Блестящая фрейлина Николаевскаго двора А. О. Россетъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за пріятеля Пушкина Н. М. Смирнова, была замѣчательнѣйшею женщиною своего времени. Богато одаренная отъ природы, широко образованная, она была яркимъ пятномъ на сѣромъ фонѣ петербургской придворной жизни 20—40-ыхъ годовъ прошлаго вѣка. Съ нею дружили Жуковскій и Пушкинъ, кн. Вяземскій и Гоголь, Самаринъ и И. С. Аксаковъ; ея салонъ притягивалъ къ себѣ всѣ маломальски выдающіяся силы тогдашняго литературнаго, ученаго и артистическаго міра; въ ея воспоминаніяхъ и перепискѣ разсѣяно множество драгоцѣннѣйшихъ чертъ эпохи, до сихъ поръ очень мало еще изученной, въ особенности тогдашняго придворнаго быта.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дочь А. О., О. Н. Смирнова, издала записки матери, въ свое время сильно нашумѣвшія. Детальное изученіе привело насъ къ убѣжденію въ ихъ подложности. Тѣмъ больше значенія пріобрѣтаютъ записки подлинныя, оригиналъ которыхъ благодаря счастливому случаю попалъ въ наши руки. За подлинность говорятъ и почеркъ рукописи—именно почеркъ А. О., хорошо намъ знакомый, и самое ея содержаніе.

Отрывки изъ этихъ записокъ были напечатаны, въ изуродованномъ видѣ, въ «Русскомъ Архивѣ» 1882 года. Мы даемъ ихъ полный текстъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, неудобныхъ въ цензурномъ отношеніи), безъ сохраненія его орѳографическихъ особенностей.

При составленіи примѣчаній мы пользовались нѣкоторыми указаніями В. И. Саитова и Б. Л. Модзалевскаго, которымъ приносимъ искреннюю благодарность. Примѣчанія даны въ концѣ текста.

В. Каллашъ.

1845 г.

26 февраля 1845 года. Наслѣдница родила сына Александра [1]). Тютчевъ [2]) сказалъ, что ему говорили вѣрные люди, что Государь, говоря о Прусскомъ королѣ и конституціи, сказалъ: *Братецъ мой шалитъ*.

28 февраля. Графиня Нессельродъ [3]), которой я говорила о mémoir гр. (?) [4]) Уварова [5]) по католическимъ дѣламъ [6]), въ которомъ онъ уговариваетъ Государя не ссориться съ Папою, сказала мнѣ, что Государь, прочтя его, замѣтилъ, что Уваровъ мѣшается не въ свое дѣло. Уваровъ въ мемуарѣ говоритъ, что западныя государства болѣе готовы, нежели мы думаемъ, подняться за Папу. Мнѣ кажется, что мы уже не можемъ отступить отъ своей системы, и если въ Римѣ такъ благосклонно подписали на всѣ наши требованія, то зачѣмъ намъ церемониться? Одна депеша графа Николая Гурьева [7]), напечатанная въ Римѣ, меня поразила тономъ своимъ: едва ли можно сказать сильнѣе et plus péremptoire [8]). Замѣчательна въ этомъ собраніи депеша Фурмана [9]), который умеръ въ Римѣ. Selon moi c'était un chef d'oeuvre d'habilité de bon goût et en même temps d'exigences fermes [10]). Русскіе не дипломаты въ своемъ слогѣ: они лучше топоромъ рубятъ.

1 марта. Была у Императрицы. Онѣ [11]) говѣютъ. Будутъ пріобщаться въ воскресенье. По случаю родовъ Маріи Николаевны [12]) не говѣютъ, какъ обыкновенно, въ послѣднюю недѣлю.

У Софьи Павловны Кутузовой [13]) говорили за достовѣрное, что Елизавета Михайловна Нассауская [14]) умерла отъ падучей болѣзни, и что мужъ ее хотѣлъ даже въ случаѣ счастливыхъ ея родовъ привезти въ Россію. Великая Княгиня Елена Павловна скрыла это даже отъ Михаила Павловича. Мнѣ кажется это невѣроятнымъ.

2 марта. Флигель-адъютантъ Орловъ-Денисовъ [15]) посланъ былъ на Донъ, чтобы переселить 300 семействъ съ Дону на

Кавказскую линію, и съ предположеніемъ мало-по-малу образовать тамъ кордонъ; это произвело тамъ большой ропотъ и отчаяніе; графъ Воронцовъ [16]) упросилъ Государя отмѣнить это, такъ что Орловъ получилъ скоро приказаніе вернуться, не окончивъ дѣла. Мнѣ говорили, что тамъ на югѣ поселили 50 тысячъ духоборцевъ. Они тамъ живутъ хорошо, потому что ихъ не безпокоятъ въ отношеніи ихъ обрядовъ.

Вечеромъ у меня были гости: Тютчевъ съ женой [17]), Карамзины [18]), Михаилъ Александровичъ Голицынъ съ женой, прелестной красавицей [19]), Соболевскій [20]), Самаринъ [21]), гр. Ростопчина [22]), Волковъ С. А. съ дочерью [23]).—Ничего новаго и необыкновеннаго говорено не было.

3 марта. Я проводила вечеръ у Вяземскаго [24]) съ графиней Нессельродъ [25]), Тютчевымъ [26]). Говорятъ, что нашли бумаги и письма, ясно доказывающія отравленіе Царевича Алексѣя Петровича и раскаяніе Петра; онъ посылалъ денщика за ядомъ. Тютчевъ говоритъ, что смерть эта была une terrible necessité [27]). Князь Павелъ Гагаринъ [28]) очень справедливо замѣтилъ, что такое преступленіе ничѣмъ не оправдывается, и что кромѣ преступленія Петръ сдѣлалъ фальшивый разсчетъ. Царевичъ былъ шефомъ оппозиціи нововведеніямъ; онъ бы могъ послѣ смерти отца только пріостановить ходъ преобразованій, что, можетъ быть, и не повредило бы; но первое движеніе, данное геніальнымъ Петромъ, было уже такъ сильно, что непремѣнно его партія позже восторжествовала бы, несмотря на всѣ старанія Царевича. Многосторонній умъ или высокій разумъ Петра обращалъ вниманіе на все. Предположеніе строить укрѣпленіе на Каспійскомъ морѣ выдавали за новость, но открыли въ Астрахани письменныя доказательства, что онъ уже тогда намѣревался оградить Россію съ этой стороны.—Говорили о Талейранѣ [29]), Guizot [30]), княгинѣ Ливенъ [31]), о всѣхъ фальшивыхъ интересахъ нашего высшаго круга, который забрался въ западню, своимъ французскимъ языкомъ, и не знаетъ, чѣмъ забавить свои лѣнивые досуги, и не знаетъ, какъ выйти оттуда.

3 марта [32]). Обѣдала семейно по-старому у Карамзиныхъ [33]). Вѣчный споръ о католикахъ и нашемъ духовенствѣ. Вяземскій [34])—умный человѣкъ, но у него нѣтъ двухъ связныхъ мыслей въ головѣ. Александръ [35]) разрѣзалъ узелъ: еслибы эти же попы да говорили по-французски условными фразами и обветшалымъ языкомъ іезуитовъ, то все дѣло пошло бы на ладъ. Вяземскій говорилъ, что еслибы рѣчи или, лучше, слова,

духовныя Иннокентія [36]) перевести на французскій языкъ, то такую дрянь никто не сталъ бы читать. И онъ восхищается рѣчами Лакордера [37]) въ Univers catholique [38]) (декабрь avant [39]) 1845 года)! Просто пустая декламація—вотъ что ихъ прельщаетъ!

5 [40]) *марта*. Великій князь Михаилъ Павловичъ [41]) былъ у меня два раза и, наконецъ, засталъ меня въ первый разъ послѣ смерти дочери [42]). Онъ очень еще грустенъ, разсказывалъ ея смерть. Герцогъ Нассаускій пишетъ ему часто, горюетъ по женѣ,—все это опровергаетъ слухи, которые распускаютъ по городу [43]). Онъ пріѣхалъ изъ Совѣта [44]) (понедѣльникъ), гдѣ толкуютъ объ отдачѣ земель башкирцамъ и казакамъ. Левъ Алексѣевичъ Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ [45]), говорилъ за нихъ очень горячо, хотя очень дурно, но Киселевъ [46]) отстаиваетъ эти земли для себя; эти земли даже (?) [47]) вымѣрены, и ему для прирѣзки жалованнымъ землею пригодились бы. Рѣшеніе дѣла отложили на три года, несмотря, что оба великіе князя [48]) были за башкиръ и казаковъ. Да въ самомъ дѣлѣ, отчего же бы имъ и не подождать? Ужъ вѣдь они до сихъ поръ ждали! Великій князь говорилъ о пребываніи Государя Александра въ Москвѣ въ 18-мъ году, въ первый разъ послѣ пожара, о первой польской діетѣ [49]), гдѣ онъ, Михаилъ Павловичъ, былъ, какъ сенаторъ, и одинъ въ русскомъ мундирѣ. Константинъ Павловичъ [50]) былъ избранъ тогда депутатомъ Праги [51]) и съ нимъ ходилъ звать Государя на діету. Тогда произнесъ онъ [52]) знаменитую рѣчь, гдѣ обѣщаетъ, что конституціонныя права изъ Польши перейдутъ далѣе, смотря по обстоятельствамъ [53]), и когда народъ приготовленъ будетъ къ этому. Варшава была тогда полна, блистательна, весела и приняла Государя съ восторгомъ. Діета 22 года была уже очень въ дурномъ духѣ. Отчего? Онъ [54]) говоритъ, что отъ того, что произошла въ этомъ промежуткѣ *революція* въ Молдавіи, т. е. движеніе Ипсиланти [55]), о которомъ Александръ Павловичъ [56]) все зналъ. Грѣшно поступили съ греками, грѣшно, неполитически. Я читала l'Héterie [57]) въ 1826 году и плакала de rage [58]); позже, когда Аѳанасія [59]) посадили въ Аѳины, я уже молчала. Утратилось тогда то молодое и вѣрное чувство, насъ не обманывающее... [60])

Я получила письмо, очень грустное, отъ Гоголя [61]) и другое—отъ живописца Иванова [62]) изъ Рима, того, который пишетъ Іоанна Крестителя для Наслѣдника [63]). Оно замѣчательно тѣмъ, что въ первый разъ русскій художникъ говоритъ о пра-

вославной живописи и о различіи между нашими и западными образами.

Графъ Воронцовъ Михаилъ Семеновичъ [64]) обѣдалъ очень часто у Государя, теперь обѣдаетъ часто Фельдмаршалъ [65]), Орловъ [66]) два раза въ недѣлю, гр. Киселевъ, Павелъ Дм. [67]), Петръ Мих. Волконскій [68]) рѣже, Клейнмихель [69]), Уваровъ [70]), очень рѣдко Блудовъ [71]), Перовскій [72]). Вообще садятся они [73]) вчетверомъ: Царь, Ольга Николаевна и Константинъ Николаевичъ. Когда же Царь бываетъ у фрейлины Нелидовой? [74]). Въ 9-мъ часу послѣ гулянья онъ пьетъ кофе, потомъ въ 10-мъ сходитъ къ Императрицѣ, тамъ занимается, въ часъ или 1½ опять навѣщаетъ ее, всѣхъ дѣтей большихъ и малыхъ, и гуляетъ. Въ 4 часа садится кушать, въ 6-ть гуляетъ, въ 7 пьетъ чай со всей семьей, опять занимается, въ десятаго половина сходитъ въ собраніе, ужинаетъ, гуляетъ въ 11-ть, около двѣнадцати ложится почивать. Почиваетъ съ Императрицей въ одной кровати.

Вечеромъ я была у Императрицы. Собраніе было большое, очень большое для нынѣшняго двора. Баронесса Фридерикъ [75]), Лобановъ [76]), Раухъ [77]), Суворовъ [78]), Шуваловъ [79]), принцъ Александръ [80]). Ольга Николаевна [81]) играла въ лото.—Императрица говорила, что ей нельзя, хотя и очень нужно, ѣхать на зиму въ Италію. Государь безъ нея слишкомъ груститъ и одинокъ. Запирается одинъ, по цѣлымъ часамъ. Это все имѣетъ вліяніе на другихъ. Государь сказалъ мнѣ: «вотъ скоро двадцать лѣтъ, какъ я сижу на этомъ прекрасномъ мѣстечкѣ [82]). Часто удаются такіе дни, что я, смотря на небо, (желаю) [83]) говорю: зачѣмъ я не тамъ? Я такъ усталъ»... Я хотѣла продолжать разговоръ, но онъ повернулъ на старыя шутки. Пусть не мое перо ихъ передаетъ: я его слишкомъ люблю. Разговору не было ни въ чемъ замѣчательнаго.

6 марта. Былъ у меня Marceline (?) [84]) Lubomirski [85]); онъ пріѣхалъ продавать Дубно въ Волынской губерніи [86]); Конаръ [87]) также продалъ свой городъ. «Намъ слишкомъ дорого стоитъ полиція русская, и своя притомъ должна быть притомъ» [88]), сказалъ онъ [89]) мнѣ. Понятно, что имъ [90]) капиталы нужны. Романъ Сангушко [91]), который былъ сосланъ въ Сибирь [92]), на Кавказѣ выслужился, вернулся теперь въ Волынскую губернію. Какъ же полякамъ не горевать и насъ любить? Польскимъ soeurs grises [93]) предлагали удвоить жалованіе, если онѣ согласятся не относиться къ Папѣ. Онѣ не согласились; дѣло это еще не кончено.

Ввечеру былъ Суворовъ [94]). Говорилъ, что онъ получилъ отъ Хвостова [95]) пропасть писемъ дѣда [96]) къ Хвостову, также много писемъ къ неизвѣстнымъ ему лицамъ; повидимому, фельдмаршалъ боялся почты: во многихъ только намеки, родъ арго [97]). Аннибалъ [98]), дѣдъ Пушкина [99]), рѣшилъ судьбу Суворова. Отецъ его, генералъ-аншефъ [100]), очень умный и просвѣщенный человѣкъ по тогдашнему времени, прочилъ его въ штатскую службу, потому что онъ былъ слабаго сложенія. На это Суворовъ не соглашался и все читалъ военныя книги. Аннибалъ однажды былъ подосланъ къ нему, чтобы уговорить его войти въ службу. Нашелъ его лежащаго на картахъ на полу и такъ углубленнаго, что онъ и не замѣтилъ вошедшаго арапа. Наконецъ, тотъ прервалъ его размышленія, говорилъ съ нимъ долго, вернулся къ отцу его и сказалъ: «оставь его, братецъ, пусть онъ дѣлаетъ, какъ хочетъ: онъ будетъ умнѣе и тебя и меня».

10 [101]) *марта*. Я обѣдала у гр. Ростопчиной [102]) съ Ю. Ѳ. Самаринымъ [103]). Послѣ обѣда вспоминали прошлое, первую нашу встрѣчу. Это было въ 38 году. Я вернулась изъ Парижа послѣ почти трехлѣтняго путешествія. Не знаю, почему я съ неизъяснимымъ сожалѣніемъ слушала. Такъ много прошло (и) [104]) времени, столько утратилось надеждъ, столько—[105]) трепетало сердце, безъ отголоска, въ эти лучшіе годы жизни; а теперь, теперь всему конецъ, всему земному, всякой земной привязанности; вижу я смерть, если не въ моей душѣ, то вокругъ себя. Изъ моей памяти изгладилос совершенно это событіе тогдашней жизни. Гр. Ростопчина была тогда для меня загадочное существо. Я желала съ ней познакомиться, но ожидала, чтобы она сдѣлала первый шагъ. Какая то странная природная гордость, которая развилась во мнѣ при вступленіи въ общество [106]), совершенно мнѣ чуждое и потому неблагосклонное, мѣшала мнѣ всегда при первыхъ встрѣчахъ. Я выжидала вниманія, никогда не старалась и не умѣла его возбудить. Оттого такъ немногіе знали, что едва ли кто-нибудь (болѣе) [107]) простосердечнѣе меня въ этомъ обществѣ. Графиня Ростопчина замѣтила въ уголкѣ маленькую женщину [108]) въ красномъ тюрбанѣ [109]), весьма медленно двигающуюся, лѣниво облокотившуюся на кресло, спросила, кто это новое лицо, и была мнѣ представлена графиней Борхъ [110]). Ей не понравился мой тюрбанъ; онъ однакоже вышелъ изъ рукъ знаменитой Beaudrant [111]), былъ ею придуманъ въ Парижѣ для меня и, какъ я теперь помню, нашелъ полное одобреніе Государя и

многихъ молодыхъ барынь; Hélène Chreptovich [112]) даже брала его на фасонъ. Эта зима была одна изъ самыхъ блистательныхъ. Государыня была еще хороша, прекрасныя ея плечи и руки были еще пышныя и полныя, и при свѣчахъ, на балѣ, танцуя, она еще затмевала первыхъ красавицъ. Въ Аничковскомъ дворцѣ танцовали всякую недѣлю, въ бѣлой гостиной; не приглашалось болѣе ста персонъ. Государь занимался въ особенности бар. Крюднеръ [113]), но кокетствовалъ (?) [114]), какъ [115]) молоденькая бабенка со всѣми, и радовался соперничествомъ Бутурлиной [116]) и Крюднеръ. Я была свободна, какъ птица, и смотрѣла на всѣ эти продѣлки, какъ на театральное представленіе, не подозрѣвая, что тутъ развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала изъ границъ, единственно отъ того, что было сознаніе въ неискренности Государя. (Однажды на балѣ, когда) [117]). Онъ еще тогда такъ любилъ свою жену, что пересказывалъ [118]) всѣ разговоры съ дамами, которыхъ обнадеживалъ и словами и взглядами, не всегда прилично краснорѣчивыми. Однажды въ концѣ бала, когда пара за парой быстро и весело скользили въ мазуркѣ, усталыя, мы присѣли въ уголкѣ за камнемъ съ бар. Крюднеръ; она была въ бѣломъ платьѣ. зеленые листья обвивали ея бѣлокурые локоны; она была блистательно хороша, но не весела. Наискось въ дверяхъ стоялъ Царь съ Е. М. Бутурлиной, которая безпечной своей веселостью болѣе, чѣмъ красотой, всѣхъ привлекала, и, казалось, съ ней живо говорилъ; она отворачивалась, играла вѣеромъ, смѣялась, иногда и [119]) показывала рядъ прекрасныхъ бѣлыхъ своихъ жемчуговъ [120]); потомъ, по своей привычкѣ, складывала, протягивая, свои руки,—словомъ, была въ весьма большомъ mal à son aise [121]). Я сказала M-me Krudener: vous avez soupé, mais aujourd'hui les derniers honneurs sont pour elle. «C'est un homme étrange», dit elle: «il faut pourtant que ces choses ayent un résultat, avec lui il n'y a point de fin, il n'en a pas le courage, il attache une singulière idée à la fidelité. Tous ces manèges avec elle ne prennent rien» [122]).

Всю эту зиму онъ [123]) ужиналъ между Крюднеръ и Мегу Пашковой [124]), которой эта роль вовсе не нравилась. Обыкновенно въ длинной залѣ, гдѣ гора, ставили столъ на четыре прибора; Орловъ [125]) и Адлербергъ [126]) садились съ ними [127]). Послѣ покойный Бенкендорфъ [128]) заступилъ мѣсто Адлерберга, а потомъ и мѣсто Государя при Крюднершѣ. Государь нынѣшнюю зиму мнѣ сказалъ: «я уступилъ послѣ свое мѣсто другому»,

и говорилъ о ней съ неудовольствіемъ, жаловался на ея неблагодарность и ненавистное чувство къ Россіи. Она точно скверная нѣмка, у неї, какъ говорилъ мнѣ разъ человѣкъ моїй Григорій, жадность къ деньгамъ непомѣрная.

Мнѣ разсказывали вчера, что Киселевскіе [129]) мужики [130]), жалуясь на его управленіе, говорили: «развѣ лѣнивый насъ не грабитъ».

11 марта. Уваровъ—штукарь. Онъ прежде старался удерживать при себѣ Григорія Волконскаго [131]), черезъ него пробивался къ Петру Михайловичу [132]). Видя, что результатовъ нѣтъ, что графство ему не достается, и чувствуя, что въ кураторѣ [132]) онъ имѣетъ строгаго и независимаго судью, онъ старался всячески его избавиться. Grégoire [133]) ему сказалъ однажды: «жена моя больна, не знаю, что дѣлать, (не) [134]) придется ли мнѣ ѣхать въ Одессу». На другой день при докладѣ [135]) Министръ [136]) воспользовался случаемъ и сказалъ Государю, что Волконскій просится въ Одессу. Сказано (?) [137]) было доложить объ этомъ при слѣдующемъ докладѣ. Случилось весьма некстати для Уварова, что Петръ Михайловичъ тутъ случился при докладѣ. «Сынъ твой просится въ Одесъ [138]), сказалъ Государь. «Какъ такъ, да я ни слова объ этомъ не слыхалъ!». «Да», отвѣчалъ немного сконфуженный Уваровъ. Бумага была подписана уже [139]). Григорій Волконскій отправился къ министру, который отвѣчалъ ему, что «il faut saisir les occasions, qu'il a cru bien faire et rendre un service de suite, qu'il travaille rarement avec l'Empereur» [140]). Волконскій хотѣлъ письменно все изъяснить Государю и, кажется, съ огорченіемъ на Уварова, но отецъ [141]) нашелъ письмо неприличнымъ, (то) [142]) не велѣлъ его подавать. Уваровъ торжествуетъ.

Вечеромъ я была у Императрицы. Чужихъ было только двое: Віельгорскій Матвѣй [143]) и Лобановъ [143]). Говорили о портретахъ Императорской фамиліи, собранныхъ по приказанію Государя. Ихъ всѣхъ помѣстить въ какомъ-нибудь дворцѣ, по порядку родовому; нашелся даже портретъ Натальи Алексѣевны, дочери Царевича [145]). Хвалили портретъ Елизаветы Алексѣевны [146]), писанный M-me Lebrun [147]), еще въ фижмахъ, слѣдовательно, въ первой ея молодости, когда она была точно еще хороша. Императрица говорила, что довольно странно случилось, что Елизавета Алексѣевна сдѣлалась къ ней ласковѣе, когда родился наслѣдникъ [148]). «Ce devait être un moment affreux pour elle, et cependant depuis ce moment elle est devenu plus affectuese pour moi. Quand mon fils est né,

après le premier moment le bonheur, j'ai pensé du sort qui l'attendait: il était destiné à régner. Quand à nous, nous n'en avions aucune idée pour nous» [149]). Что значатъ эти послѣднія слова? Думала ли она, что Александръ Павловичъ проживетъ долго, или она хотѣла сказать, что они не знали условія, сдѣланнаго съ Прусскимъ королемъ [150])? Впрочемъ, Константинъ [151]) тогда не былъ еще женатъ на Ловичевой [152]), а Михаилъ Павловичъ [153]) мнѣ говорилъ, что онъ [154]) отказался отъ престола рѣшительно при полученіи позволенія на ней жениться. «Ma chère, en venant en Russie, j'admirais beaucoup la bienfaisance de Maman [155]), mais c'était la mode de se moquer d'elle et de sa conversation qui roulait sur établissements d'éducation et lés hôpitaux. Un jour à Moscou Maman faisait les honneurs de ses maisons à mon père [156]), l'Empereur Alexandre me donnait le bras et me répétait: «de l'indulgence, de l'indulgence!» «Mais je n'en ai pas besoin», lui dis je, «j'admire, je trouve cela superbe, cela me plait et me touche». Il me regardait d'un air etonné; c'était Imperatrice Elisabeth qui donnait le ton à cette moquerie; au fond elle était aigre» [157]).

Послѣ говорили о письмахъ Императрицы Елизаветы къ барону Черкасову [158]), который посланъ былъ навстрѣчу къ тремъ Дармштадтскимъ Принцессамъ. Онѣ ѣхали съ матерью ко двору на выборъ Павлу Петровичу. Письма эти найдены были между бумагами покойнаго Александра Николаевича Голицына [159]). Черкасовъ о всякой бездѣлицѣ относится къ Екатеринѣ: «прикажете выслать зелени свѣжей и цыплятъ?» Она отвѣчала: «приказано мною выслать вамъ зелени» и проч. «Прикажете ли дамамъ при представленіи въ городахъ подходить къ рукѣ Принцессы Матушки?» — «Нѣтъ», былъ отвѣтъ: «русскія дамы только подходятъ къ своимъ Царственнымъ особамъ».

— Государь перебилъ разговоръ. Я ему напомнила о Гоголѣ [160]), онъ былъ благосклоненъ. «У него есть много таланту драматическаго, но я не прощаю ему выраженія и обороты слишкомъ грубые и низкіе».—«Читали Вы «Мертвыя Души»? спросила я.—«Да развѣ онѣ его? Я думалъ, что это Сологуба» (NB) [161]). Я совѣтовала ихъ прочесть и замѣтить тѣ страницы, гдѣ выражается глубокое чувство народности и патріотизма.

— Онъ читалъ «Le Juif errant» (NB) [162]). Константинъ Николаевичъ [163]) помѣшался на Константинополѣ, пишетъ по-турецки, рисуетъ виды Константинополя; только и разговору, что про путешествіе [164]), которое совершитъ лѣтомъ. Онъ точно

уменъ, и умъ его живой, дѣятельный; но бѣда, если эту дѣятельность обратятъ на мелкіе интересы. Если онъ изъ этой атмосферы не выйдетъ, плохо будетъ.

Государь ѣздилъ смотрѣть группы въ трико у Лемольта [165]) въ дѣтскомъ театрѣ съ Наслѣдникомъ [166]) и Герцогомъ Л. [167]); запретилъ продолжать эти представленія. Поутру вся Царская фамилія ѣздила въ крѣпость служить панихиду по Павлѣ Петровичѣ [168]). «Оттуда поѣхалъ я [169]) къ Михаилу Павловичу [170]) съ Максомъ [171]) и Сашей [172]): то-то мы тамъ врали!» [173])

12 марта. У Софьи Сергѣевны Бибиковой [174]) былъ большой вечеръ и картины. Довольно странно, что гр. Воронцова [175]) (представляла) [176]) взялась за роль Virginie [177]). Paul [177]) былъ столько хорошъ чистотою своего спокойнаго лица, сколько она неумѣстна. Это замѣчаніе нисколько не исключаетъ ея живой и безусловной прелести. Она очень мила, когда танцуетъ и весела, дуться она тоже умѣетъ, но едва ли когда-либо горевала и страдала душевно, а потому elle (?) [178]) boudait dans son tableau [179]). Наша Тютчева [180]) была прелесть хороша, весела и мила въ греческомъ костюмѣ.—Счастливый случай доставилъ мнѣ случай сидѣть возлѣ фельдмаршала [181]). Онъ изстари ко мнѣ благоволилъ, когда (...) [182]) я была привычнымъ предметомъ во дворцѣ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно и ежечасно, передъ выѣздомъ въ Варшаву. Онъ выговаривалъ мнѣ, что при отъѣздѣ моемъ за границу я не проѣзжала черезъ Варшаву. «Я жду вашей желѣзной дороги до Вѣны».—«Черезъ два года она будетъ готова. Пруссаки идутъ къ намъ навстрѣчу, австрійцы тоже подвигаютъ эту линію, и въ два года это откроется».—«Ну, смотрите, князь, чтобы прусскіе бродяги къ вамъ не подъѣхали по этой дорогѣ».—«Ничего, я не боюсь».—«Да вѣдь у васъ [183]) все смирно?»—«Какъ, совсѣмъ нѣтъ! Вотъ еще недавно 50 человѣкъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ (1844 года) захватили, 30 выпущено, а 20 пойдутъ кто въ Сибирь, кто на Кавказъ. Разумѣется, тутъ единодушнаго ничего нѣтъ, а какъ бы вы думали, что они затѣваютъ? Или подорвать бастіонъ, или меня убить и зарѣзать. Все это больше шляхта, да и выше шляхты, а изъ высшаго сословія есть, да такъ мастерски, что никогда себя не выдадутъ, а поджигаютъ только шляхту». —«А что дѣлаютъ у васъ Лубинскіе?» [184])—«Да вѣдь одинъ отставленъ, тотъ, который былъ при банкѣ, а Ѳома живетъ себѣ». «Я, можетъ быть, ошибаюсь, но онъ мнѣ казался немного подлымъ».—«Вѣдь ихъ географія такая, что они или подличаютъ, или бунтуютъ. Лубинскіе очень бѣдны».—«Вы раздаете же

майоратства, дайте и имъ способы существовать».—«Никакъ я раздалъ на полтора милліона долгда земель, но все русскимъ греческаго исповѣданія. Это я первый сдѣлалъ это условіе: тамъ нужно поболѣе русскихъ, а если и даю нѣмцамъ—пожизненно протестантамъ, или въ случаѣ, что дѣти православнаго исповѣданія, тогда (какъ майоратъ) [185]) наслѣдственно. Гейсмаръ [186]) и его жена нѣмцы, а дѣтей крестили въ греческую религію. Я въ Польшѣ не новъ, и я исторію хорошо знаю, такъ, какъ я и въ Персіи и Турецкой Азіи былъ не новъ, зналъ ея географію, топографію и исторію. Всегда много читалъ исторію. Не думайте, чтобы успѣхъ такъ даромъ давался». Я спросила его о Позенскихъ движеніяхъ, о Богеміи [187]).

— «Вы вѣрите этимъ славянскимъ движеніямъ! Это все возмутители, бунтовщики. Я этимъ всѣмъ воли не даю. У меня въ Варшавѣ не смѣютъ объ этомъ говорить: всѣхъ ихъ подальше».—«Какъ, и богемцы у васъ не въ милости?»—«Бунтуютъ противъ Австріи. Все это непокорность!»—«О Боже (?) [188])» я вздохнула: «вотъ какъ на это смотритъ наше правительство, можетъ быть, въ угодность Австріи, по наущенію застѣнчивой и трусливой душонки Нессельроде» [189]). И фельдмаршалъ, русскій сердцемъ и душой и, конечно, не только баловень судьбы, но и человѣкъ съ большими дарованіями и читавшій много исторію, также раздѣляетъ это мнѣніе! Но онъ принадлежитъ своему времени. По случаю Богеміи заговорилъ онъ по-французски. «Vous avez lu, comment cela? Roudolstadt?» [190])—«Oui, oui» [191]). Вотъ оно, гдѣ исторіи учатся: въ романахъ!—«Скажите, пожалуйста,—впрочемъ, я теперь самъ читаю много романовъ: времени нѣтъ, и это такъ, перелистываешь—«Consuelo» [192]) comme c'est charmant, n'est ce pas?» [193]) Слава Богу, фельдмаршалъ не блистаетъ краснорѣчіемъ на французскомъ языкѣ, да и по-русски онъ не краснорѣчивъ.—Il aime beaucoup les femmes et s'en occupe jusqu'à prèsent [194]). Онъ также мнѣ сказалъ, что его любятъ въ Польшѣ, несмотря на то, что онъ строгъ: «я справедливъ и не спѣшу». Мнѣ это подтвердили поляки, именно Любомирскій [195]).

13 марта. Былъ у меня милый и добрый Тютчевъ [196]). Говорили о дворѣ, о прошломъ, о Царѣ. Онъ упрекалъ меня, что не пишу записки. Il m'a fait part d'une histoire qu'on conte sur l'Empereur Alexandre. L'année 14 il doit avoir consulté M-me Lenormant [197]); au moyen d'un miroir elle doit lui avoir montré avenir. D'abord il vit sa propre figure, qui fut remplacée par une image presque fugitive de son frère Constantin; celle

ci fut place à la grande et belle figure de l'Empereur Nicolas, qui resta longtemps ferme; après lui il vit quelque chose de confus, des ruines, des cadavres sanglants et la fumée, qui enveloppât tant cela, comme d'un linceuil. Reste à savoir si ce n'est pas l'imagination bienveillante des amis d'outre mer qui se console de ses craintes par de funestes pressentiments pour la Russie [198]).

14 марта. Ахматовъ [199]) просилъ не забыть подписку для западныхъ единовѣрцевъ, которыхъ Австрія не балуетъ на этотъ счетъ. Извѣстно, что Государь посылалъ въ Венгрію церковныя книги. Le comte de Bastard [200]) a été à cette époque et m'a dit que ce fut de très mauvais effet. Invité à un grand diner chez un fonctionnaire il a entendu s'exprimer la haute aristocratie allemande la dessus [201]). Муравьевъ А. Н. [202]) во Флоренціи и негодуетъ пока на формы богослуженія католическаго.

Во дворцѣ былъ концертъ — первое большое собраніе послѣ траура по В. К. Александрѣ Николаевнѣ [203]): Рубини [204]), Тамбурини [205]), Віардо [206]) и Ниссенъ [207]) пѣли «Стабатъ» Россини [208]), хоры—придворные пѣвчіе, Ромбергъ [209]) дирижировалъ. Играли также les Hébrides Мендельсона [210]). Мнѣ показалось все очень великолѣпно и торжественно во дворцѣ послѣ двухлѣтняго моего отсутствія за границею. Тамъ всѣ дворы просто смѣшны важностію и заботливостію нѣмцевъ, когда подумаешь, что они уже ничего не значатъ, да притомъ только плюнь, такъ ужъ и за границу. А Луи Филиппа [211]) дворъ еще смѣшнѣе. Мнѣ жаль было смотрѣть на Гизо [212]), когда онъ въ бѣломъ галстукѣ, въ башмачкахъ и Légion d'honneur [213]) разсказывалъ про крестины Филиппова внука съ весьма самодовольнымъ видомъ. Концертъ былъ очень важенъ, въ Ротондѣ... [214]) къ церковной двери были установлены музыканты. Императрица сидѣла почти напротивъ dans le fond [215]). Отъ нея рядкомъ разсѣлись штатсъ-дамы: графиня Нессельродъ [216]), Левашова [217]), княгиня Васильчикова [218]), гр. Орлова [219]), Баранова [220]), К. М. Рибопьеръ [221]). Подалѣе фельдмаршалъ [222]), Государь, Орловъ [223]), Нессельродъ [224]), Рибопьеръ [225]), Киселевъ [226]); изъ министровъ не было Паскина [227]) и Блудова [228]). За ужиномъ Государь пожаловалъ за нашъ столъ, между мной и Захаржевской [229]); по ту сторону Захаржевской сидѣла Варенька Нелидова [230]), которую Царь всегда зоветъ просто Аркадьевна; возлѣ нея А. Ѳ. Орловъ [231]). По нѣкоторымъ словамъ Орлова и по тону его съ Нелидовой надобно думать, что она пользуется все тою же милостію, и что даже этотъ господинъ

ловко поддерживаетъ ее; кое-что, можетъ быть, приказано въ свое время, намекомъ. Она очень умно себя ведетъ и очень прилично. Особеннаго не было говорено. Государь жаловался на Орлова: «Алексѣй Ѳеодоровичъ въ дорогѣ какъ заснетъ, такъ навалится на меня, что мнѣ хоть изъ коляски выходить».—«Государь, что же дѣлать?»—сказалъ Орловъ:—«во снѣ равенство, море по колѣно».—А я думаю, наяву у самого душа въ пяткиі уходитъ, когда разгнѣвается Царь и возглаголетъ яростію своею. Орловъ говорилъ мнѣ, что Императоръ желалъ помѣстить брата [232]) къ нему, говорилъ и не любезно, и даже сурово. Мое дѣло просить, и не стыдно просить для другихъ, для себя, слава Богу, ничего не прошу. Государь приказалъ ему заняться съ Гоголемъ,—онъ [233]) также говорилъ:—«вѣдь онъ еще молодъ и ничего такого не сдѣлалъ».—Прошу покорно господъ министровъ сказать, что такое надобно сдѣлать въ литературѣ, чтобы получить патентъ на достоинство литератора въ ихъ смыслѣ. Имъ сядь и выведи *Ода*, потомъ въ одинъ присѣстъ: такого дня и *года* [234]). Право, они смѣшны; еще еслибы читали по-русски. Послѣ такого великолѣпія я вернулась домой и долго размышляла о дворѣ и царедворцахъ, хотя ихъ давно знаю.

16. [235]) Баронесса Фридрикъ [236]) сказывала, что Прусскій король писалъ Государю объ открытіи діетъ провинціальныхъ [237]), излагая свои мысли, совсѣмъ несходныя съ желаніями конституціонной партіи. Государь пеняетъ братца [238]) въ словоохотливости. Разговорились о французскихъ романахъ. Во дворцѣ читали съ жадностью «Mystères de Paris» [239]) и Государь со слезами episode de la Louve [240]) и другіе— [241]).

Братья Мюллеры [242]) давали концертъ въ залѣ Вielьгорскихъ [243]). Квартета лучше этого я никогда не слыхала. Ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ élan [244]). Львовъ [245]) говоритъ, что у нихъ не души, а душонки, что только четыре нѣмца такъ могутъ играть ладно. M-me Viardot [246]) me disait que des allemands seuls pouvaient jouer avec ce calm [247]). Въ Парижѣ славился квартетами Baillot [248]) въ 37 году. Берлинскую публику восхищалъ нѣсколько лѣтъ слѣпой Möser [249]); Мюллеровъ сперва не хотѣли слушать, потомъ заслушались.

Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ у меня вечеромъ и не засталъ дома.

16. Поутру была у меня А. В. Сенявина [250]) и говорила, что мужъ ея [251]), надѣливъ всѣ уѣзды Псковской губерніи хлѣбомъ и деньгами, возвращается домой. Ей писали изъ

Москвы, что Шевырева [252]) зашикали на одной лекціи. Грановскій [253]), тотъ, который прошлый годъ читалъ съ блистательнымъ успѣхомъ исторію среднихъ вѣковъ, читалъ [254]) диссертацію на магистерскую степень [255]). Рѣдкинъ [256]) его защищалъ противъ Шевырева, публика заступилась за любимца красавца, и зашикали, когда Шевыревъ немного кольнулъ [своего adversaire [257])[258])] Грановскаго. Я писала по оказіи Жуковскому насчетъ Гоголя и просила его написать нѣсколько строкъ къ Орлову [259]).

17. Были крестины во дворцѣ В. К. Александра Александровича [260]) и обыкновенный большой обѣдъ. Графа Нессельрода [261]) сдѣлали канцлеромъ, Волконскому [262]) 400.000 серебромъ, т. е. простили долгъ на имѣніи Tante militaire [263]). Говорятъ, что онъ былъ въ большомъ гнѣвѣ: еслибы не канцлерство Нессельроду, то эти деньги ему были бы очень понутру, а теперь невпопадъ, потому что Нессельродъ сталъ выше его. Васильчикову Л. В. [264]) мажоратство [265]) въ 20 тысячъ серебромъ, кажется, Таурогенъ.

(*18.* . . . . . былъ) [266]). Вечеромъ была у княгини Чернышевой [267]), которая принимаетъ по субботамъ. Князь [268]) страхъ какъ некраснорѣчиво говоритъ. Онъ хотѣлъ насъ позабавить разсказомъ о шведскомъ королѣ (Bernadotte) [269]) и очень скучно разсказывалъ про пустой случай. Очень важно въ кружокъ сидѣли Левашовъ [270]), Киселевъ [271]), очень aigre doux [272]), Граббе [273]), Бергъ [274]) и Блудовъ [275]), выжидавшій съ нетерпѣніемъ, чтобы захватить разговоръ въ свое владѣніе. Вошелъ адъютантъ графъ Гурьевъ [276]). Очень некстати сказалъ ему министръ: «assoyez-vous» [277]) и повторилъ еще разъ, довольно холодно: «assoyez-vous». Вѣдь это нигдѣ не услышишь и не увидишь. Ce n'est pas Européen [278]).—Покойная Наталья Кирилловна Загряжская [279]) не любила князя Чернышева, не любила также слова Européen [280]). «Ma chère, que c'est que c'est cet mot d'Européen, qu'on a inventé à présent sans être européens? On valait mieux de notre temps» [281]), говорила она, пригрызывая себѣ ногти. Она сказала бы о Чернышевѣ, что онъ неучъ. Но неучъ не то значитъ, что manque d'Europeïsme ou de civilisation [282]). Я узнала, что у Суворова [283]) живетъ одинъ изъ братьевъ Варгиныхъ. Варгинъ [284]) былъ fournisseur de l'armée [285]) до вступленія въ министерство кн. Чернышева, который съ нимъ довольно дурно поступилъ. Онъ обанкротился, имѣлъ до 20 милліоновъ прежде въ оборотѣ.

18. Вечеромъ я была у В. К. Ольги Николаевны [286]). Играли

въ лото за большимъ столомъ, и Государь также, а В. К. съ фрейлинами и молодыми дамами, флигель-адъютантами въ другой комнатѣ. Послѣ Огаревъ [287]) вздумалъ позабавить насъ представленіемъ: нарядился въ тюрбанъ, стоялъ въ дверяхъ, напялилъ юбчонку, на руки чулки и башмаки и танцовалъ руками по столу, а К. Н. [288]) голыми руками дѣлалъ за него жесты. Это точно было смѣшно, но довольно странно: не такъ забавлялись при Екатеринѣ. Государь уже видѣлъ прежде у графа Клейнмихеля [289]) подобныя представленія.— Я спросила Рибопьера [290]), который вѣкъ свой при дворѣ, какова была Наталья Алексѣевна [291]), первая жена Павла Петровича [292]).—«Она была. . . . . Великій Князь тогда былъ въ короткой связи съ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ [293]) и приказывалъ ему всегда входить къ себѣ безъ доклада, даже когда онъ въ кровати съ женой. Онъ понравился Натальѣ Алексѣевнѣ. . . . [294]). Она умерла въ родахъ [гдѣ похоронена, Богъ вѣсть, но не въ крѣпости [295])]. Великій Князь былъ въ отчаяніи, а императрица [296]), чтобы утѣшить его, показала ему переписку жены съ Андреемъ Кирилловичемъ; его послали въ Неаполь, гдѣ царствовала и распутствовала Каролина [297]), та самая, которую [298]) я видѣла въ Одессѣ въ 1813 году. Его Актонъ [299]) оттуда выжилъ. У графа Нессельрода была тьма народу; всѣ поздравляли съ канцлерствомъ.

19. Вся Царская фамилія была въ концертѣ инвалидовъ, [300]) день вошествія въ Парижъ [301]). Оттуда пріѣхалъ ко мнѣ Нелидовъ [302]). Говорили о подлости Михайловскаго-Данилевскаго [303]) и какъ онъ подслуживается князю Чернышеву [304]). Фельдмаршалъ Сакенъ [305]) писалъ свой дневникъ; послѣ смерти всѣ его бумаги взяты были въ штабъ. Ихъ пересматривалъ Чернышевъ. Нашли слѣдующія слова въ дневникѣ: «если кто хочетъ имѣть самое невѣрное понятіе о кампаніи 12 года, тотъ пусть читаетъ записки холопа князя Чернышева, Михайловскаго-Данилевскаго». Говорятъ, будто бы Данилевскій тутъ былъ въ комнатѣ, и читалось это вслухъ, будто бы Вревскимъ [306]).

20. У графа Кушелева [307]) былъ большой музыкальный вечеръ. Мнѣ смерть надоѣли итальянцы, l'air de Balfe [308]) и Маринари [309]). Я сидѣла въ другой комнатѣ; подошелъ ко мнѣ князь Меньшиковъ [310]). Я всегда жду отъ него un mot à la Taleyrand. Il paraît que ses mots sont rares comme les beaux jours [311]). А по городу ихъ столько шатается! Мнѣ, видно, счастья нѣтъ! Хорошо онъ сказалъ про Рубини [312]): «j'ai la vue trop basse pour l'entendre» [313]).

21. Политика [314]) на меня сердится, что я его не навѣщала во время болѣзни; онъ же никуда почти не ѣздилъ да и не прислалъ сказать, что боленъ. Петръ Ивановичъ напрасно не писалъ свои записки. Онъ вступилъ въ службу еще при Безбородкѣ [315]), всегда жилъ въ высшемъ кругѣ и былъ во многихъ домахъ на короткой ногѣ, какъ, напр., у графа Семена Воронцова [316]) въ Англіи, бывалъ въ посольствахъ, много читалъ, много видѣлъ. Мы разговорились о статьѣ, написанной Тьеромъ [317]) въ Histoire du Consulat о смерти Павла Петровича. Редакторы журнала нарочно помѣстили ее на 11 марта [318]), такъ что Государь прочелъ эту статью 12 числа нашего стиля. Я удивляюсь, откуда Тьеръ могъ имѣть такія вѣрныя и подробныя извѣстія, совершенно изустныя до сихъ поръ у насъ. Петръ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что первый, который это разгласилъ въ Берлинѣ, былъ Жеребцовъ [319]). Онъ посланъ былъ тогда съ извѣстіемъ о смерти, зналъ все и хвасталъ даже, что онъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ. C'était la mode alors de s'en vanter. Bolhovscoy [320]) s'en est vanté aussi et s'en est mal trouvé après. Le comte Langeron [321]) a aussi contribué à divulguer ces affreux détails. Il a écrit des mémoires á cette epoque et ce manuscrit doit être en France [329]). Петръ Ивановичъ былъ у графа Палена [323]) въ его имѣніи въ Курляндіи. Его жена была очень замѣчательная женщина и въ то время въ весьма тѣсной дружбѣ съ В. К. Елизаветой Алексѣевной [325]). Она говорила ему [326]), что еще въ самомъ началѣ Е. А. не любила Александра. Elle était très dédaigneuse avec lui et repoussait toutes ses caresses [327]). —Мое дѣло пошло въ ладъ: Государь приказалъ Уварову [328]) узнать, что нужно Гоголю. Уваровъ тутъ поступилъ благородно, сказалъ, что Гоголь заслуживаетъ всякую помощь.

22. Надобно подробно узнать дѣло des soeurs grises [329]), которое надѣлало много шуму и очень не понравилось Римскому правительству. Въ послѣдній разъ, когда я была вечеромъ у Государыни, она хотѣла было заставить читать депеши изъ Пруссіи насчетъ движенья въ южныхъ провинціяхъ. Кажется, большая партія хочетъ отойти отъ папской зависимости. Что такое католицизмъ безъ Папы? Въ тотъ же день она читала депеши Бутенева [330]) изъ Рима, который, повидимому, улаживаетъ съ Ламбрускини [331]. Дѣло о soeurs grises началось еще въ бытность мою въ Римѣ въ 1842 году при Потемкинѣ [333]).— Говорятъ, что Потемкинъ былъ нѣкогда умный человѣкъ, но безъ характера, отъ пренебреженія или отъ того, что дѣла

22) 23

„Европеец [illegible] [illegible] à [illegible] [illegible] [illegible]"
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], перетолковывая [illegible] [illegible]; она [illegible]
[illegible] с К. Нессельроде [illegible] [illegible] [illegible]. Он [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Европейски
[illegible] de civilisation. Я узнал это у Сперанского.
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
Варшава будет [illegible]: à l'agonie de
возмущения в Министерстве К. Нессельроде
который [illegible] [illegible] [illegible] дурные [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] до 26, [illegible]
[illegible] в [illegible].

18. Вечер и бал у [illegible]
[illegible], играли в ломбер, где [illegible]
[illegible] и Государь [illegible], а [illegible]
[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] в Другой
Комнате; [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]; [illegible]
в Петербург, [illegible] в Дворец, [illegible]
[illegible], на руках [illegible] и Дашкова
[illegible] [illegible] [illegible]; а К. К.
[illegible] [illegible] [illegible] где [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], не [illegible]
[illegible]; не [illegible] [illegible] [illegible]
Екатерины. Государь у [illegible] [illegible]
у Графа [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]. — Я спросил [illegible]
который [illegible] [illegible] [illegible] при
Дворе, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] Павле Петровиче.
Она [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]

[23] ...ниня жила въ короткой связи съ Андреемъ
Кирилловичемъ Разумовскимъ и переписывалась,
ему всегда входившему прямо къ ней безъ
доклада, даже когда она въ кровати
и раздѣта. [illegible] Наталья Алексѣ-
евна [illegible] ему [illegible] въ
постелѣ, и говоритъ что не ревнуетъ....
Она умерла въ родахъ родивъ мальчика
весь [illegible] какъ и въ утробѣ./ Великій
Князь былъ въ отчаяніи, а Императрица
Екатерина утѣшила его, показавъ ему перепи-
ску ея съ Андреемъ Кирилловичемъ; ее
погребли въ Невскомъ гдѣ Царствовавшая
и разумнѣйшая Екатерина, та самая
[illegible] въ Одессѣ въ 1813
году, [illegible] [illegible] [illegible].
У Графа [illegible] была [illegible],
всѣ [illegible] съ [illegible].
19. При Царскомъ [illegible] въ
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
въ [illegible]; [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], говорили о надменности Михаила
Долгорукаго, и что онъ [illegible] [illegible]
[illegible] Церковь. [illegible] [illegible]
[illegible] свой дневникъ, [illegible] [illegible]
все [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible]
[illegible] [illegible]; [illegible]
[illegible] слова въ дневникѣ: [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
и [illegible] 12 года, [illegible] [illegible] [illegible].

(его) [333]) дѣлалъ Павелъ Ивановичъ Кривцовъ [334]) мимо его, но Ламбрускини первый говорилъ ему о многихъ предметахъ, о которыхъ ему ни слова не писали. Кривцовъ умеръ въ прошломъ году въ Римѣ. Онъ былъ то, что называется тонкая штука, ума пріятнаго и обхожденія facile [335]). Онъ не имѣлъ, впрочемъ, de la partie dans ces vues [336]), а такъ только имѣлъ умъ, про случаи. Константинъ Николаевичъ [337]) ѣдетъ въ Константинополь. Къ нему ходитъ по вечерамъ Фонтонъ [338]). Онъ—фанаріотъ [339]) и былъ, кажется, 11-ть лѣтъ при нашемъ посольствѣ. Говорятъ, что онъ весьма свѣдущъ въ восточныхъ дѣлахъ, да и личности ему знакомы. Константинъ Николаевичъ [340]) при мнѣ говорилъ, что послѣ Олега онъ первый изъ князей *королевской* крови русской подъѣдетъ къ Константинополю. Спрашивалъ меня, что мнѣ оттуда привезти. Я сказала: «возьмите городъ». Онъ положилъ палецъ ко рту и вполголоса сказалъ: «онъ будетъ, будетъ нашъ—ужъ этого не миновать».

Нелидовъ [341]) вечеромъ былъ у меня. Послѣ послѣдняго указа о рекрутскомъ наборѣ по 7 съ тысячи Государь собралъ всѣхъ флигель-адъютантовъ и говорилъ имъ предлинну [334]) рѣчь. Вотъ ея содержаніе въ нѣсколькихъ словахъ: «господа, я знаю, что на меня ропщутъ; еслибы я былъ помѣщикъ, я бы самъ роптalъ. Кавказъ [342])—только предлогъ; въ скоромъ времени вы узнаете настоящую причину сего набора: онѣ самыя важныя. Мнѣ больно во всеобщемъ ропотѣ то, что въ двадцать лѣтъ моего царствованія меня не узнали еще и не поняли, что безъ особенной причины я никогда не бралъ рекрутовъ». Онъ говорилъ прекрасно, какъ всегда. Но у каждаго былъ отвѣтъ въ карманѣ: «а безсрочные отпускные зачѣмъ у васъ?». Флигель-адъютантъ Опочининъ [344]) посланъ былъ въ польскія губерніи кормить ихъ. Ихъ тамъ гуляетъ, и, какъ кажется, не смирно, до 10000. Опочининъ, встрѣтя меня на Салтыковской лѣстницѣ [345]), мнѣ это самъ говорилъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Срв. «Сѣверную Пчелу» 1845 г., № 45: «26 февраля. Сегодня, въ три часа пополудни, триста однимъ пушечнымъ выстрѣломъ съ Петропавловской крѣпости возвѣщено жителямъ здѣшней столицы о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени сыномъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и Великой Княгини Маріи Александровны». Александръ—впослѣдствіи Александръ III.
2) Ѳ. И., знаменитый поэтъ (1803—1873).
3) Жена министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Нессельроде, гр. М. Д. (1786—1849), урожд. Гурьева.
4) Неразборчиво.
5) Министръ народн. просвѣщенія С. С. (1786—1855), впослѣд. графъ.
6) О католической церкви въ Польшѣ.
7) Русскій посланникъ въ Римѣ, Ник. Дм. (1789—1849).
8) Рѣшительнѣе.
9) Ѳед. Ѳед., первый секретарь русской миссіи въ Римѣ.
10) По моему мнѣнію, это—образецъ хорошаго тона и въ то же время настойчивости требованій.
11) Иммератрица Александра Ѳеодоровна (1798—1860) и Великія княжны.
12) Вел. Кн. Марія Николаевна (1819—1876). Съ 1839 г. въ замужествѣ за герцогомъ Лейхтенбергскимъ Максимиліаномъ.
13) Гр. Голенищева-Кутузова, фрейлина (1811—1848).
14) Дочь Вел. Кн. Михаила Павловича и Вел. Кн. Елены Павловны (1826—1845). Въ 1844 г. вышла замужъ за герцога Нассаускаго Адольфа-Вильгельма.
15) Гр. Ѳед. Вас. (1802—1865). Флигель-адъютантъ съ 1834 г.
16) Мих. Сем. (1782—1856). Съ 1844 г.—Кавказскій намѣстникъ.
17) См. прим. 2.
18) Семья Н. М., исторіографа.
19) Библіофилъ (1804—1860). Въ 1842 г. женился на кн. М. И. Долгорукой.
20) С. А., пріятель Пушкина, библіофилъ и библіографъ, знаменитый въ свое время эпиграмматистъ (1803—1870).
21) Ю. Ѳ., извѣстный славянофилъ (1819—1876).
22) Гр. Е. П. Ростопчина, поэтесса (1811—1858).
23) Серг. Аполл., позднѣе Попечитель Моск. Учебн. Округа (1788—1854).
24) Кн. П. А., писатель и государственный дѣятель (1792—187 8

25) См. прим. 3.
26) См. прим. 2.
27) Ужасная необходимость.
28) Кн. П. Р. (1777—1850), генералъ-адъютантъ Павла I; съ 1814 г. въ отставкѣ; видный членъ петербургскаго высшаго свѣта.
29) Франц. государственный дѣятель (1754—1838).
30) Франц. историкъ и государственный дѣятель (1787—1874).
31) Дарья Христоф., сестра шефа жандармовъ А. Х. Бенкендорфа (1786—1857).
32) 4 марта?
33) См. прим. 18.
34) См. прим. 24.
35) А. Н., сынъ исторіографа (1815—1888).
36) Иннокентій (Борисовъ), знаменитый церковный проповѣдникъ (1800—1857).
37) У Смирновой: Ликордера. Лакордеръ—извѣстный французскій проповѣдникъ (1802—1861).
38) «Католическій міръ», франц. духовный журналъ.
39) Передъ.
40) *5* передѣлано Смирновой изъ *4*.
41) 1798—1848.
42) См. прим. 14.
43) См. выше подъ 1 марта.
44) Государственный Совѣтъ.
45) 1792—1855. Министръ внутр. дѣлъ съ 1841 г.
46) Гр. П. Д., министръ государственныхъ имуществъ (1788—1872).
47) Неразборчиво.
48) Михаилъ Павловичъ и Александръ Николаевичъ, наслѣдникъ.
49) Діета—сеймъ вообще или одно изъ его засѣданій. Разговоръ шелъ о польской конституціи, дарованной Александромъ I.
50) Великій князь (1779—1831).
51) Предмѣстье Варшавы.
52) Императоръ Александръ I.
53) Это было понято, какъ обѣщаніе конституціи для Россіи.
54) В. кн. Михаилъ Павловичъ.
55) Александръ, фанаріотъ (1783—1828). Движеніе—греческое возстаніе 1821 г.
56) Александръ I.
57) Журналъ греческихъ повстанцевъ, эмигрантовъ и сторонниковъ освобожденія Греціи.
58) Отъ бѣшенства.
59) Не можемъ указать, кого имѣла въ данномъ случаѣ въ виду Смирнова.
60) Точки въ подлинникѣ.
61) Н. В. По всей вѣроятности, отъ 24 февраля (см. Шенрокъ, Письма Гоголя, III, 23—27).
62) А. А., знамен. художн. (1806—1858). Его письмо напеч. въ «Рус. Арх.».
63) Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи Александръ II.
64) См. прим. 16.
65) Гр. И. Ѳ. Паскевичъ (1782—1856). Ген.-фельдм. съ 1829 г.

66) Гр. А. Ѳ., шефъ жандармовъ, впослѣдствіи предсѣдатель Государ. Совѣта (1787—1862).
67) См. прим. 46.
68) Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ (1776—1852).
69) Гр. П. М., главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями (1793—1869).
70) См. прим. 5.
71) Гр. Д. Н., съ 1839 г. главноуправляющій Канцеляріей Его Величества (1785—1864).
72) См. прим. 45.
73) Царская семья.
74) Фрейлина Варв. Арк., съ которою въ связи былъ Николай I (— 1907).
75) Вѣроятно, Сес. Влад. Фредерикъ, жена оберъ-шталмейстера бар. П. А. (1786—1855).
76) Вѣроятно, кн. И. А. Лобановъ-Ростовскій, сенаторъ (1789—1859). Въ «Сѣв. Пчелѣ» 1845 (№ 51) упоминается ген.-ад. кн. Лобановъ-Ростовскій.
77) Лицо, намъ неизвѣстное.
78) Кн. А. А., внукъ полководца (1804—1882).
79) А. П., впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ (1802—1873).
80) Александръ Гессенскій, братъ импер. Маріи Александровны (1823—1888).
81) Дочь Николая I, въ замужествѣ королева Виртембергская (1822—1892).
82) На прѐстолѣ.
83) Зачеркнуто.
84) Неразборчиво. Въ «Русскомъ Архивѣ» Marechal (?).
85) Неизвѣстное намъ лицо.
86) Отъ кн. Любомирскихъ Дубно перешло къ кн. Барятинскимъ.
87) Неизвѣстное намъ лицо.
88) Sic.
89) Кн. Любомирскій.
90) Польскимъ магнатамъ.
91) Неизвѣстное намъ лицо.
92) Вѣроятно, за участіе въ польскомъ возстаніи.
93) Монашескій женскій орденъ.
94) См. прим. 78.
95) Гр. Д. И., извѣстный метроманъ, бывшій въ родствѣ съ Суворовымъ (1757—1835).
96) Кн. А. В., фельдмаршалъ (1730—1800).
97) Условный языкъ.
98) Абр. Петр. Ганнибалъ, дѣдъ матери А. С. Пушкина, генералъ-аншефъ (1696 или 1697—1781).
99) А. С., поэта.
100) Вас. Ив. (1705—1775).
101) Передѣлано изъ 7.
102) См. прим. 22.
103) См. прим. 21.
104) Зачеркнуто.

105) Такъ въ подлинникѣ.
106) Петербургскій высшій свѣтъ и дворъ.
107) Зачеркнуто.
108) А. О. Смирнову.
109) Портретъ А. О. Смирновой въ тюрбанѣ воспроизводился не разъ (напр., въ Пушкинскихъ альбомахъ 1899 г.).
110) Соф. Ив., урожд. гр. Лаваль, жена камергера (1809—1867).
111) Парижская модистка.
112) Гр. Ел. Карл., урожд. Нессельроде, жена дипломата (1813—).
113) Амалія Максимил., побочная сестра импер. Александры Ѳедоровны (—1881), мюнхенская красавица, въ которую былъ влюбленъ Ѳ. И. Тютчевъ.
114) Мало разборчивое слово.
115) Sic.
116) Елиз. Мих., урожд. Комбурлей, славившаяся красотой (1805—1859).
117) Зачеркнуто.
118) Пропущено: ей.
119) Лишнее слово. Возможна ошибка пунктуаціи у Смирновой: слѣдовало написать: «смѣялась иногда и показывала».
120) Зубы, которыми особенно славилась Бутурлина.
121) Смущеніи.
122) Вы ужинали (вмѣстѣ съ Государемъ?), но послѣднія почести сейчасъ для нея. «Онъ чудакъ»,—сказалъ онъ ей,—«нужно однако чѣмъ-нибудь кончить все это, но онъ никогда не дойдетъ до конца—не хватитъ мужества, онъ придаетъ странное значеніе вѣрности». Всѣ эти уловки съ нею не приведутъ ни къ какому результату.
123) Государь.
124) Марія Трофимовна, жена ген.-лейт. М. В. Пашкова, урожд. Баранова (1807—1887).
125) См. прим. 66.
126) Гр. Вл. Ѳед. (1790—1884), съ 1841 главноуправляющій почтъ, съ 1852 г. министръ Импер. двора.
127) Государь и m-me Крюднеръ.
128) Гр. Алекс. Христоф., съ 1826 г. шефъ жандармовъ (1783—1844).
129) Гр. П. Д. Киселевъ См. прим. 46.
130) Государственные крестьяне.
131) Кн. Григ. Петр., попечитель Петерб. учебнаго округа (1808—1882).
132) Волконскому. См. прим. 68.
133) Волконскій.
134) Зачеркнуто.
135) Государю.
136) Народн. Просвѣщенія—Уваровъ. См. прим. 5.
137) Неразборчиво.
138) Sic.
139) См. «Сѣверная Пчела» 1845 г. (№ 50, 5 марта): «исправляющему должность Попечителя С.-Петербург. Учебнаго Округа ст. сов. камергеру кн. Григ. Волконскому всемилостивѣйше повелѣно быть исправляющимъ должность Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа». Вся эта некрасивая исторія подробно разсказана въ «Дневникѣ» А. В. Никитенка.

140) Нужно было уловить моментъ, онъ думалъ сдѣлать добро и поторопился оказать услугу, потому что онъ рѣдко работаетъ съ Императоромъ.
141) Кн. П. М. Волконскій.
142) Зачеркнуто.
143) Гр. М. Юр., музыкантъ (віолончелистъ) (1794—1866).
144) См. прим. 76.
145) Алексѣя Петровича.
146) Супруга Александра I (1799—1826).
147) Портретистка, дочь художника Vigée (1755—1842).
148) Впослѣдствіи Александръ II.
149) Этотъ моментъ долженъ былъ быть ужаснымъ для нея (NB у нея не было дѣтей мужского пола), однако съ этого момента она сдѣлалась по отношенію ко мнѣ гораздо ласковѣе. Когда родился мой сынъ, послѣ перваго момента счастья я стала думать объ участи, которая его ожидала: ему суждено было царствовать. Что касается насъ, то мы и не думали о престолѣ.
150) Вѣроятно, объ отреченіи отъ престола Канстантина Павловича, если онъ женится на полькѣ Ловичъ.
151) Великій князь Константинъ Павловичъ (1779—1831).
152) Княгиня Ловичъ, морганатическая супруга Константина Павловича (1795—1831).
153) Великій князь (1798—1848). Смирнова была съ нимъ дружна.
154) Константинъ Павловичъ.
155) Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828).
156) Павелъ I.
157). Моя милая, пріѣхавъ въ Россію, я очень восхищался благотворительностью Матушки, но (при дворѣ) была мода насмѣхаться надъ нею и ея разговорами, которые вращались только около воспитательныхъ учрежденій и госпиталей. Однажды, въ Москвѣ, Матушка показывала эти учрежденія отцу; императоръ Александръ велъ меня подъ руку и повторялъ: «Будьте снисходительнѣе, будьте снисходительнѣе!»—«Но я не имѣю въ этомъ нужды», сказала ему я: «я восторгаюсь, я нахожу это превосходнымъ, это мнѣ нравится и меня трогаетъ». Онъ посмотрѣлъ на меня удивленно. Этимъ насмѣшкамъ давала тонъ императрица Елизавета; въ сущности она была рѣзка.
158) Алекс. Ив. (1728—1788). Въ 1783 г. по приказанію императрицы Екатерины Второй встрѣтилъ въ Ревелѣ принцессу Гессенъ-Дармштадскую съ дочерью, впослѣдствіи великой княгиней Натальей Алексѣевной.
159) Министръ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія при Александрѣ I (1773—1844). Интересовался русской исторіей. Многіе матеріалы доставлялъ ему А. И. Тургеневъ.
160) А. О. Смирнова хлопотала тогда о правительственной субсидіи Н. В. Гоголю.
161) Гр. В. А., авторъ «Тарантаса», беллетристъ и драматургъ (1814—1882). NB. въ подлинникѣ.
162) Романъ Еженя Сю (вышелъ въ 1844 г.). NB. въ подлинникѣ.
163) В. кн. Константинъ Николаевичъ (1827—1892).

164) Въ 1845 г. онъ совершилъ морское путешествіе въ Константинополь, Францію, Испанію и Англію.
165) Извѣщеній объ этомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» мы не нашли.
166) Александръ Николаевичъ.
167) Лейхтенбергскимъ (Максимиліаномъ), мужемъ вел. кн. Маріи Николаевны (1817—1852).
168) День смерти Павла I.
169) Императоръ Николай I.
170) Великому князю.
171) См. прим. 167.
172) Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.
173) Вѣроятно, имѣются въ виду каламбуры, которые очень любилъ вел. кн. Михаилъ Павловичъ.
174) Урожд. Кушникова.
175) Гр. Елиз. Ксав., жена М. С. (1796—1881).
176) Зачеркнуто.
177) Романъ Бернардена де Сенъ-Пьера: «Paul et Virginie».
178) Зачеркнуто неразборчивое слово.
179) Могла только будировать.
180) Дочь поэта, позднѣе жена И. С. Аксакова (1829—1889).
181) Паскевичъ. См. прим. 65. Онъ былъ тогда намѣстникомъ Царства Польскаго.
182) Зачеркнуто неразборчивое слово.
183) Въ Польшѣ.
184) Вѣроятно, гр. Лубенскіе. Гр. Ѳома былъ министромъ юстиціи Великаго Герцогства Варшавскаго († 1848). Его сынъ, тоже Ѳома († 1870), сенаторъ, принималъ участіе въ возстаніи 1831 г.
185) Зачеркнуто.
186) Бар. Ѳед. Клем., генералъ-майоръ (1783—1848).
187) Познанскихъ (Posen). Дѣло идетъ о польскомъ и чешскомъ движеніяхъ 40-хъ гг.
188) Неразборчиво.
189) Министръ иностранныхъ дѣлъ (1780—1862).
190) Изъ романа Жоржъ-Зандъ «Consuelo» (1842 г.).
191) «Вы читали, какъ это? Рудольштадтъ». — «Да, да».
192) Романъ Жоржъ-Зандъ (1842 г.).
193) «Консуэло» прелестенъ, не правда ли?
194) Онъ очень любитъ женщинъ и занимается ими до настоящаго времени.
195) См. прим. 84 и 86.
196) Ѳ. И., поэтъ.
197) Знаменитая французская предсказательница (1772—1843).
198) Онъ мнѣ сообщилъ исторію, которую разсказываютъ объ императорѣ Александрѣ. Въ 1814 г. онъ долженъ былъ искать совѣта у м-мъ Ленорманъ; посредствомъ зеркала она должна была открыть ему будущее. Сначала онъ увидѣлъ свою фигуру, которую смѣнилъ почти убѣгающій обликъ его брата Константина; тотъ въ свою очередь уступилъ мѣсто величественной и прекрасной фигурѣ императора Николая, которая долгое время оставалась устойчивой; послѣ него онъ увидѣлъ какое то смятеніе, развалины, окровавленные трупы и дымъ, который окуталъ все, какъ саванъ.

Остается узнать, не былъ ли это благосклонный вымыселъ заморскихъ друзей, которые хотѣли успокоить свои страхи гибельными для Россіи предчувствіями.

199) Вѣроятно, Алексѣй Петр., ген.-адъют., оберъ-прокуроръ Синода (1818—1870).

200) Вѣроятно, графъ Бобринскій.

201) Графъ Незаконнорожденный былъ тогда въ Вѣнѣ и говорилъ мнѣ, что это произвело очень дурное впечатлѣніе. На большомъ обѣдѣ у одного сановника онъ слышалъ, какъ къ этому отнеслась высшая нѣмецкая аристократія.

202) Писатель и духовный дѣятель (1806—1874).

203) Принцесса Гессенъ-Кассельская (1825—1844).

204) Знаменитый пѣвецъ (1795—1854).

205) Знаменитый пѣвецъ (1800—1876).

206) Віардо Гарсіа, другъ Тургенева, знаменитая пѣвица, умершая недавно.

207) Ниссенъ-Саломанъ, пѣвица и профессоръ пѣнія (1819—1879).

208) «Stabat Mater» — католическая церковная пѣснь.

209) Генрихъ, дирижеръ. Объ его концертахъ и указанныхъ выше пѣвцахъ и пѣвицахъ см. «Сѣверную Пчелу» 6, 9 и 10 марта 1845 г.

210) «Еврейскія мелодіи» Мендельсона.

211) «Король-буржуа», къ которому очень иронически относились Николай I и его дворъ.

212) Историкъ и государственный дѣятель (1787—1874).

213) Орденъ Почетнаго Легіона.

214) Неразборчивое слово.

215) Въ глубинѣ.

216) Марія Дм., урожд. Гурьева, жена министра иностр. дѣлъ (1785—1849).

217) Евд. Вас., урожд. Пашкова, жена предсѣд. Гос. Сов. и Ком. министровъ (1796—1868).

218) Жена Ил. Вас., съ 1838 г. предсѣд. Гос. Сов. и Ком. мин., получившаго княжескій титулъ въ 1839 г.

219) Вѣроятно, жена А. Ѳ. Орлова.

220) Юлія Ѳед., гофмейстерина.

221) Ек. Мих., урожд. Потемкина (1788—1872).

222) Паскевичъ.

223) А. Ѳ., шефъ жандармовъ

224) Министръ иностр. дѣлъ.

225) Оберъ-камергеръ, гр. Алекс. Ив. (1781—1865).

226) Министръ госуд. имущ.

227) Гр. Викт. Ник., министръ юстиціи (1801—1874).

228) Гр. Дм. Ник., съ 1839 г. главноупр. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріей (1785—1864).

229) Вѣроятно, Донецъ-Захаржевская, фрейлина.

230) См. прим. 74.

231) Гр. А. Ѳ.

232) Одного изъ братьевъ А. О. Смирновой.

233) Орловъ.

234) См. «Чужой толкъ» Дмитріева.

235) Передѣлано изъ 15. Слѣдуетъ *15*.
236) См. прим. 75.
237) Провинціальные сеймы.
238) Прусскій король.
239) Еженя Сю (1842 г.).
240) Въ «Тайнахъ Парижа» Сю.
241) Такъ въ подлинникѣ.
242) Извѣстные квартетисты первой половины XIX в. О нихъ см. «Сѣв. Пчела» 1845, 14 марта.
243) См. примѣчаніе 143.
244) Порыва, сильнаго чувства.
245) Алексѣй Ѳед., композиторъ и скрипачъ (1798—1870).
246) Знаменитая пѣвица, Pauline Viardot-Garcia (1821-1909).
247) Сказалъ мнѣ, что только нѣмцы могутъ играть съ такимъ спокойствіемъ.
248) Виртуозъ на скрипкѣ (1771—1842).
249) Карлъ, скрипачъ (1774—1851).
250) Жена тов. мин. внутреннихъ дѣлъ.
251) Ив. Гр., тов. мин. внутр. дѣлъ, сенаторъ (1801—1851). О помощи голодающимъ псковичамъ см. «Сѣверная Пчела» 1845 г. 13 и 28 марта.
252) С. П., проф. Моск. Унив. (1805—1864). Рѣчь идетъ не о лекціи, а о защитѣ диссертаціи Грановскимъ («Волинъ, Іомсбургъ и Винета»).
253) Тим. Ник., знаменитый профессоръ (1813—1855).
254) Защищалъ.
255) Публичныя лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ читалъ Грановскій въ 1843—1844 гг.; диссертацію защищалъ въ 1845 г.
256) Петръ Георг., юристъ, товарищъ Гоголя (1808—1891).
257) Противники — западники. Самъ Шевыревъ причислялъ себя къ славянофиламъ, хотя стоялъ на точкѣ зрѣнія «оффиціальной народности».
252) Зачеркнуто.
259) Гр. А. Ѳ. По поводу правительственной субсидіи Гоголю. Письмо Смирновой Жуковскому напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1902, V, стр. 111—112, съ ошибочной датой 16 марта *1846 г.*, вм. 1845: «Какъ вы думаете? не написать ли вамъ Орлову коротенькое письмо?» и пр.
260) Впослѣдствіи Александръ III.
261) См. прим. 189.
262) Кн. П. М., министръ Двора.
263) Урожд. Мельгунова, «воинственная тетка».
264) Кн. Илл. Вас. (1777—1847), съ 1838 г. предсѣд. Госуд. Совѣта и Ком. Министровъ.
265) Майоратъ.
266) Густо зачеркнутая, неразборчивая фраза.
267) Жена военнаго министра.
268) Кн. Алекс. Ив., военный министръ (1785—1857).
269) Избранъ на шведскій престолъ въ 1810 г. Маршалъ Наполеона.
270) Гр. Вас. Вас., ген.-адъют. (1783—1848).

271) См. прим. 46.
272) Кисло-сладкій.
273) Гр. Пав. Христ., ген. отъ кавал. (1789—1875).
274) Гр. Ѳед. Ѳед., ген. квартим. главнаго штаба Е. И. В. (1793—1874).
275) См. прим. 71.
276) Адъютантъ военнаго министра.
277) Садитесь.
278) Это не по-европейски.
279) Урожд. гр. Потемкина, родствен. жены А. С. Пушкина (1747—1837).
280) Европеецъ.
281) Моя милая, что это за слово «европеецъ», которое выдумали теперь, не будучи европейцами? Это было лучше въ наше время.
282) Недостатокъ, отсутствіе европеизма или цивилизаціи.
283) См. прим. 78.
284) Вас. Вас. (1791—1859). Объ его дѣлѣ см. «Русскій Архивъ», 1882, II, 97.
285) Поставщикъ арміи.
286) См. прим. 81.
287) Вѣроятно, Ник. Ив., сенаторъ (1789—1852).
288) Великій князь Константинъ Николаевичъ.
289) См. прим. 69.
290) См. прим. 225.
291) Принцесса Гессенъ-Дармштадская (1755—1776).
292) Павла I.
293) 1752—1836.
294) Точками обозначены неудобныя для печати мѣста.
295) Петропавловской.
296) Екатерина II.
297) 1752—1814.
298) Зачеркнуто.
299) Министръ Каролины.
300) Объ этомъ концертѣ см. «Сѣв. Пчелу» 1845 г., 19 марта (№ 60).
301) Въ 1814 г.
302) Вѣроятно, братъ фрейлины В. А. Нелидовой, Іоасафъ Арк. Въ «Сѣв. Пчелѣ» 1845, № 62, напечатано, что въ Петербургъ прибылъ отставной генералъ-майоръ Нелидовъ.
303) Военный историкъ, котораго называли «баснописцемъ» (1790—1848).
304) Военный министръ.
305) Ген.-фельдм. кн. Фаб. Вильг. Остенъ-Сакенъ (1752—1837).
306) Бар. Пав. Алекс., адъют. кн. Чернышева (1810—1855).
307) Алекс. Григ. (1800—1855).
308) Арія Бальфа, англ. композитора (1808—1870).
309) Итальянскій композиторъ.
310) Кн. Алекс. Серг., адмиралъ, морской министръ, славившійся своими каламбурами (1787—1869).
311) Слова a la Талейранъ. Видно, его словечки рѣдки, какъ погожіе дни.
312) Знаменитый пѣвецъ.
313) Я слишкомъ низокъ ростомъ, чтобы его слышать.
314) Петръ Ив., дипломатъ, арзамасецъ (1778—1849).

315) Кн. Алекс. Андр. (1746—1799), канцлеръ.
316) Гр. Сем. Ром., посолъ въ Англіи (1744—1832).
317) Франц. историкъ и государств. дѣятель (1797—1877).
318) День убійства Павла I.
319) А-й Алексѣев. (1758—1819), женатый на О. А. Зубовой, принимавшей живое участіе въ заговорѣ противъ Павла I.
320) Болховской. Поручикъ, принимавшій участіе въ заговорѣ.
321) Гр. Алекс. Өед., ген. отъ инф. (1763—1831). Его записки напеч. въ «Revue Britannique» 1895 г.
322) Тогда была мода этимъ хвастаться. Болховской тоже этимъ хвастался и потомъ долженъ былъ самъ раскаяться въ этомъ. Графъ Ланжеронъ тоже способствовалъ разглашенію этихъ ужасныхъ подробностей. Онъ написалъ воспоминанія объ этой эпохѣ; его рукопись должна храниться во Франціи.
323) Гр. П. А., руководитель заговора противъ Павла I (1745—1826).
324) Юл. Ив., урожд. Шеппингъ (1753—1814).
325) Супруга Александра I.
326) Гр. Паленъ Полетикѣ.
327) Она очень презрительно относилась къ нему и отталкивала всѣ его нѣжности.
328) Министръ нар. просв.
329) Монашескій женскій католическій орденъ — «сѣрыя сестры». См. выше подъ 5 марта.
330) Апполин. Петр., русскій посланникъ въ Римѣ (1787—1866).
331) Кардиналъ (1776—1854).
332) Ив. Алекс., русскій посланникъ въ Римѣ (1780—1849).
333) Зачеркнуто.
334) Секретарь русской миссіи въ Римѣ (—1844).
335) Человѣкъ обходительный.
336) Участія въ этихъ (политическихъ) видахъ.
337) Великій князь.
338) Ант. Ант., первый драгоманъ русской миссіи въ Константинополѣ (1780—1864).
339) Жители константинопольскаго предмѣстья Фанари, греки, оставшіеся тамъ послѣ взятія города турками; во время греческаго возстанія выдвинули рядъ крупныхъ вождей освободительной борьбы.
340) Великій князь.
341) См. прим. 302.
342) Sic.
343) Посылка войскъ на Кавказъ.
344) Флиг.-адъют. К. Ѳ. (1808—1848). О немъ см. «Сѣв. Пчелу» 1845, № 70.
345) Во дворцѣ.

Московская Центральная Публичная библиотека